Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Мурманский арктический университет»

Институт философии Исследовательского центра гуманитарного знания
(Будапешт, Венгрия)

Университет Ньиредьхазы (Ньиредьхаза, Венгрия)

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПТЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
МИГРАЦИЯ ИДЕЙ И ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВ

PHILOSOPHICAL CONCEPTS IN A CHANGING WORLD:
MIGRATION OF IDEAS AND TRANSFORMATION OF MEANINGS

Коллективная монография

Красноярск, 2023

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Мурманский арктический университет»

Институт философии Исследовательского центра гуманитарного знания
(Будапешт, Венгрия)

Университет Ньиредьхазы (Ньиредьхаза, Венгрия)

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПТЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: МИГРАЦИЯ ИДЕЙ И ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВ

Коллективная монография

Красноярск, 2023

УДК 1/14:101.1
ББК 71.0:87.251
Ф56

Научные редакторы:
Сауткин Александр Александрович, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры философии и социальных наук
Мурманского арктического университета;
Мештер Бела, PhD in Philology, PhD in Political Philosophy,
старший научный сотрудник Института философии
(Исследовательский центр гуманитарного знания, Будапешт, Венгрия).

Рецензенты:
Береговая Оксана Александровна, доктор философских наук,
доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного
сотрудничества Сибирского института управления (Новосибирск);
Федоров Вадим Евгеньевич, кандидат философских наук,
доцент, заведующий кафедрой общественных дисциплин Мурманского
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ».

Ф56 **Философские концепты в меняющемся мире: миграция идей и трансформации смыслов :** коллект. монография [Электронный ресурс] / науч. ред. А.А. Сауткин, Б. Мештер. – Электрон. текстовые дан. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2023. – 264 с. – Режим доступа: http://nkras.ru/arhiv/2023/PhilosophicalConcepts.pdf – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer и др.; Acrobat Reader 3.0 или старше.

ISBN 978-5-907608-27-6
DOI: 10.12731/978-5-907608-27-6

В настоящей монографии представлены тексты, подготовленные участниками российско-венгерского исследовательского проекта, направленного на изучение миграции идей. Авторы рассматривают проблемы, связанные с общими вопросами межкультурного взаимодействия в контексте модернизационных процессов и системных общественных изменений в условиях глобализации, а также анализируют различные аспекты европейской интеллектуальной истории и философии образования. Издание адресовано исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам и широкой общественности, интересующейся проблемами философии и науки.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 20-511-23002 «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ».

Все статьи печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-907608-27-6 © Коллектив авторов, 2023

Murmansk Arctic University
(Murmansk, Russia)

Institute of Philosophy, Research Center for Humanities
(Budapest, Hungary)

University of Nyíregyháza
(Hungary)

PHILOSOPHICAL CONCEPTS IN A CHANGING WORLD: MIGRATION OF IDEAS AND TRANSFORMATION OF MEANINGS

Collective monography

Krasnoyarsk, 2023

UDC 1/14:101.1
BBC 71.0:87.251
Ph57

Scientific Editors:
Aleksandr A. Sautkin, PhD in Philosophy, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Studies at Murmansk Arctic University;
Béla Mester, PhD in Philology, PhD in Political Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Research Center for Humanities (Budapest, Hungary).

Reviewers:
Oksana A. Beregovaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation of the Siberian Institute of Management (Novosibirsk);
Vadim E. Fedorov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social Studies at the Murmansk Branch of the RANEPA.

Ph57 **Philosophical concepts in a changing world: migration of ideas and transformation of meanings** : collective monograph [Electronic resource] / scientific editors A.A. Sautkin, B. Mester. – Krasnoyarsk: Science and Innovation Center Publishing House, 2023. – 264 p. – http://nkras.ru/arhiv/2023/PhilosophicalConcepts.pdf

ISBN 978-5-907608-27-6
DOI: 10.12731/978-5-907608-27-6

This monograph presents texts prepared by participants in a Russian-Hungarian research project aimed at studying the migration of ideas. The authors consider problems related to general issues of intercultural interaction in the context of modernization processes and systemic social changes in the context of globalization, and they also analyze some aspects of European intellectual history and philosophy of education. The publication is addressed to researchers, teachers, graduate and postgraduate students and the general public interested in the problems of philosophy and science.

The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation "For the Russian Language and Culture" in Hungary within the framework of the scientific project No. 20-511-23002 "Migration of ideas and the formation of national philosophical traditions: dialogues across borders".

Printed in author's edition.

ISBN 978-5-907608-27-6 © Authors' collective, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

РАЗДЕЛ 1.
ОСМЫСЛЯЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ 11
Мештер Б.
Дилемма историографов философии: между универсальностью центров и своеобразием их национальных культур 12

РАЗДЕЛ 2.
МИГРАЦИЯ ИДЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАНСФОРМАЦИЙ МАРКСИЗМА 25
Сабадош Б., Сауткин А.А.
Интеллектуальная траектория Дьёрдя Лукача: встреча с ленинской идеей революции 26
Сюч Л.Г.
«Ценность и история». Некоторые мысли о критической концепции молодой Агнеш Хеллер 43
Шачин С.В.
Руди Дучке и его «Попытка поставить Ленина на ноги» 67

РАЗДЕЛ 3.
ДИАЛОГИ ПОВЕРХ ГРАНИЦ 131
Шачина А.Ю.
К вопросу о важности и необходимости политического образования (на основе философско-педагогической мысли И. Канта и его последователей) 132
Йенеи Т., Киш Л.А.
Русские идеократия и демотизм. Теория государства в политической философии Н. Алексеева 151
Филиппова Е.В.
О чём рассказали дельфины? Литературное творчество Лео Силарда как опыт социальной рефлексии 189

СПИСОК АВТОРОВ 262

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография является итоговым результатом работы российско-венгерского исследовательского коллектива в рамках проекта № 20-511-23002 «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии.

Целью проекта является сравнительно-типологическое исследование взаимодействия национальных философских традиций, которое осуществляется путём трансграничной миграции людей и идей, а также анализ механизмов функционирования социокультурных границ в интеллектуальном пространстве через конкретные практики, выявляющие различные режимы освоения и модификации философских концепций.

В рамках обозначенного выше проблемного поля было выделено несколько направлений исследования: изучение общего и особенного в процессах и результатах рецепции идей И. Канта в России и Венгрии; параллельный анализ российских и венгерских философско-политических теорий; осмысление опыта интеллектуальной жизни, «выдвинутой» на границу соприкосновения с Иным; анализ диалога как фундаментального взаимоотношения пограничных областей и как «культурного механизма», изменяющего представление о своем и чужом; системное теоретическое обоснование значения философско-педагогического творчества И. Канта для развития научной педагогики в Германии и за её пределами; моделирование изменений, происходящих с марксистской философской традицией в связи с контекстуализацией её идей в различных культурных средах.

Ряд задач были решены на предыдущих этапах реализации проекта, а некоторые темы, к сожалению, так и не получили полного рассмотрения, хотя все из заявленных нами направлений в том или ином виде обсуждались как в ходе рабочих встреч группы в онлайн формате, так и на площадках различных научных конференций и семинаров. Тем не менее, для настоящей монографии, как итоговой публикации, мы отобрали материалы из наиболее разработанных направлений, которые, как представляется, достаточно полно репрезентируют суть нашего исследования и его главные результаты.

Структура книги имеет следующую логику: первый раздел содержит общеметодологические размышления о взаимодействии универсального и частного, специфичного в нарративах об истории философии; второй раздел посвящен тому, как основная тема проекта преломляется в призме марксистской философии, и, наконец, в третьем разделе монографии представлены отдельные кейсы, демонстрирующие различные аспекты темы миграции идей и трансграничных диалогов.

Книга открывается главой, написанной руководителем венгерской части коллектива Белой Мештером. Он рассматривает дилемму национального своеобразия отдельных философских традиций и универсальности философии как таковой, осмысляемой в качестве проявления всеобщего разума[1]. Эта проблема является одной из основных тем, которые исследовались нашим коллективом на протяжении всего трехлетнего проекта: мы пытались понять, как происходит взаимодействие различных философских традиций, но также очень важно еще уяснить, как осуществляется рефлексия в рамках тех культур, которые воспринимают, заимствуют те или иные концепции, идеи, тренды – как происходит рефлексия в отношении воспринятого? Глава Б. Мештера как раз обнажает те методологические проблемы, с которыми сталкивается исследователь рецепции философских традиций в периферийных и полупериферийных культурах.

[1] Следует отметить, что Бела Мештер уже на протяжении многих лет плодотворно занимается этой темой, что отражено во множестве его публикаций. Приведём здесь лишь некоторые из наиболее значимых: Mester, B. Narratives of the Hungarian Philosophy within the Framework of the 19th-Century National Culture // Gyáni, G.; Halmesvirta, A. (eds.) Cultural Nationalism in a Finnish-Hungarian Historical Context. Budapest, Magyarország: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2018. Pp. 119-132; Mester, B. A filozófia narratív emlékezete: Megjegyzések a filozófiatörténet-írás módszertanáról // Laczkó, S. (szerk.) Az emlékezet Szeged, Magyarország: Magyar Filozófiai Társaság, Pro Philosophia Szegediensi Alapítvány, Státus Kiadó, 2017. Pp. 377-391; Mester, B. Toward a Central-European Comparative History of Philosophy. After Chimaerae of National Philosophies – the Hungarian Case // Synthesis philosophica. 2012. Vol. 27, No. 2. P.p. 269-283. Кроме того, необходимо упомянуть о том, что Бела Мештер в 2012-2017 г.г. был одним из ведущих исследователей в проекте «Narratives of the History of Hungarian Philosophy (1792–1947)», а его неоднократное участие в Международных Кантовско-Бахтинских семинарах, регулярно проводимых Мурманским арктическим университетом, также было связано с обсуждением схожего круга вопросов.

Во втором разделе рассматривается проблема миграции идей на конкретном примере марксистской философии. В какой-то исторический момент эта последняя приобрела интернациональный характер, в силу чего она представляет собой очень удачное поле, на котором можно изучать, какие трансформации претерпевают те или иные концепты при пересечении национально-культурных границ. Вопрос о соотношении культурно-специфичного и универсального в марксистском дискурсе здесь рассматривается на конкретных и очень ярких примерах. В главе, написанной Беттиной Сабадош и Александром Сауткиным, анализируются те изменения, которые происходили в мировоззрении одного из ведущих западных марксистов двадцатого века – Дьёрдя Лукача – при встрече с некоторыми ленинскими идеями. В другом тексте этого раздела речь идет об одной из учениц Д. Лукача Агнеш Хеллер, которая входила в число ключевых фигур так называемой «Будапештской школы». Автор данной главы Ласло Гергей Сюч работал непосредственно с архивом Лукача и был лично знаком с некоторыми из членов его ближайшего круга (к сожалению, время безжалостно: в 2019 трагически оборвалась жизнь 90-летней Агнеш Хеллер, а совсем недавно, 27 ноября 2023 года, на 89-ом году наш мир покинул философ Михай Вайда). Ласло Гергей Сюч даёт краткий обзор жизни Агнеш Хеллер, прослеживает основные моменты её творческого пути и сопоставляет попытки ученицы Лукача построить критическую теорию с рядом западных концепций, имевших схожие параметры.

Ещё одна глава во втором разделе написана Святославом Шачиным, на протяжении долгого времени изучающим идеи Франкфуртской школы, а также различные аспекты марксистской теории[2]. Эта работа посвящена ещё одной известной, но недостаточно изученной в России фигуре западноевропейской левой мысли – Руди Дучке. С.В. Шачин характеризует жизнь и творческую деятельность немецкого активиста и мыслителя, а также, опираясь на книгу Дучке «Попытка поставить Ленина на ноги», показывает, как автор анализирует суть российской истории, какие недостатки он выявляет в большевизме, в чём усматри-

[2] В частности, на одном из предыдущих этапов реализации нашего проекта была опубликована монография: Шачин С.В., Шачина А.Ю. Франкфуртская школа и школа постсоветского критического марксизма: опыт осмысления всемирного кризиса. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2021.

вает причины поражения коммунистического движения в России и Европе и какие новые пути борьбы за посткапиталистическое общество предлагает.

Третий раздел книги включает в себя три главы, в которых рассматриваются отдельные случаи, связанные с миграцией идей и диалогическими ситуациями внутри философского дискурса.

Так, Лайош Андраш Киш и Тереза Йенеи анализируют ряд концептов из политической философии Николая Николаевича Алексеева, одного из идеологов евразийства. Авторы стремятся выявить связи некоторых политико-философских традиций с актуальными на сегодняшний день направлениями консервативной мысли.

Анна Шачина исследует суть политического образования в русле философской педагогики Канта и его последователей, а также рассматривает следствия, вытекающие из возможного синтеза этой традиции с философией диалога М.М. Бахтина.

Елена Филиппова исследует литературное наследие Лео Силарда – выдающегося физика-ядерщика и общественного деятеля, одного из самых известных американцев венгерского происхождения. Непростая жизненная траектория ученого-эмигранта была типичной для европейских интеллектуалов его поколения. В статье, посвященной анализу сборника «The Voice of the Dolphins and other stories» (1961), проводится формальный и содержательный анализ как оригинальных англоязычных текстов Лео Силарда, так и их публикаций на русском языке. И по происхождению, и по сфере интересов Лео Силард был трансграничной фигурой, и его литературное творчество можно рассматривать как один из ярких примеров снятия оппозиции «художественный – внехудожественный текст».

Как видим, в третьем разделе авторы стараются вполне по-бахтински занять позицию «вненаходимости» по отношению к своим «героям», войдя при этом в режим «участного понимания»: венгерские авторы размышляют о наследии российского философа, а российский исследователь анализирует творчество уроженца Будапешта, чей причудливый жизненный и интеллектуальный путь пересекал многие и многие границы – как географические, так и ментальные и социокультурные.

Исследовательский проект «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ» подходит к

своему завершению, однако автор настоящего предисловия как руководитель исследования хотел бы выразить надежду на то, что плодотворное сотрудничество российских и венгерских учёных продолжится, и нас на этом пути ожидает ещё немало открытий.

Научный редактор
Сауткин Александр Александрович

Раздел 1

ОСМЫСЛЯЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Бела Мештер
Институт философии
Исследовательский центр гуманитарных наук
Будапешт, Венгрия

ДИЛЕММА ИСТОРИОГРАФОВ ФИЛОСОФИИ: МЕЖДУ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬЮ ЦЕНТРОВ И СВОЕОБРАЗИЕМ ИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Аннотация. *Существует практически обязательный элемент во всех попытках определения философии и самоидентификации философов – это отсылка к понятию универсальности в форме универсальности разума или всего человечества. Проблемы, касающиеся универсальности философии, часто возникают, когда речь идет о контексте размышлений философа, значимого спора или важной работы. В этих случаях философские высказывания, претендующие на универсальность, ретроспективно встраиваются в их специфичность (партикулярность), то есть в локальный, локализованный, а во времена Модерна – национальный – культурный контекст. Эту задачу может и должна решить историография философии; без показа этого контекста история философии будет оставаться чистой доксографией. Связь универсальности, (национальной) специфичности и истории философии особенно выделяется в традиции венгерской историографии философии, начиная с Яноша Эрдейи, который в гегелевской манере строго разделил специфичную национальную культуру, основанную на литературе и эмоциях, выраженных в ней, и философию, основанную на универсальности разума. Его идея стала частью культурной традиции и часто цитируется даже в наши дни. Менее чем через десять лет тот же автор написал (к сожалению, незаконченную) историю венгерской философии, основанную на оригинальной концепции (хотя у него были предшественники), которая на долгие годы стала нормативной в плане подхода к проблеме. Настоящая статья предлагает ответ на вопрос, как можно написать национальную историю философии, если автор придерживается концепции универсальности. Далее будет проанализировано влияние этой культурной традиции*

на самоидентификацию и представление о философии, свойственные академическому сообществу венгерских философов. В завершение статьи будет предложена интересная параллель современного дискурса об африканской философии и опыта самоосмысления истории венгерской философии.

Ключевые слова: *африканская философия, гегельянство, история философии, венгерская философия, Янош Эрдейи, национальная культура, специфичность, универсальность.*

Béla Mester
Research Centre for the Humanities
Institute of Philosophy
Budapest, Hungary

A DILEMMA OF THE HISTORIOGRAPHERS OF PHILOSOPHY: BETWEEN THE UNIVERSALITY OF THE CENTRES AND PARTICULARITY OF THEIR NATIONAL CULTURES

Abstract. *There is a practically obligatory element of the endeavours for definition of philosophy and self-identification of philosophers; it is the reference for a concept of universality, in the form of universality of reason, or the whole of humanity. The problems concerning the universality of philosophy often appear when the contexts of a philosopher's thoughts, of a significant controversy, or of an important work are approached. In these cases, the philosophical utterances what claim a universality are retrospectively embedded in their particularity, in a local, localized, in modern times national cultural context. This task can be and must be fulfilled by the historiography of philosophy; without showing this context, history of philosophy must remain a pure doxography. Connection of the universality, (national) particularity and the history of philosophy especially marked in the tradition of the Hungarian historiography of philosophy, since János Erdélyi who, by a Hegelian manner, strictly separated the particular national culture, based on literature and emotions expressed in it and philosophy based on the universality of reason. His idea became a part of the cultural tradition; it is an often cited topic till nowadays. Less than ten*

years after, the same author wrote the (unfortunately unfinished) history of Hungarian philosophy based on an origin conception (however, he had antecedents) what became normative in its approach for ages. Present article offers an answer for the question that how it is possible to write a national history of philosophy, if the author is engaged to the concept of universality. Later, it will be analysed the influence of this cultural tradition to the self-identification and idea of philosophy of the scholar community of Hungarian philosophers. In the end of the article, it will be offered a surprising parallel of the contemporary discourse about the African philosophy and the experiences of the past of Hungarian philosophy.

***Keywords**: African philosophy, Hegelianism, history of philosophy, Hungarian philosophy, János Erdélyi, national culture, particularity, universality.*

Введение

Историографы венгерской и восточно-центральноевропейской философии столкнулись с двойной методологической дилеммой. Сначала необходимо предложить повествование об истории мировой философии, независимое от прогрессистских предубеждений рассказчика, которые, скорее, предписывают, чем описывают историю. После этого должен быть предложен национальный нарратив с теми же методологическими проблемами и, в конце концов, должно быть найдено правильное соединение двух нарративов. Сегодня это уже не просто методологические спекуляции, а повседневный опыт и задача историографа. Этот вопрос имеет актуальность в современной практике философской историографии. Во-первых, это отличный текущий проект; это новое издание классического руководства, созданного Фридрихом Юбервегом и озаглавленного «*Grundriss der Geschichte der Philosophie*». Это новое издание дает возможность сделать видимыми истории философии полупериферийных и периферийных регионов, написанные учеными того же региона, с постколониальной точки зрения, которая, впрочем, не выражена явно. Особое положение редакторов национального уровня в этой серии книг, интеллектуально и институционально располагающихся между универсальностью, которой управляют центры, и национальной спецификой, которой управляют местные институты и элиты, дает возможность для интересного анализа интеллектуальной истории и историографии философии. Другим актуальным примером является яркий современный дис-

курс об африканской философии, который появился на международной арене, в том числе и за пределами Африки, и демонстрирует удивительные параллели с прошлым опытом венгерской (и восточно-центрально-европейской) философии. Прежде чем задуматься о непосредственном опыте этих дискурсов, нам следует обратиться к историческим предшественникам.

Далее будет предложен обзор возникновения в античной философии дихотомии особенности и универсальности, с одной стороны, и ее темпоральности, с другой. После этого мы рассмотрим использование и функцию термина «*philosophia Barbarorum*», являющегося наследием античности, в профессиональных историях философии XVII века, а также продолжение этих идей в современной национальной культуре XIX в. Особое внимание мы уделим венгерской культурной традиции строгого дихотомического разделения особенностей национальных культур и универсальности философии, заложенной Яношем Эрдейи. В завершении данной работы мы вернемся к актуальным и конкретным проблемам нового издания *Ueberweg* и урокам современного дискурса об африканской философии.

1. Универсальность, особенность и историчность в поздней античности: термин «философия варваров»

Дихотомия универсальности разума и культурной принадлежности конкретных философов всегда содержалась в философском наследии, но отчетливо проявилась она в различных процессах глобализационного характера, особенно в трудах по историографии. Первым шагом стало основание Александрийского музея с коллекцией важнейших текстов восточных цивилизаций в греческих переводах, в том числе Септуагинты. Это был первый момент в истории культуры, когда важные произведения разного культурного происхождения встретились на книжной полке как одинаково значимые представители мудрости или философии. Здесь было достаточно механического соседства свитков, не было необходимости сравнивать или проводить параллели между ними. В то же время филологи и доксографы стали использовать темпоральный принцип систематизации философской традиции в виде стандартизированных биографий философов, дополненных цепочкой «мастер – ученик». Подробный анализ метода александрийской доксографии см. в книге Корнеля Штайгера «Скрытое наследие. Главы из истории античной тра-

диции досократической философии» (Steiger 1999). Это уже появление темпоральности в истории философии, но это еще не историчность в современном понимании. Симптоматично, что это касалось только греческой культуры, за некоторыми поздними исключениями, такими, как в высшей степени неоплатоническая биография Моисея, принадлежащая Филону. Следующий этап глобализации связан с религией, «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного» (Кол. 3:11), «ни мужчины, ни женщины» (Гал. 3:28). В первые века христианства было важно, чтобы новые верующие, пришедшие из греческой языческой культуры, признали Ветхий Завет канонической частью Священного Писания, и, в то же время, крещеные варвары, в том числе и евреи, научились использовать термины греческой философии применительно к понятиям христианского богословия. Ключевое слово этого процесса появилось в «Обращении к грекам» Татиана, это «философия варваров» в смысле еврейской религиозной мудрости, особенно еврейской Библии. Это как раз и означало наступление нового этапа темпоральной схематизации: и греческая философия, и еврейская мудрость являются предпосылками признания истины христианства, но обе они представляют собой статичные, совершенные целостности, а не развивающиеся живые традиции, и они завершаются Откровением (Tatian 2018).

2. Развитие идеи «философии варваров» в начале современной профессиональной историографии философии

Историчность в современном ее понимании появилась именно в XVIII веке в первых профессиональных трудах по истории философии как новой, самостоятельной философской дисциплине. В европейской высшей школе история философии стала обязательной частью учебных программ в последней трети XVIII века. В этом столетии определяющим трудом по истории философии стала монументальная книга Якоба Брукера (Brucker 1742–1744); её различные издания и краткие версии легли в основу учебников разных профессоров как в протестантских, так и в католических школах вплоть до первых десятилетий XIX века (знаковые примеры венгерских католиков и кальвинистов см.: Handerla 2021/1782; Rozgony 1821). Эти учебники содержали приложение о новых тенденциях, появившихся после жизни Брукера, и несли на себе отпечаток различных философских взглядов их авторов.

Термин «*philosophia Barbarorum*» утратил свой религиозный контекст и получил значительное расширение в работах Брукера. В него были включены мудрость Египта и Халдеев, немецкие и кельтские традиции, а также индийская и китайская философия. Не стоит ожидать подробных описаний и полных данных: мы находимся в эпохе перед расшифровкой иероглифов и клинописных текстов; исландские и ирландские кодексы еще не были известны исследователям. Главы Брукера, посвященные философии варваров, представляют собой просто убедительное изложение греческих и библейских источников, касающихся Египта и Месопотамии, а также римских историографий (*Germania, De bello Gallico*). Удивительно, но главы об Индии и Китае более надежны благодаря сообщениям миссионеров (наиболее важные классические китайские сочинения были доступны на латыни в переводах иезуитов конца XVII века). В то же время поколение Брукера всё еще сохранило один важный религиозный элемент – это возведение начала человеческого мышления к мудрости Адама, иногда с некоторыми рассуждениями о его мышлении до грехопадения. В этой концепции различные локальные формы человеческого мышления представляют собой ступени развития знания от Адама до современных философов. Этот мотив развития является корнем современного исторического мышления в истории философии; но проблема дихотомии особенности и универсальности в работах Брукера еще не была решена.

Историческое решение проблемы национальной особенности и универсальности в философии появилось в вопросе о зарождении частной, особенной истории, каковая в то же время обнаруживает свою связь со всеобщей историей. Наш первый венгерский пример – Пал Алмаши Балог. Его работа символична по причине творческого использования старого термина *philosophia Barbarorum* для целей национального повествования (Almási Balogh 1835). Алмаши Балог сопоставил древнегреческие данные о скифских мудрецах с предками венгров и дополнил список всей кинической школой, основываясь на народной этимологии: *kynikos – Cumanus*, отождествив половцев с венграми (на самом деле, половцы были опасными врагами раннесредневекового Венгерского королевства; позднее, после монгольского нашествия, часть из них поселилась в Венгрии и ассимилировалась с венграми). Его решение проблемы начала национального нарратива о философии заключается в том, что Диоген Синопский был первым венгерским философом.

Этим жестом он достиг двух разных результатов: венгерское мышление было связано с самой сутью греческой философии, а культурная критика кинической школы рассматривалась как особая точка зрения древних венгров-варваров на греческую культуру. Его повествовательная техника подобна средневековым хроникам, в которых национальная и языческая мифо-историческая традиция дополняется библейской ссылкой как связующим звеном с общим историческим повествованием христианской Европы. В случае Венгрии это звено найдено в фигуре царя Нимрода как родоначальника венгерской королевской династии (Быт. 10:7–12; 1 Пар. 1:10).

Это была другая задача: рассказать о венгерской философии в сравнении с европейским мышлением. По этой причине возникла необходимость описать историю европейской философии как серии национальных философий, ретроспективно выявляя нации и в древности, и в средневековье. Фома Аквинский считается итальянским философом; философская жизнь вновь возникшей Бельгии выступает как самостоятельное образование и т.д. Длинное название его работы – вопрос конкурса Академии по этой теме: «*Ответ на следующий вопрос: Что отражается в разные периоды истории нашей академической культуры относительно условий философии; В чем и по каким причинам мы отстали от некоторых других народов в отношении философии?*» Этот заголовок ясно отражает господствовавший в тот период нарратив «отсталости»: центральная задача историографа философии – продемонстрировать случаи отсталости и предложить интеллектуальные и институциональные методы и способы ее преодоления.

Наш следующий пример – конкурент Алмаши Балога на том же конкурсе Венгерского научного общества Янош Хетеньи, завоевавший вторую премию после Алмаши Балога. Фактически две работы Хетеньи дополняли друг друга: его история венгерских городов (Hetényi 1841) и его история философии (Hetényi, 1837); сегодня они были бы названы интеллектуальной историей, или историей идей. Хетеньи выбрал совершенно иное решение проблемы начала нарратива: его отправной точкой является сам венгерский язык. Это решение связано со сформулированной Хетеньи концепцией сущности философии, основанной на континентальной интерпретации шотландской традиции здравого смысла. Для этой школы основой всякой философии является общече-

ловеческая способность мышления, то, что заложено в человеческой социальной практике и не может быть отделено от нее. В интерпретации Хетеньи эта философская способность человека воплощена в языках; следовательно, рассказ о человеческом мышлении или его части, например история философии некоторой нации, должен начинаться с анализа языка. Целью Хетеньи было продемонстрировать способность венгерского языка к философии, а не показать в нем элементы конкретной философской школы.

Другая сторона философской историографии Хетеньи воплотилась в его монографии о роли городов в развитии венгерской цивилизации. В этой работе он вводит термин «гражданская философия»; это культурное и образованное мышление нации в политическом смысле, всех граждан, или электората. Этот явный политический аспект проявился и в его истории философии; его повествование было сосредоточено на истории политического использования здравого смысла в венгерской интеллектуальной истории. С этой точки зрения, философы, их труды и школы сами по себе не являются ценностями, они всегда встроены в социальную практику, и окончательная верификация зависит от их эффективности, то есть от того, как они могут помочь политическому сообществу сделать правильный выбор между важными историческими и политические альтернативы.

Классический нарратив об истории венгерской философии связан с именем Яноша Эрдейи. Прежде всего, он разъясняет свои взгляды на понятие философии и взаимосвязь национальной культуры и философии в дискуссионном докладе, адресованном вышеупомянутой венгерской традиции здравого смысла (Erdélyi 1857/1981). Согласно выводу Эрдейи, практичность, народное красноречие и национальность были основными особенностями так называемой «венгерской гармонической философии», и все они были основаны на концепции здравого смысла. В соответствии с его собственной концепцией философии, коренящейся в идеях Гегеля, отправная точка философского мышления – та же, где проходят границы области здравого смысла. По его аргументации, основанной на этом понимании философии, художественная литература, поэзия и искусство, являющиеся способами выражения эмоций и структурированные здравым смыслом, могут быть партикулярными и иметь национальную специфику; но философия, как выражение всеобщего разума, может быть

только всеобщей и «не имеет национальности». Действительно, национальный нарратив об истории философии, основанный на этом понимании философии, должен показаться нонсенсом.

Ключом к решению Эрдейи в его истории венгерской философии (Erdélyi 1865–1867/1981) является концепция *конечной точки* философии. В истории философии вообще оно означает гегелевский синтез как конечную цель человеческого мышления; в случае Венгрии – это достижение аутентичности венгерской философии на венгерском языке после столетий использования отчужденной латыни. Это самосознание венгерской философии воплощается как в открытии гегелевского духа венгерского языка, так и в истории венгерской философии, когда эта последняя пишет свою собственную историю на венгерском языке, опираясь на институциональную основу Венгерской академии наук. В этом пункте Эрдейи как историограф называет себя тем, кто осуществляет синтез венгерской философии; к слову, свою работу он написал по заказу главного секретаря Академии.

Гегелевское видение Эрдейи развивалось параллельно с несколькими манифестами соседних культур, написанными чехом Августином Сметаной (Smetana 1850) и словаком Людовитом Штуром (Štúr 1851/1931)[3], но венгерский мыслитель предполагает, что конечная точка не будет локализована в конкретном культурном круге, а является общим завершением всех национальных культур.

3. Пути после гегелевского синтеза Эрдейи

Вышеупомянутые образцы историографии венгерской философии XIX века являются яркими элементами и современных философских нарративов, хотя и в умеренной форме. Конечно, мы уже не говорим ни о скифских мудрецах, ни о скрытом философском содержании нашего языка, но наши методологические дилеммы похожи. Первый путь – героическое национальное повествование о философском наследии с акцентом на автономию и своеобразие обсуждаемых философов и произведений. Эти усилия могут стать серьезным препятствием на пути объединения наших частных историй с универсальным нарративом. Второй путь – это

[3] Штур пишет свою рукопись на немецком языке в 1851 году, но впервые она была опубликована в русском переводе в 1867 году, а на словацком – только в 1993 году.

национальный нарратив как простая история рецепций и влияний иностранных философий. Благодаря этому методу наш нарратив будет разрушен, а роль венгерских философов в философских дискуссиях в течение их жизни останется скрытой. Тем не менее, конечной целью историографии национальных философий стала модификация основного нарратива мировой философии, что невозможно при строгом применении вышеупомянутых методов.

Сегодня историографы венгерской и других восточно- и центральноевропейских философий играют особую роль посредников между универсальными и национальными нарративами, а также между международными и национальными научными учреждениями. Их роль неоднозначна; они являются колонизаторами своего собственного национального дискурса дома и, в то же время, сторонниками национального нарратива на международной арене.

Это ясно проявилось в подготовке тома Юго-Восточной и Центральной Европы в новом издании *Ueberweg*'а, написанного учеными региона под контролем немецкого редакционного центра, с заранее установленной географической и временной структурой. Я могу поделиться здесь своим опытом работы редактором этого тома. Национальные нарративы должны быть поставлены в параллель друг с другом по меркам книжной серии. Редакторы национальных отделений недостаточно осведомлены о деталях национальной философии своих соседей, но точно понимают структуру национальных канонов и их сходство. Удивительно, но не было никаких двусмысленностей относительно персоналий, школ и территорий. Тем не менее, обратная связь с общим повествованием истории философии, составившим ядро работы, пока остается сомнительной.

4. Дискурс африканской философии как наше зеркало

В это же время тема африканской философии вышла за пределы форумов африканского научного сообщества. Одна из последних публикаций в этой области – критика взглядов современного классика нигерийской науки Чуквудума Барнабаса Около, философа, римско-католического богослова и священника (Ugwu – Ozoemena – Ukwuoma 2023; классическую работу Около см.: Okolo 1983). Трое вышеупомянутых авторов, скорее, формулируют проблемы и задают вопросы, чем

создают новую, специфичную концепцию африканской философии. Хотя их терминология существенно отличается как от древней, так и от современной венгерской, о которой говорилось выше, структура их каталога проблем нам знакома. Для определения африканской философии необходимо иметь четко определенное понятие философии и точное описание прилагательного «африканский». Мы увидим, что на практике эти проблемы тесно связаны друг с другом. Понятием философии может быть (а) рациональность в широком смысле, включая рациональность Вселенной до и после человечества; (б) все человеческое мышление, включая образ мышления устных культур; (в) философия в ее строгом значении, имеющая локальную и временную привязку к конкретным культурам, главным образом – греческой, а затем и европейским. Кажется, что ответ (б) является наиболее положительным для тройки рассматриваемых авторов. В данном случае отправной точкой было общее мышление, коллективная мудрость или здравый смысл, как и в европейской традиции здравого смысла, но они не стремятся найти фиксированный термин.

Проблема характеристики прилагательного «африканский» связана с вопросом о понятии философии. Если Египет, а затем эллинистические центры и латинские писатели, такие как представители Александрийской школы и Августин, являются африканскими, это предполагает строгое значение философии или ответ (а); если африканские культуры в узком смысле – это только устные культуры от региона Сахеля до Южной Африки, то это предполагает ответ (б). (Авторское трио осторожно избегает упоминаний об африканских мусульманских традициях.) Эти вопросы объединяются в проблеме периодизации. На самом деле, это проблема *историчности* африканской философии с теми же проблемами связи универсального и частного нарративов, которые обсуждались в случае с Венгрией, но авторы избегают слов «*история*» и «*исторический*». Понятно, что родные языки имеют слабое значение в этом дискурсе в силу традиции, согласно которой речь идет об африканских философиях, а не о философии йоруба, ибо и т. д. (разница африканских языков и ее философское значение проявляется лишь однажды в статье как мнение одного цитируемого автора).

Возможные параллельные элементы африканского и центральноевропейского дискурсов об истории философии – это пока лишь темы раз-

мышлений такого любознательного историка философии, как я. Тем не менее, в ближайшем будущем они будут иметь весьма практическое значение. Тома об африканской и восточно-центральноевропейской философии серии «*Grundriss*», написанные местными учеными по одним и тем же редакционным правилам, готовятся синхронно. Скоро они встретятся на одной книжной полке, как свитки разных культур встретились на полках Александрийского музея более двух тысячелетий назад.

Список литературы

1. Almási Balogh P. 1835. Felelete ezen kérdésre: Tudományos mivelődésünk története időszakonként mit terjeszt elénkbe a' philosophia állapotja iránt; és tekintvén a' philosophiát, miben 's mi okra nézve vagyunk hátrább némely nemzeteknél. in: Philosophiai pályamunkák. Budán: Magyar Tudós Társaság. XI–XVI, 1–211.
2. Brucker, J: J. 1742–1744. Historia Critica philosophiae a mundi incunabulis ad nostram usque aetatem deducta. I–V. kötet. Lipsiae: Breitkopf.
3. Erdélyi J. 1857/1981. A hazai bölcsészet jelene. In: In: Erdélyi J. Filozófiai és esztétikai írások. Sajtó alá rendezte T. Erdélyi I.; a jegyzeteket írta T. Erdélyi I. és Horkay L.. Budapest: Akadémiai Kiadó. 25–102.
4. Erdélyi J. 1865–1867/1981. A bölcsészet Magyarországon. In: Erdélyi J. Filozófiai és esztétikai írások. Sajtó alá rendezte T. Erdélyi I.; a jegyzeteket írta T. Erdélyi I. és Horkay L. Budapest: Akadémiai Kiadó. 197–295.
5. Handerla, Fr. 2021/1782. Historia critica literaria philosophiae. Budapest: Pytheas (reprint with the preface written by G. Boros).
6. Hetényi, J. 1837. A' magyar philosophia történetírásának alaprajza. Tudománytár 2/1. 76–165.
7. Hetényi, J. 1841. Honi városaink befolyásáról nemzetünk kifejtődésére és csinosbulására. Budán: A' Magyar Kir. Egyetem' betűivel.
8. Okolo, Ch. B. 1983. African Philosophy. A Process Interpretation. Africana Marburgensia 14/2. 2–12.
9. Rozgony, J. 1821. Aphorismi historiae philosophiae. Sáros-Patakini: Impressi per Andream Nádaskai.
10. Smetana, A. 1850. Die Katastrophe und der Ausgang der Geschichte der Philosophie. Hamburg: Hoffmann and Campe.
11. Steiger K. 1999. A lappangó örökség. Fejezetek a preszókratikus filozófia antik hagyományozásának történetéből. Budapest: Jószöveg Műhely Kiadó.

12. Štúr, Ľ. 1851/1931. Das Slawenthum und die Welt der Zukunft /Slovanstvo a svět buducnosti. Ed. Josef Jirášek. Bratislava: Učené Společnost Šafařikova v Bratislavě.
13. Tatian 2018. Address to the Greeks. Translated by B.P. Pratten. Philadelphia/PA: Dalcassian Publishing Co.
14. Ugwu, A. – Ozoemena, L. Ch. – Ukwuoma, I. I. 2023. Okolo on the Question of African Philosophy and its Periodisation. Qeios. https://doi.org/10.32388/A7DAWK.

Перевод с английского А.А. Сауткина и М.В. Дьяконовой

Раздел 2

МИГРАЦИЯ ИДЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАНСФОРМАЦИЙ МАРКСИЗМА

Беттина Сабадош
Институт философии,
Исследовательский центр гуманитарных наук,
Будапешт, Венгрия

Александр Александрович Сауткин
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
Мурманск, Россия

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ ДЬЁРДЯ ЛУКАЧА: ВСТРЕЧА С ЛЕНИНСКОЙ ИДЕЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. *Венгерский философ Дьёрдь Лукач, столкнувшись с кризисным сознанием («Krisenbewusstsein») своего поколения на рубеже XX в., начал искать решения в искусстве. Однако его теория искусства оказалась иллюзорной, неспособной изменить общество. После многих философских попыток реализовать свою теорию на практике, в 1918 г. Лукач обратился к марксизму и впоследствии стал одним из самых влиятельных марксистских мыслителей своего времени. Многие работы Лукача интерпретируют идеи Ленина о революции, пролетариате, культуре или познании. В данной статье нам хотелось бы рассмотреть идею революции: в 1919 г. пала Венгерская советская республика, и многим интеллектуалам пришлось бежать за границу, в том числе Лукачу. В эмиграции он стал обобщать опыт потерпевшей поражение революции и обратился к идеям Ленина в своих ранних марксистских работах: «История и классовое сознание» (1923) и «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей» (1924). Настоящее исследование ищет ответы на следующие вопросы: Как Лукач переосмыслил ленинскую концепцию революции? Как он ее интерпретировал, исходя из опыта павшей Венгерской советской республики? Какие идеи Ленина сохранились в философии Лукача?*

Ключевые слова: *Дьёрдь Лукач, Владимир Ленин, марксизм, теория и практика, жертва, искупление, революция.*

Bettina Szabados
Research Centre for the Humanities
Institute of Philosophy
Budapest, Hungary

Alexander Sautkin
Murmansk Arctic University
Murmansk, Russia

THE INTELLECTUAL TRAJECTORY OF GYÖRGY LUKÁCS: AN ENCOUNTER WITH LENIN'S IDEA OF REVOLUTION

Abstract. *The Hungarian philosopher, György Lukács, recognized the crisis-consciousness of his generation at the turn of the 20th century and began to search for solutions in the art. However, his theory about art proved to be illusory, being unable to reshape socie-ty. After many philosophical attempts to realize his theory in praxis, in 1918 Lukács turned to Marxism and later became one of the most influential Marxist thinkers of his time. In 1919, when the Hungarian Soviet Republic fell, Lukács, like many other intel-lectuals, had to flee abroad. In emigration, he started to summarize the experiences of the fallen revolution and referred to Lenin's ideas in his early Marxist works, in 'History and Class Consciousness' (1923) and 'Lenin: A Study on the Unity of his Thought'(1924). This paper aims to follow Lukács' path, how he became a Marxist from an Essayist, and what solutions he found for the social crises of his era. This study seeks answers to the following questions: How did Lukács reinterpret Lenin's concept of revolution? How did the experience of the fallen Hungarian Soviet Republic influence his interpretation? What ideas of Lenin were preserved in Lukács's philosophy?*

Keywords*: György Lukács, Vladimir Lenin, Marxism, theory and practice, sacrifice, redemption, revolution.*

Введение

К данной теме авторы обращаются не впервые. Начало работы над ней совпало со стартом российско-венгерского исследовательского проекта «Миграция идей и формирование национальных философских традиций:

диалоги поверх границ». Первоначальным импульсом стала подготовка совместного доклада для выступления на международной конференции «Современная цивилизация, капитализм и социальная справедливость (к 150-летию Владимира Ленина)», проходившей в Социологическом институте РАН – Филиале Федерального центра теоретической и прикладной социологии РАН (Санкт-Петербург, 1-3 октября 2020 г.).

Беттина Сабадош давно и плодотворно занимается исследованием наследия Дьёрдя Лукача (13.04.1885—04.06.1971) – венгерского философа и литературного критика, одной из ключевых фигур западного марксизма. Лукач был младшим современником Владимира Ильича Ленина (22.04.1870—21.01.1924), но прожил гораздо более долгую жизнь. В связи с этим, в развитии его как мыслителя небезынтересно проследить точки соприкосновения с ленинскими идеями. Таким образом, замысел данной совместной статьи возник естественным образом из кооперации научных интересов ее авторов, а памятная юбилейная дата выступила лишь внешним поводом.

Общим языком для авторов выступает английский, поэтому после доклада на конференции был подготовлен англоязычный текст совместной статьи, опубликованной в рецензируемом журнале «Filosofija. Sociologija». Вскоре после публикации этого текста с авторами связалась редакция греческого журнала «Марксистская мысль» («ΜΑΡΞΙΣΤΙΚΗ ΣΚΕΨΗ», www.marxistikiskepsi.gr) с предложением опубликовать данную статью в переводе на греческий в готовящемся тематическом номере, посвященном Г. Лукачу (МАРКСИСТСКАЯ МЫСЛЬ. Том 33, август 2021 г. – февраль 2022 г.), что и было осуществлено.

Предлагаемая вниманию читателя русскоязычная статья является частично переработанным и расширенным вариантом первоначальной англоязычной публикации.

Как видим, работа над данной темой (и проектом в целом) началась в 2020 г., когда проходили памятные мероприятия к 150-летию со дня рождения В.И. Ленина. Символично, что окончание проекта совпадает с другой знаменательной датой: в январе 2024 г. будет отмечаться 100-летие со дня смерти вождя мирового пролетариата. Публикация итогового сборника с русскоязычной версией статьи знаменует окончание работы над проектом в январе 2024 г.

Для изучения интеллектуального наследия Ленина в зеркале философии Дьёрдя Лукача привлекались первоисточники и научная литера-

тура на разных языках: венгерском, немецком, английском, русском. Основные положения проведенного исследования были представлены на научных мероприятиях перед разными аудиториями и опубликованы на трех языках. Тем самым работа над данной статьей может рассматриваться как квинтэссенция проекта в целом: это действительно диалог поверх границ.

* * *

Юбилейные даты в очередной раз дают повод или побуждают к попытке переосмысления исторического значения В.И. Ленина, особенно его влияния на (центрально)европейскую общественную мысль, поскольку интеллектуальные идеи, доминировавшие на рубеже XX в., определили впоследствии исторические события целого столетия Европы. 1918 год, когда окончилась Первая мировая война (которую в Европе называют Great war, Великая война) стал рубежом особой эпохи, завершение которой принесло новые интеллектуальные и политические вызовы. Философы и практики, на рубеже веков интересовавшиеся идеями Ленина, вскоре стали ведущими фигурами. Одной из таких фигур оказался ставший впоследствии известным марксистским теоретиком и философом Дьёрдь Лукач. Однако в начале 1900-х гг. он был еще «просто» талантливым молодым мыслителем-эссеистом, признававшим наличие глубоких социальных проблем в своем социальном окружении и пребывавшим в поиске их решения.

Лукач начал свою карьеру в нестабильную эпоху и искал место опоры, где его философия была бы «принята». В начале 1910-х гг. он пытался построить академическую карьеру, намереваясь поступить на службу в Гейдельбергский университет в Германии, но философский факультет по ряду причин отклонил его заявление. После полученного отказа Лукач оказался в Будапеште и принял участие в создании Венгерской советской республики.

Цель данной статьи – проследить интеллектуальный путь Лукача, узнать, как он стал марксистом из эссеиста и какие решения он нашел для преодоления социальных кризисов своей эпохи. В ходе своего теоретического развития Лукач ознакомился лишь с поздними работами Ленина, о чем он упоминает в своем биографическом сочинении ‘Gelebtes

Denken' (см. Lukács 1989: 64). По словам Лукача, после падения Венгерской советской республики, уже находясь в эмиграции в Вене, он получил возможность лучше ознакомиться с ленинским праксисом (Ibid.). Итак, основной интерес данной статьи можно резюмировать следующими вопросами: Как Лукач интерпретировал идеи Ленина о теории и практике (особенно применительно к революции) в зеркале потерпевшей поражение Венгерской советской республики? Какое значение имела теория Ленина для Лукача, который уже находился в эмиграции в Вене? Чтобы найти ответы на эти вопросы, необходимо проследить за развитием мышления молодого Лукача.

Молодой Дьёрдь Лукач и интеллектуальная жизнь начала XX века

Дьёрдю Лукачу, родившемуся и выросшему подданным Австро-Венгерской империи, пришлось рано столкнуться с социальными проблемами монархии. На рубеже веков быстрые социальные и экономические изменения обострили уязвимость индивида (Földény 1980: 18), став причиной формирования у поколения Лукача т. н. кризисного сознания (Krisenbewusstsein). Это явление было наглядно представлено в пьесе Артура Шницлера "Хоровод" (нем. 'Reigen'), написанной около 1900 г. и состоящей из десяти провокационных сцен, свидетельствующих об определенном нигилизме. В произведениях Шницлера присутствует классовая идеология в плане репрезентации границ различных социальных классов и того, как эта идеология классифицирует людей. Молодой Лукач резко критиковал эту объективизацию, когда одни индивиды могут быть легко заменены другими. В одной из самых первых своих работ «Социология современной драмы» (венг. 'A modern drama fejlődésének története'), которую он завершил и опубликовал в 1909 г., он обобщает процесс объективизации, как его можно наблюдать в процессе современного разделения труда: «Отношения между трудом и рабочим непрестанно становятся всё более бессвязными: рабочий все меньше и меньше проявляет свою личность в труде, а труд в свою очередь требует всё меньше и меньше конкретной индивидуальности тех, кто его выполняет. Труд будет жить отдельной, объективной жизнью вопреки индивидуальности конкретного человека, и эта индивидуальность должна выражать себя где-то еще, помимо фактической деятельности, которую он уже осуществляет <...>.

Взаимоотношения между людьми также становятся более обезличенными» (Lukács 1978: 105–106).

Поздний канон часто «обвиняет» молодого Лукача в романтическом антикапитализме, поскольку он утверждает эстетическую ценность труда и считает важным фактором индивидуальность работника. С этим не соглашается Джудит Батлер: «Напротив, он утверждает, что для того, чтобы выражение могло передавать информацию и, таким образом, являться посредником между аутентичным импульсом творца и социальными условиями, в которых он работает, необходимо найти или создать соответствующую форму. Форма не добавляется к выражению, а становится его условием, знаком и возможностью его субъективной и объективной истинности» (Butler 2010: 2).

Итак, молодой Лукач обостренно воспринимал социальные противоречия своей эпохи и сформулировал их в качестве философской проблемы. Ничто не доказывает это лучше, чем его сборник эссе «Душа и форма» (венг. ‘A lélek és a formák’), где он заявляет о приоритете формы. Лукач, вероятно, испытал влияние Георга Зиммеля , когда начал строить свою теорию форм. Зиммель указывал, что общество можно наблюдать в постоянно меняющихся отношениях (см. Hidas 2019: 38), и основывал свою концепцию формы на выводах из наблюдений над современным ему обществом. В одном из своих ранних произведений Лукач резко раскритиковал Зиммеля, заявив, что тот является «истинным философом импрессионизма». Импрессионизм воспринимает и наблюдает формы, как они воздействуют на пестроту жизни (см. Lukács 1977: 747). По мнению Лукача, Зиммель мог бы стать эпохальным философом, но не захотел решать проблемы, не захотел конструировать неизменные вечные формы (Ibid.).

Теперь ясно, что Лукач искал определенную основу, где ясна категория добродетели, а так называемые субъектно-объектные отношения (Subjekt-Objekt Beziehung) параллельны друг другу. Лукач идеализировал древних греков и ссылался на них не только в «Душе и форме», но и в «Теории романа», утверждающей, что мир древних греков был чистым миром форм (см. Lukács 1997: 27-29 и Lukács 1975: 493). Лукач называет это «закрытой культурой», где душевное побуждение и действие совпадают (Ibid.). В те «благие века» (Ibid.) не было необходимости в философии, поскольку философия есть знак того, что связь между имманентным и трансцендентным нарушена. Лукач цитирует Новалиса, когда говорит,

что философия – это «тоска по дому», желание «быть дома», а истинная миссия философии – составить карту этого трансцендентального места, чтобы найти путь обратно к имманентному (Ibid.). Как нам найти путь обратно в те «благие века»? Согласно книге «Душа и форма», именно формы являются возможным ответом на этот вопрос.

Формы привносят порядок в постоянно меняющийся опыт, в качестве «замкнутого единства» они представляют отношения между субъектом и объектом. Литературные формы, представленные в «Душе и форме», имеют требование выражать реальность и, кроме того, "формы допускают или порождают определенный вид выразительности, который был бы невозможен без них" (Butler 2010: 4). Однако Лукач придает особое значение не только идее формы, но и самому эссеисту. Эссеист – не поэт, не учёный и уж тем более не философ: эссеист – критик, но он не борется за право критиковать в одиночку. Хотя у него есть критический эталон, он не способен выстроить его сам по себе. Оценка критика исходит от «эстетики, великого определителя ценностей» (Lukács 2010: 32).

«Эссеист – это Шопенгауэр, который пишет "Парергу" в ожидании появления своего (или чужого) "Мира как воли и представления", это Иоанн Креститель, который отправляется проповедовать в пустыню о другом, которому ещё предстоит прийти и чью обувь он недостоин будет развязать. А если тот другой не приходит – разве эссеист не оказывается безосновательным (лишенным основы, сути)? А если другой всё же придет, не становится ли эссеист тем самым лишним? Не оказывается ли он полностью проблематичным, пытаясь таким образом оправдать себя?» (Lukács 2010: 32)

По мнению Лукача, эссеист будет занимать позицию пророка, проповедующего о приходе мессии (Ibid.), поскольку современность – это лишь эпоха «совершенной греховности» (Vajda 1997: 347-348), которую необходимо искупить. Ранние эссе и теоретические работы, такие как «Философия искусства» (1912–1914) и «Эстетика» (1914–1916) или «Теория романа» (1916–1918) представляют собой поиск возможностей искупления через искусство и философию истории, что в итоге приводит Лукача к идее революции.

Концепции жертвы и искупления в философии Лукача

Решение Лукача стать марксистом подробно проанализировано в каноне, и, хотя это важный момент в теоретическом развитии Лукача, в данной статье мы хотим сосредоточиться только на самых важных фак-

тах. Поэтому коснемся лишь того, как Лукач пытался найти путь между теорией и практикой. Эта попытка акцентируется и в эссе о Кьеркегоре и Регине Ольсен, и в диалоге 'Von der Armut am Geiste' (венг. 'A lelki szegénységről'), где Лукач, опираясь на этику Кьеркегора, ищет возможность формировать саму жизнь. По мнению Лукача, решение Кьеркегора покинуть Регину Ольсен было необходимой жертвой, чтобы спасти не только Регину, но и самого Кьеркегора. Кьеркегор полон решимости творить и поэтому не может позволить жизни ослепить себя, он должен стать аскетом. Лукач охарактеризовал выбор Кьеркегора как скачок между эстетической, этической и религиозной сферами. Скачок возможен только при необходимой жертве, однако Лукач в конце эссе сомневается, принес ли жест или жертва Кьеркегора искупление.

«Но его смерть оставила все вопросы открытыми. Куда бы вёл путь, внезапно оборвавшийся у могилы, если бы он продолжал жить? Куда он направлялся, когда встретил свою смерть? Внутренняя необходимость смерти заключается лишь в бесконечном ряду возможных объяснений; и если его смерть не явилась ответом на внутренний зов, как у актера, берущего за суфлером свою реплику, то мы не можем считать конец его пути концом и должны попытаться представить себе дальнейшие странствия этого пути. Тогда даже смерть Кьеркегора обретает тысячу смыслов, становится случайностью, а не делом судьбы. И тогда самый чистый и недвусмысленный жест в его жизни – тщетное усилие! – в итоге оказался не жестом» (Lukács 2010: 57-58).

Жест (в значении: поступок) Кьеркегора, выбор покинуть Регину Ольсен, всегда имел возможность разрушить форму и иметь обычное объяснение (Lukács 2010: 55), в то время как смерть неотменима и не может быть понята иначе. Она могла дать конец и могла зафиксировать форму, но, как указывает Лукач, даже смерть не способна создать форму в оппозиции к жизни, и в этом трагедия Кьеркегора (Lukács 2010: 57-58). Жест и скачок Кьеркегора оставляют эти вопросы открытыми и дают возможность поиска иных путей и сфер, что и сделал Лукач. Желая избежать трагедии Кьеркегора, который хотел разрушить эстетическую, этическую и религиозную сферы, Лукач был полон решимости добиться не просто имманентного искупления, как это было у Кьеркегора, но и трансцендентного искупления, поэтому он выбрал «обходной путь» этики (Hévizi 2015: 281-285).

Идея «обходного пути» затрагивается уже в сочинении Лукача ‘Von der Armut am Geiste’, где упоминается библейская история Марии и Марфы (Lukács 1977: 542-543). Мария предпочла быть рядом с Иисусом, оставив практическую работу, в то время как Марфа делает всё остальное. Мария получит искупление, потому что может пренебречь необходимость этой жизни, но те, кто не обладает способностью к такой чистоте, должны работать для искупления. Они не могут просто получить его, но могут работать, чтоб получить его – в этом, согласно Лукачу, заключается ‘Werkethik’. Это означает, однако, что «осуществление искупления» – это действие и для искупления всегда требуется жертва (Hévizi 2015: 288).

Лукач искал не только имманентного искупления, поэтому первая сфера, эстетическая (где произведения искусства как замкнутая форма могут принести имманентное постижение изменяющейся жизни), оказалась дьявольским искушением. Переход (скачок) через этическую и религиозную сферу для Лукача невозможен, поскольку, согласно истории о Марии и Марфе, он не способен на имманентное искупление, его обязательство состоит в том, чтобы работать ради имманентного и трансцендентного искупления. Жертвой здесь является приверженность греху (Ibid.). Однако в работе «Большевизм как моральная проблема» (впервые опубликованной в Szabadgondolat в декабре 1918 года) Лукач утверждает, что только длительный процесс может привести к порядку, когда душа закаляется в долгой борьбе (Lukács 2002). Для Лукача правда несовместима с ложью, так же, как добро не может произойти из зла, и это создает неразрешимую моральную проблему (Ibid.).

Несколько месяцев спустя, в 1919 году, Лукач публикует свою «Тактику и этику» (венг. ‘Taktika és etika’), где он описывает необходимость греха и то, как требуется принять его:

«Задача этики не состоит в том, чтобы изобретать рецепты правильных действий или сглаживать или отрицать непреодолимые, трагические конфликты человеческой судьбы. Напротив: этическое самосознание совершенно ясно дает понять, что существуют ситуации – трагические ситуации, – в которых невозможно действовать, не отягощая себя виной. Но в то же время это учит нас тому, что, даже столкнувшись с выбором из двух способов навлечь на себя вину, мы все равно должны обнаружить, что существует стандарт правильного и неправильного действия. Этот стандарт мы называем жертвой. И как индивид, выбирающий между дву-

мя формами вины, в конце концов делает правильный выбор, жертвуя своим низшим "я" на алтарь высшей идеи, так и для оценки этой жертвы с точки зрения коллективного действия требуется сила. В последнем случае, однако, идея представляет собой императив всемирно-исторической ситуации, историко-философскую миссию» (Lukács 1972).

К тому времени Лукач уже был народным комиссаром образования и культуры в коммунистической партии Венгрии, и этот скачок стал загадкой не только для современников, но и для последующих «интерпретаторов».

Однако выбор Лукача должен был быть жертвой, чтобы не остаться только жестом, как прыжок Кьеркегора. Без жертвы жест остается жестом и не может привести к реальному решению. Какова была природа жертвы Лукача и чем он реально пожертвовал, остается открытым вопросом, который требует дальнейшего обсуждения.

В данной статье нас интересует тот аспект, что жертвоприношение, в смысле принятия на себя греха ради создания «высшего порядка», является ядром этики большевизма, на который оказала сильное влияние идея мессианизма, предполагающая, что искупление возможно только через уничтожение (см. Scholem 1995: 1-4). 1917/1918 год стал исторической вехой не только в жизни Лукача, но и во всей европейской истории идей. Как писал Лукач в своей биографической работе, его мышление полностью изменилось, и сделанный им выбор определил его образ жизни (Lukács 1989: 62). По мнению Лукача, чувство вины – необходимый элемент верного праксиса (см. Lukács 1989: 63), который может привести к изменениям не только в обществе, но и в самой личности (Ibid.). Лукач так писал о теоретическом и практическом развитии: «Никто не признавал – только (в определенном смысле) Ленин – что эти два процесса, по сути, тождественны с точки зрения всемирной истории, т.е. социальное рождение нового человека происходит из синтеза каждого индивидуального усилия, цель которого – встретить новую реальность честно и революционно» (Lukács 1977: 65).

Переосмысление Ленина и идея революции в философии Лукача

Очевидно, что это не Ленин оказал влияние на сделанный Лукачем выбор вступить в коммунистическую партию Венгрии, скорее, это была этическая дилемма Лукача. Хотя Ленин действительно повлиял на Лукача

в его решении стать коммунистом (Ibid, 66), в 1919 г. Лукач еще был мало знаком с идеями Ленина (Ibid), а венгерские коммунисты, принимавшие участие в русской революции и вернувшиеся в Венгрию, не составили определенного мнения о Ленине. Только Бела Кун утверждал, что настоящий теоретик революции не Ленин, а Бухарин (Ibid). После падения Венгерской советской республики Лукач бежал в Вену, где начал свои «марксистские штудии» и приступил к изучению ленинской теории. В 1923 г. Лукач обобщил опыт революции в своей самой известной работе «История и классовое сознание»: его идея заключалась в том, чтобы заложить основу революции и диктатуры пролетариата в культуре, кроме того, намерением Лукача было объединить ленинскую идею революции с марксизмом. В 1920-е гг. Лукач был скорее публицистом, чем философом, однако в 1924 г. он опубликовал еще одну большую работу о Ленине под названием «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей» и несколько текстов поменьше (в т.ч. предисловия к сочинениям Ленина). В этих работах Лукач указывает, что Ленин подготовил возможность не только русской революции, но и возможность революции мировой (см. Lukács 2009). Несмотря на то, что Лукач внес вклад в развитие ленинской теории, Ленин имел о Лукаче очень плохое мнение из-за его статьи о парламентаризме 1920 г. (Lukács 1989: 189-190).

Как писал Лукач в предисловии к своей книге о Ленине: «История жизни Ленина должна быть помещена в исторические рамки» (Lukács 2009: 7) не только для того, чтобы иметь ретроспективу жизни собственно Ленина, но и для того, чтобы понять конкретное время европейской интеллектуальной истории, сформировавшей вторую половину XX века.

Будем считать, что к 1919 г. Лукач уже прошел свою инициацию, перешёл от теоретической дилеммы, выражавшей сомнение в правильности большевистского этического постулата, к революционной практике безо всякого сомнения, проистекающей из принятия «тактики» как необходимого жертвенного акта.

В процессе написания книги о Ленине, Лукач уже в её названии формулирует свою общую задачу – раскрыть глубинную взаимосвязь ключевых ленинских идей. Лукач считает, что ядром ленинской мысли является «актуальность революции», определяющая основную тональность всей эпохи и выступающая важнейшим условием, предпосылкой для станов-

ления теории (т.е. исторического материализма) в качестве практически работающего и востребованного инструмента.

Однако та глубинная связность ленинского мышления, которая делает его конгениальным Марксу, состоит в его умении схватывать проблемы не изолированно и разрозненно, а всегда – подобно Марксу, который «представлял капиталистическое развитие как единое целое. Это позволяло ему видеть как его тотальность в любом из его явлений, так и динамику его структуры». (Lukács 2009: 10).

Иными словами, речь идет о «тотальности» как ведущем методологическом принципе марксистского подхода к пониманию исторической реальности. Лукач упоминает об этом в статье «Марксизм Розы Люксембург», включенной в книгу «История и классовое сознание»: «Категория тотальности, всепроникающее превосходство целого над частями составляет суть метода, который Маркс перенял от Гегеля и блестяще превратил в основы совершенно новой науки. <…> Революционный принцип, присущий диалектике Гегеля, смог выйти на поверхность не столько благодаря этому, сколько благодаря справедливости самого метода, т.е. понятие тотальности, подчинение каждой части целостному единству истории и мысли» (Lukács 1971: 27-28).

Для Лукача в его Венский период после падения Венгерской советской республики идея Революции становится способом привнести тотальность не только в мышление (в теорию), но и сохранить тотальность как основание практики. Праксис тоже должен стать тотальным, чтобы вполне соответствовать историческому моменту, который определяется действительностью (и действенностью!) революции. Единство «мысли и истории» должно практически состояться в полном овладении своей собственной силой – в обретении своего классового сознания.

Согласно Лукачу, не может произойти «идеологического самовраста-ния пролетариата в его революционную миссию», для этого необходима партия, которая должна обладать строго централизованной организацией и включать в себя наиболее сознательные элементы пролетариата, и все эти организационные взаимосвязи тоже определяются «фактом актуальности революции». Лукач пишет: «Организационный план большевиков вычленял из более или менее хаотической массы всего рабочего класса группу ясно осознающих свои цели, готовых на любое самопожертвование революционеров». И далее: «Коммунисты <...> являются <...> осязае-

мым воплощением пролетарского классового сознания» (Лукач 1990: 69).

И эта движущая сила революционного праксиса никогда не есть, но всегда становится, каким бы парадоксом это ни звучало: партия – это и производитель, и продукт, она всегда пребывает в диалектическом движении. Отношения «партия – класс», как и отношения «индивид – партия» в равной мере диалектичны, и Лукач особо подчеркивает, что человек, участвующий в создании (делании) и развитии партии должен обладать высокой степенью классовой сознательности и преданности, однако все его знания, энтузиазм и способности к действию оформляются как подлинно революционные лишь благодаря организации. Возможно, Лукач пишет здесь, в первую очередь, о себе, хотя текст третьей главы книги «Ленин…» (как и вся книга, собственно) предельно деперсонализирован. Однако, с учетом всего уже сказанного, мы можем предположить, что для Лукача завершение исхода из неопределенности и разорванности «кризисного сознания» связано как раз со становлением «революционного сознания», формуемого в горниле партийной дисциплины, партийной этики и партийного же устремления к переустройству мира. Как писал Михаил Лифшиц в известном тексте «О встречах с Лукачем», «его убежденный и преданный коммунизм <…> имел оттенок некоторого самоотречения, того, что на гётевском языке называется Enstagung». Это самоотречение имело и социально-классовый аспект, и аспект радикального морального решения, и даже, – по словам Лифшица, – чисто литературно-стилистический.

Примечательно при этом, что переходную стадию в развитии мировоззрения Лукача (эпоха публикации «Истории и классового сознания» и «Ленина») тот же Лифшиц дважды обозначил как «гностицизм» («революционный» и «марксистский»).

Этот гностический дух восстания всего «диалектически подвижного», но еще только открываемого (от слова «откровение»), против всего структурно-застывшего и фатально детерминированного обнаруживается и в «Ленине», поскольку Лукач фактически в каждой главе упоминает о ленинской способности противостоять вульгарным и механическим формам приложения марксизма к анализу исторического развития, особенно на настоящем этапе, когда свершается нечто грандиозное, а именно: революция стала актуальностью, а освобождение трудящихся приближается во всемирном масштабе.

Этот «диалектические гнозис» теории, слитой с действием, отчетливо звучит в таком тезисе Лукача: «В речах и работах Ленина … можно найти очень немногое о социализме как состоянии. И, напротив, куда больше о шагах, способных привести к его осуществлению». (Lukács 2009: 71).

Примечательно то, что текущий момент, когда Лукач пишет о Ленине и в котором осуществляются все мысли и действия Ленина, – это мессианский момент, и вождь русской революции берет на себя функцию Мессии и знаменосца, за которым надлежит следовать. Постоянным мотивом книги является напоминание о том, что революция – это реальность, актуальность, которая уже свершается. На это обстоятельство обращает внимание Р. Вестерман: «Но что самое поразительное, так это эсхатологический тон большей части книги. Лукач настойчиво говорит на языке последних времен» (Westerman 2019: 956).

Этот мессианско-апокалиптический лейтмотив более чем отчетлив в книге о Ленине, поскольку именно ленинский праксис мысли и мысль, возвышающая праксис до самосознания, даёт надежду на всемирно-историческое искупление и освобождение. Очевидно, что Лукач в весьма тяжелые годы после крушения Советской республики в Венгрии связывает именно с Лениным, с его революционной философией «наступление последней фазы капитализма и возможности поворота теперь уже неизбежной окончательной борьбы между буржуазией и пролетариатом в пользу пролетариата – для спасения человечества» (Lukács 2009: 11).

Всё, что происходит с конкретно-историческим пролетариатом первой четверти XX в., одновременно оказывается связано с искуплением всего человечества, причем это искупление должно произойти именно в форме социальной революции. В этой эсхатологической модели отчетливо прослеживается иудаистическое понимание спасения в противоположность христианскому, как об этом писал уже упоминавшийся Гершом Шолем. Он подчеркивал, что «иудаизм, во всех его формах и проявлениях, всегда поддерживал концепцию искупления как события, которое происходит публично, на исторической сцене и внутри общества. Это событие, которое происходит в видимом мире и которое нельзя представить отдельно от такой зримой явленности» (Scholem 1995: 1).

Нам это представляется чрезвычайно важным, поскольку мы видим, что Лукач в своих размышлениях о наследии Ленина обретает собственный взгляд на марксистскую теорию и практику, который, с одной сто-

роны, обеспечивает завершение его перехода от ранних эстетических форм антибуржуазного бунта к целостному революционному мировоззрению, а с другой стороны, позволяет выявить в самом марксизме внутренние творческие резервы, позволяющие противостоять догматизму и вульгаризации.

Выводы

Проследив траекторию интеллектуального движения Лукача от антибуржуазного изысканного эссеизма довоенного периода до марксистских позиций начала 1920-х гг., мы можем констатировать, что фигура Эссеиста у Лукача трактуется как пророческая: эстет предвещает грядущий приход Искупителя, но это искупление будет возможно не в сфере искусства, а в революционной практике. Лукач утверждает, что в некоторых решающих ситуациях невозможно действовать, не взяв на себя грех и вину, но это следует делать как жертвование собой во имя высшей цели. Личная «порядочность» человека – ничто в высшем этическом смысле. Обращение к трудам Ленина позволило Лукачу завершить переход на новую идеологическую позицию: ленинская идея революции позволила ему внести тотальность в теорию и положить её в основу практики. Революция приобретает у Лукача отчасти эсхатологические черты, которые он позже постарается скрывать и изгонять.

Список литературы

1. Butler, J. 2010. ‘Introduction’, in Lukács, G. 2010. Soul and Form. Translated by Anna Bostock. Ed. by John T. Saunders, Katie Terezakis. Columbia University Press.
2. Földényi, F. L. 1980. A fiatal Lukács. Budapest: Magvető.
3. Hévizi, O. 2015. Próbakövek. Van-e aranyszabály ércnél maradandóbb? Budapest: Kalligram.
4. Hidas, Z. 2019. A formák és az élet. Georg Simmel és a mindennapok szellemi megmentése. vailable at: http://real.mtak.hu/105971/1/replika_112-05_hidas.pdf
5. Krausz, T., Mesterházi, M. 1985. Mű és történelem. Viták Lukács György műveiről a húszas években. Budapest: Gondolat.
6. Lukács, G. 2020. Lukács György publicisztikája 1920-1929. Edited by Miklós Mesterházi. Translated by Gábor Berényi, Ferenc Bródy, László Illés, János

Kis, Miklós Mesterházi, Gábor Révai, Ferenc Tallár, Károly T. Vörös. Available at: https://www.lana.info.hu/lukacs-gyorgy/lukacs-gyorgy-muvei/lukacs-gyorgy-publicisztikaja-1920-1929/.
7. Lukács, G. 2010. Soul and Form. Translated by Anna Bostock. Edited by John T. Saunders, Katie Terezakis. Columbia University Press.
8. Lukács, G. 2009. Lenin: A Study on the Unity of his Thought. Translated by Nicholas Jacobs. London – New York: Verso.
9. Lukács, G. 1997. 'A lelki szegénységről (Egy levél és egy párbeszéd)', in Ifjúkori művek (1902– 1918). Budapest: Magvető, 537 – 552.
10. Lukács, G. 1989. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. Edited by István Eörsi, Erzsébet Vezér. Budapest: Magvető.
11. Lukács, G. 1978. A modern dráma fejlődésének története. Budapest: Magvető.
12. Lukács, G. 1977. Ifjúkori művek (1902-1918). Budapest: Magvető.
13. Lukács, G. 1975. A regény elmélete. Translated from the German by Dezső Tandori. Budapest: Magvető.
14. Lukács, G. 1971. History & Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics. Translated by Rodney Livingstone. Cambrigde, MA: MIT Press.
15. Lukács, G. 1919. Tactics and ethics. Translated by Rodney Livingstone. Available at: https://www.marxists.org/archive/lukacs/works/1919/tactics-ethics.htm.
16. Lukács, G. 1918. A bolsevizmus mint erkölcsi probléma. Available at: https://www.marxists.org/magyar/archive/lukacs/bmep.htm.
17. Sauder, G. 1984. 'Von Formalitäten zur Politik: Georg Lukács' Heidelberger Habilitationsversuch', Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik 53-54: 79-107.
18. Sautkin, A., Philippova, E. 2019. 'Lenin and Nietzsche in the Althusserian Perspective: Philosophy as Eternal Battle', Filosofija. Sociologija 3: 183–191. DOI: https://doi.org/10.6001/fil-soc.v30i3.4040
19. Scholem, G. 1995. The Messianic Idea in Judaism: And Other Essays on Jewish Spirituality. New York: Schocken Books.
20. Szabados, B. 2020. 'Georg Lukács in Heidelberg: A Crossroad between the Academic and Political Career', FILOZOFIA 75(1): 51-64. DOI: https://doi.org/10.31577/filozofia.2020.75.1.1
21. Vajda, M. 1997. 'A tökéletes bűnösség korszaka?' in A Budapesti Iskola II. Tanulmányok Lukács Györgyről, Márkus György – Vajda Mihály. Edited by András Kardos. Budapest: Argumentum, 347-368.

22. Westerman, R. 2017. ‘From Myshkin to Marxism: The Role of Dostoevsky Reception in Lukács’s Revolutionary Ethics’, Modern Intellectual History 16(3): 927-960. DOI: https://doi.org/10.1017/S1479244317000373
23. Земляной, С.Н. 2009. Доброта как эсхатологическая категория. 1-я и 2-я этики в переписке Георга Лукача и Пауля Эрнста / Этическая мысль: современные исследования. Москва: Прогресс-Традиция, 306-328.
24. Лифшиц, М. 1988. О встречах с Лукачем. Режим доступа: http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/O%20vstrechakh%20s%20Lukachem.htm
25. Лукач, Г. 1990. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. / Авт. вступ. статей С.Н. Земляной. М.: Международные отношения,
26. Поцелуев, С.П., Хевеши, М.А. 1994. Мессианско-утопическое восприятие Октябрьской революции у Д. Лукача // От абсолюта свободы к романтике равенства. – М.: Институт философии РАН, 179-194.

Перевод с английского и подготовка русскоязычной версии статьи выполнены Е.В. Филипповой

Ласло Гергей Сюч
Институт философии
Исследовательский центр гуманитарных наук
Будапешт, Венгрия

«ЦЕННОСТЬ И ИСТОРИЯ». НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О КРИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МОЛОДОЙ АГНЕШ ХЕЛЛЕР

Аннотация. *Данная статья посвящена поиску ответа на вопрос, как Агнеш Хеллер (венг. Ágnes Heller), будучи молодым философом-марксистом, пыталась реализовать возможность разработки критической социальной теории и как можно провести параллель либо найти контраст между её критической теорией и ключевыми критическими западными концепциями её эпохи, проанализировав два эссе Агнеш Хеллер 1965 г. Прежде чем приступить к этому анализу, я дам краткий обзор жизни Агнеш Хеллер, а также на основе опубликованных к настоящему времени монографий Хеллер рассмотрю, какие вехи можно выделить в творчестве этой бывшей ученицы Г. Лукача. Я также рассмотрю, какие основные изменения претерпела ее философская карьера и почему именно 1965 год имеет особое значение в ее работе в качестве философа.*

Ключевые слова: *ценность, история, Агнеш Хеллер, западный марксизм, моральная философия.*

László Gergely Szücs
Institute of Philosophy
Research Center Humanities
Budapest, Hungary

“VALUE AND HISTORY”. SOME THOUGHTS ON THE CRITICAL CONCEPTION OF THE YOUNG ÁGNES HELLER

Abstract. *In my paper, I am seeking the answer to how Ágnes Heller as young Marxist philosopher tried to embrace the possibility of elaborating a critical so-*

cial theory, and how one can draw a parallel or find a contrast between her critical theory and the key critical Western concepts of her era, by analysing two of Ágnes Heller's essays from 1965. Before setting out to do this analysis, I will give a brief overview of Ágnes Heller's life, also examining, based on the Heller monographs published to date, how can be identified the milestones of the work of this one-time student of Lukács. I will also look into what major changes affected her career as a philosopher, and in view of these, why the year 1965 bears special significance in her overall work as a philosopher.

Keywords: *value, history, Agnes Heller, Western Marxism, moral philosophy.*

Введение: краткая биография Агнеш Хеллер

Агнеш Хеллер родилась в Будапеште в 1929 г. в еврейской семье среднего достатка; большая часть её семьи погибла во время Холокоста.[4] Чтобы спасти от голодной смерти, в 1945 г. мать отдала ее в детский приют, управляемый сионистами. Сионизм оказал на Агнеш огромное влияние, особенно концепция «кибуца», самоуправляющейся общины, которая оставалась для нее важной и в ее марксистский, «новый левый» период. В 1947 г. она вступила в Коммунистическую партию вместе со своим будущим мужем Иштваном Германом (венг. István Hermann). В этом же году она стала учиться в Будапештском университете: сначала изучала физику, затем под влиянием посещения лекций Дьёрдя Лукача посвятила себя философии. Хеллер начала преподавать философию в Будапеште в 1950 г., однако в 1958 г. была уволена, поскольку не осудила Дьёрдя Лукача за его участие в революционном правительстве Имре Надя в 1956 г. Она работала учителем средней школы, затем в 1963 г. снова получила академическую должность в формировавшемся Институте социологии. Начиная с 1965 г. её несколько раз приглашали в Югославию для выступления в Летней школе группы «Праксис» на о. Корчула – это было важная локация для левых интеллектуалов Западной и Восточной Европы того времени: Летнюю школу посещали Герберт Маркузе, Иринг

[4] При жизни Агнеш Хеллер были опубликованы два обширных, хорошо известных биографических интервью: (1) Ágnes Heller - János Kőbányai: Bicikliző majom [Агнеш Хеллер - Янош Кобаньяй: Обезьяна на велосипеде], Budapest: Múlt és Jövő Lap- és Könyvkiadó, Budapest, 1998. (Также опубликовано на немецком: Der Affe auf dem Fahhrad. Eine Lebensgeschichte, Philo&Philo Fine Arts, 1999). (2) Georg Hauptfeld: Der Wert des Zufalls. Ágnes Heller über ihr Leben und ihre Zeit. Edition Konturen, Wien/Hamburg. 2018.

Фетшер, Эрнст Блох, Юрген Хабермас. В 1968 г. Хеллер подписала декларацию участников Летней школы, в которой осуждалось вторжение в Чехословакию войск Варшавского договора. После смерти Лукача и остановки процесса реформ в Венгрии Центральный комитет партии принял меры против «отклоняющихся» философов. В результате этого Хеллер потеряла работу, а в 1973 г. ей запретили публиковаться. В 1977 г. со своим вторым мужем Ференцем Фехером (венг. Ferenc Fehér) и ещё одним влиятельным теоретиком будапештской школы Дьёрдем Маркусом (венг. György Márkus) она эмигрировала в Австралию, где устроилась на работу в Мельбурнский университет Ла Троб. В 1986 г. она переехала с мужем в Нью-Йорк и стала лектором в Новой школе. К профессорской должности в Венгрии она вернулась после 1990 г.: помимо деятельности в качестве приглашенного профессора в зарубежных университетах, она также преподавала в Сегеде и Будапеште. Агнеш Хеллер умерла в 2019 г.

Монографии о творчестве Агнеш Хеллер

Ещё при жизни Агнеш Хеллер было опубликовано несколько монографий о её философском творчестве. В каждом из этих произведений по-разному выделяются вехи её работы.

(1) Агнеш Хеллер коротко описала историю собственной философии. В книге "*A filozófiám története"* (*«Краткая история моей философии»)*[5], она делит свою работу на четыре 15-летних периода. Она считала, что в период 1950-1965 гг. («Годы ученичества») она освоила особую методологию философствования. К основным работам этой эпохи относятся ее лекции по истории философии и истории этики, общей чертой которых является изложение философских проблем с использованием гегелевско-марксистской риторики и в историческом контексте – стратегия, позаимствованная у Дьёрдя Лукача. Значительной работой этого периода является трактат об этике Чернышевского [1956], в котором она рассматривает теорию «разумного эгоизма» и которому суждено было стать превосходным образцом марксистской этики. Период 1965-1980 гг. («Годы диалога») уникален тем, что именно в это время возникла Будапештская школа, включавшая ближайшее окружение Дьёр-

[5] Heller, Ágnes: Filozófiám története, Budapest: Múlt és Jövő Könyvkiadó, 2009. Английское издание: A Short History of My Philosophy, Lexington Books, Plymouth, 2011.

дя Лукача, то есть Агнеш Хеллер, Ференца Фехера, Михая Вайду (венг. Mihály Vajda) и Дьёрдя Маркуса. Школа поставила целью дальнейшее развитие «творческого марксизма» с программой «Марксистского Возрождения». В работах Хеллер этого периода намечается необходимость отхода марксистской антропологии от Лукача, например, в трудах под названиями «*Повседневная жизнь» (впервые опубликовано на венгерском языке в 1970 г.), «Теория потребности у Маркса»* (1974) и *«Теория чувств»* (1978). Период 1980-1995 гг. («Годы строительства и интервенции») – это период знакомства с авторами постмодерна и (парадоксально) одновременно период «систематической философской эволюции»: именно тогда она выступает со своей теорией истории и пишет трилогию, включающую работы «*Общая этика»* (1989), *«Философия морали»* (1990) и *«Этика личности»* (опубликована только в 1996 г.). Среди прочего, в то время её занимал вопрос: как можно создать всеобъемлющую этическую концепцию в мире, который характеризуется конфликтом несовместимых ценностных точек зрения и где позиции классического философа-моралиста также существенно ослабли. Хеллер называет период после 1995 г. «Годами странствий». Подразумевается не только тот факт, что в то время её привычным образом жизни стали поездки (в связи с преподаванием в нескольких местах и посещением конференций). Она считала, что за годы эмиграции почти завершила свою работу по моральной философии и философии истории, поэтому могла «совершать короткие вылазки» и «более длительные путешествия» и в другие сферы жизни, уже как философ в метафорический смысле: её книги этой эпохи в основном посвящены искусству и религии. На первый взгляд может показаться, что Хеллер выстроила убедительную структуру интерпретации, показывающую логический порядок её работы. Однако в качестве критического замечания можно также указать, что эволюция Хеллер изображена в такой телеологической перспективе, которая ставит в центр период после 1980 г., то есть создание работ по моральной философии и философии истории. В такой перспективе ее марксистские или «новые левые» работы, которые составляют важную часть жизненного творчества Хеллер и наиболее часто цитируются в Западной Европе, можно интерпретировать как «предварительные исследования» для ее «последующих произведений», а не её знаковые работы, имеющие исключительное значение.

(2) При жизни Хеллер были написаны две известные зарубежные монографии о ее эволюции в качестве философа. Автором одной из них является профессор Сиднейского университета Джон Грамли (John Grumley). Согласно предисловию к его книге «*Моралист в водовороте истории»* (2004), Агнеш Хеллер признана во всем мире как «новый левый» автор: ее самой известной на Западе работой, судя по всему, является «*Теория потребности у Маркса»,* впервые опубликованная в 1974 г. Однако Грамли утверждает, что невозможно осознать значимость работы Хеллер, если мы смотрим на нее только с «новой левой» точки зрения. Грамли хотел бы обрисовать профиль Хеллер как философа морали, представить образ мыслителя, по своему весу сопоставимого с Фуко или Хабермасом. В то же время он также ставит вопрос о том, как мы можем сформулировать нарратив, в котором обширная деятельность Хеллер в области моральной философии и теории модернизации может быть интерпретирована как более или менее однородная философская эволюция.

Грамли не пытается представить чёткую идеологию, но стремится уловить эпицентры напряжения, которые определяли мышление Хеллер, начиная со времён её молодости. Он ставит целью продемонстрировать типичные дилеммы, которые Хеллер пыталась разрешить весьма по-разному на разных этапах своей жизни. Грамли считает, что Хеллер с самого начала отличало стремление связать точку зрения нормативной теории с нормами и ценностями, определяющими повседневную жизнь. Однако она неоднократно утверждала, что нам следует обращаться к классической философии, чтобы найти ответы на этические дилеммы современности. Напряжение между нормативной теорией, основанной на нормах повседневной жизни, и классической философской перспективой только усилится, если мы добавим, что Хеллер поочередно делает акцент на этической интуиции и на роли рационального философского мышления, когда она определяет принципы правильного действия. Мы можем выявить еще один источник напряженности, когда заметим, что в работах Хеллер точки зрения социального аналитика и философа часто находятся в конфронтации. Будучи социальным исследователем, она регулярно стремится показать, что в социальной реальности нормы свободы и равенства будут снова и снова вступать в противоречие друг с другом, но как философ она часто утверждает, что существует глубокая внутренняя связь между свободой и равенством. Следующий пункт напряже-

ния возникает из-за необходимости создания системы: обычно Хеллер утверждает, что «не существует такой вещи, как общая перспектива» и что каждая нормативная теория подвержена ошибкам, однако она пытается разработать квазисистемную социальную философию, последовательную теорию, охватывающую все явления современного мира.[6] С точки зрения Грамли также ясно, что работы Хеллер неоднородны; он также показывает основные поворотные моменты Хеллер. Грамли начинает с «Возрождения марксизма», за которым следует «постмарксистская эпоха», всестороннее описание социально-философских и этических проблем, рассматриваемых под углом зрения классической философии. Он называет более поздние работы Хеллер произведениями «рефлексивного постмодернистского автора». Для Агнеш Хеллер типично, что в каждый период своего развития она пытается разрешить ранее обсуждавшиеся теоретические противоречия, представляя новые точки зрения. Для нас первостепенное значение имеет методологическая отправная точка, рекомендованная Грамли: он утверждает, что не следует рассматривать Хеллер с точки зрения одного выдающегося периода её творчества. Её работу не следует анализировать исключительно с точки зрения Агнеш Хеллер, реализовавшей себя в «новых левых» дискурсах 1960-х и 1970-х гг., а также её работы не следует рассматривать только с позиции философа-моралиста, которая систематически создавалась в 1980-е и 1990-е гг. Более того, не нужно полагать, что она в итоге реализовала себя как теоретик постмодернизма. Нам следует попытаться очертить широкую рамку интерпретации на основе возникающих дилемм, с помощью которых можно будет исследовать эволюцию мышления Хеллер в его собственной динамике.

(3) Стратегия интерпретации, описанная в книге Люси Джейн Уорд под названием «*Свобода и неудовлетворенность в творчестве Агнеш Хеллер»* (2016), в различных аспектах противоречит идеям, изложенным в книге Грамли. Анализ Уорд вновь фокусируется на «новой левой» теме, и с этой точки зрения она дает соответствующую интерпретацию всего наследия Хеллер. Согласно этой линии мысли, новизна мышления Хеллер в «новом левом» контексте 1960-х и 1970-х гг. заключалась в том, что она видела в Марксе не только «бесстрастного» критика социальных от-

[6] John Grumley: Agnes Heller – A Moralist in the Vortex of History, Pluto Press, London, 2004, pp. 1-19.

ношений, но и автора, чьей целью было ярко изобразить страдания современного человека. К примеру, она представила новую интерпретацию «Экономико-философских рукописей» Маркса.

Уорд отмечает, что в традиции Франкфуртской школы эта работа считалась примечательной, поскольку рассматривалась как критика инструментальной рациональности, которая доминирует в современных обществах. Однако причина, по которой Хеллер нашла это сочинение интересным, заключалась в том, что в нем Маркс стремился нарисовать яркую картину Страстей современного человека. По мнению Хеллер, это произведение – Одиссея современного человека. Уорд думает, что исходя из этого различия толкований, можно проследить как параллели, так и противоположности в мышлении Хеллер и авторов Франкфуртской школы. В изображении Уорд, Хеллер часто выступает как «антипод» культурной теории Адорно: в отличие от Адорно, Хеллер считает, что подлинная человеческая жизнь возможна не только в высшей, культурной сфере, но может быть воплощена в повседневной реальности конкретного человека из плоти и крови.

Мы также должны упомянуть, что один из самых интересных разборов в книге посвящен работе Хеллер 1982 г. под названием «*Сила стыда*». (Интересно, что Уорд считает, что это произведение ключевой важности, хотя, согласно воспоминаниям самой Хеллер, оно не относилось ею к числу значительных произведений: она даже называет его не книгой, а случайным сочетанием двух эссе.[7]) В этой работе Хеллер пытается реконструировать нормы рациональности в повседневной жизни. Основываясь на дифференцированной типологии рациональности, исходящей из повседневной практики, она утверждает, что понятие рациональности у Хабермаса, построенное главным образом на строгом разделении коммуникативной и стратегической рациональности, является формальным, оно делает понятие способности к разуму (reasonability) пустым, и на основе типологии рациональности Хабермаса невозможно понять ключевые конфликты современных обществ.[8] Ход мыслей Уорд можно интерпретировать и таким образом, что Агнеш Хеллер, которая

[7] Ágnes Heller: Filozófiám története [Краткая история моей философии] // Budapest: Múlt és Jövő Kiadó, 2009, pp. 92-93.

[8] Lucy Jane Ward: Freedom and Dissatisfaction in the Works of Agnes Heller, Lexington Books, London, 2016, pp. 147-160.

начинала с «Новых левых» и вела захватывающие дебаты с членами Франкфуртской школы, создала наиболее аутентичную «левую» критику Хабермаса 1980-х гг.

Если мы посмотрим на монографию в целом, то увидим, что, в отличие от подхода Грамли, соответствующая интерпретация эволюции Агнеш Хеллер как философа может быть достигнута даже исходя из «новой левой» перспективы: мы получим детальную картину, если изучим работы Хеллер в динамике её подхода к Марксу и её дистанцирования от первоначально «новых» марксистских философов.

Упрощая, можно сказать, что одна интерпретационная стратегия (Грамли) ставит в фокус своего исследования автора, всю жизнь боровшегося с особыми дилеммами и бушующими противоречиями, тогда как другой исследователь (Уорд) предпочитает оценивать творчество Хеллер с точки зрения её отношения к Марксу и всему «новому левому» движению. В дальнейших частях исследования я затрону вопрос о том, как мы можем проанализировать философию молодой Агнеш Хеллер, чья международная карьера была ещё впереди (и которая в то время публиковалась в основном на венгерском языке, поэтому не была в центре международного внимания), используя в том числе и эти возможности интерпретации. Мой вопрос прежде всего касается того, как она пыталась гармонизировать элементы гегельянско-марксистского типа философии истории, знание которой она приобрела во время учёбы, с компонентами критического мышления в «западном стиле».

Манипуляция и сопротивление

Далее я собираюсь проанализировать два эссе Агнеш Хеллер, написанных в 1965 г.: одно, озаглавленное «*A nürnbergi pernek nincsen vége*» [Нюрнбергский процесс еще не окончен] и «*Érték és történelem*» [Ценность и история]: оба были впервые опубликованы в сборнике эссе 1969 г. под названием «*Érték és történelem*» [Ценность и история]. Как уже говорилось во введении, в своих воспоминаниях Хеллер упоминает 1965 год как важный поворотный момент в своей жизни. Согласно «философской автобиографии», это было время, когда «закончились годы её ученичества в философии».[9] Её работы приобретали все более дискурсивный

[9] Ágnes Heller: Filozófiám története [Краткая история моей философии], Budapest: Múlt és Jövő Kiadó, 2009, pp. 61-63.

характер: типичным жанром этого периода было короткое диалогическое эссе, а не книга. С одной стороны, её статьи были написаны в дискурсивном сообществе в узком смысле слова, т.е. по материалам дискуссий Будапештской школы. С другой стороны, её работы встретили отклик в исторически уникальном дискурсивном пространстве, в международной «новой левой» среде, которая формировалась в то время. По воспоминаниям Хеллер, именно доклад под названием «Ценность и история», прочитанный на Корчульской Летней школе перед международной аудиторией, принес ей известность за рубежом.[10] Как мы увидим, в данной работе Хеллер пытается в том числе разрешить такие дилеммы, которые были темой западных «левых» авторов того периода.

Анализируя эти два эссе, я ищу ответ не только на вопрос о том, что власть имущие думали об историческом развитии или проблеме ценностей в этот поворотный момент жизни Хеллер. Хотелось бы также выяснить, в какой степени артикуляция ею этих проблем открыла путь к независимой социально-критической перспективе, т.е. в какой степени сложился критический нарратив, который был в состоянии обеспечить альтернативу современной «западной» критической теории. Важно заметить, что оба эссе предположительно были написаны в «последнюю минуту» перед началом международной карьеры Хеллер. Поскольку в этих двух эссе мы не можем найти никаких упоминаний о современных социальных критиках, мы не знаем, с какими современными работами по критической теории она могла быть знакома до своей первой поездки на Корчулу и кто были реальные оппоненты, с которыми она полемизировала на эти темы в рассматриваемых эссе. В любом случае, анализируя оба эссе, я не только рискну реконструировать эти тексты. В наиболее важных местах текста я буду приводить доводы социальной критики современников Хеллер (в первую очередь Герберта Маркузе и Юргена Хабермаса), даже если полагаю или знаю наверняка, что в то время Хеллер не могла быть знакома с цитируемыми идеями. Не то что бы я буду «задавать вопросы» Агнеш Хеллер с позиции социально-критических взглядов этих авторов. Я скорее надеюсь на то, что, противопоставляя ход мыслей в её эссе взглядам этих широко известных авторов, я смогу выделить типичные черты подхода Хеллер к социальной критике.

[10] Ágnes Heller - János Kőbányai: Bicikliző majom [Monkey on the Bicycle], Budapest: Múlt és Jövő Lap- és Könyvkiadó, Budapest, 1998, p. 224.

В своей статье под названием «Нюрнбергский процесс еще не окончен» Агнеш Хеллер дает интересный диагноз своей эпохи. По мнению Хеллер, после окончания Второй мировой войны можно было подумать, что члены европейских обществ были вынуждены осуществить некоторый самоанализ. Была надежда, что победа над «фашизмом» как жестокой политической системой, максимально использующей политическую пропаганду, повлечет за собой просвещение, т.е. что люди смогут контролировать латентные манипулятивные общественные тенденции. В современных капиталистических системах (не говоря уже, конечно, о «реальном социализме», пример которого, по-видимому, также представлялся Хеллер) это ожидание оказалось иллюзией.

По мнению Хеллер, утрата иллюзий является причиной того, что «левые» западные мыслители оказались в плену пессимистического взгляда на общество. Важным элементом этой точки зрения является то, что она считает доминирование отчуждения абсолютным, но в то же время неверно истолковывает отчуждение: сторонники этой точки зрения думают, что отчуждение означает полный отказ от саморефлексии. Параллельно с этим доминирующей стала идея о набирающем силу «техническом манипулировании»: распространилось мнение, что в обществе будущего репрессии будут основаны на манипулировании вкусами масс с помощью средств массовой информации и средств массовой коммуникации, а не посредством внушения массам со стороны вождя.[11] Поскольку Хеллер ни на кого напрямую не ссылается, возникает вопрос, каких авторов она подразумевала. Вероятно, она имела в виду авторов Франкфуртской школы. Мы можем вспомнить работу под названием «*Диалектика Просвещения*» (хотя она была написана не после 1945 г.) и вообще пессимистические взгляды на историческую философию, представленные Хоркхаймером и Адорно после 1940-х гг. Но самая очевидная ассоциация – это «Одномерный человек» Маркузе. Рассуждения Хеллер можно противопоставить основным тезисам Маркузе, согласно которым в современных западных «развитых индустриальных обществах» «потребительство» и гегемония «технической рациональности» возглавляют механизмы социального

[11] Ágnes Heller: A nürnbergi pernek nincsen vége [Нюрнбергский процесс еще не окончен], в: Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai esszéiből [Свобода воли. Сборник философских очерков за 50 лет], Noran Libro Könyvkiadó, Budapest, 2020, p. 24.

контроля, что все больше ограничивает возможности освободительных движений и делает творческие, автономные достижения отдельных лиц невозможными.[12]

Этому подходу Хеллер противопоставляет несколько современных явлений, которые больше всего напоминают нам некоторых теоретиков Франкфуртской школы. Одним из важнейших явлений стал невероятный успех драмы «*Der Stellvertreter*» [Наместник, Христианская трагедия], написанная в ФРГ Рольфом Хоххутом.[13] Благодаря работе Хоххута драма, смело противостоящая немецкому прошлому и грехам национал-социализма, стала бестселлером, который отстаивает важность принятия бескомпромиссной моральной позиции против конформизма. Другим примером является впервые опубликованная в 1961 г. переписка Гюнтера Андерса (Günther Anders) с Клодом Эзерли (Claude Eatherly), пилотом атомной бомбы в Хиросиме.[14] Между 1961 и 1965 гг. в Соединенных Штатах множество людей купили и прочитали отчёт пилота, который сделал вопросом совести тот факт, что отдал приказ сбросить атомную бомбу и согласился на обнародование свидетельств своей внутренней борьбы несмотря на то, что на него оказывалось большое давление как со стороны власти, так и части общественного мнения.

Хеллер согласна с цитируемыми «левыми» социальными критиками в том, что в современных западных капиталистических обществах, судя по всему, есть сильная тенденция манипулировать обществом с помощью «технических» средств массовой коммуникации, и она считает, что технические условия для этого имеются. Она горячо критикует взгляды социальной философии на расширение «технических манипуляций», тем не менее, она молчаливо предполагает, что существует разрушительная

[12] Herbert Marcuse: One-dimensional Man: studies in ideology of advanced industrial society. London, New York, Routledge 2007. Работа Маркузе была опубликована максимум за год до того, как Хеллер написала свое исследование. Позже Хеллер встречала Маркузе в Летней школе Корчулы и познакомилась с его основными работами, но вопрос в том, могла ли она на момент написания рассматриваемого эссе быть знакома с работами Маркузе, опубликованными в 1964 г., остается открытым.

[13] Rolf Hochhuth: Der Stellvertreter. Ein christliches Trauerspiel. Rowohlt, Reinbek 1963.

[14] Claude Eatherly-Gunther Anders: Burning Conscience: the Case of the Hiroshima Pilot, Weidenfeld & Nicolson, London, 1961.

сила, целью которой является манипулирование членами общества, а также что, если бы не было социального сопротивления ей в некоторых местах, распространение этой силы могло бы привести к исчезновению морали и массовому уничтожению.

Однако работы Хоххута и Гюнтера Андерса имели успех в наиболее развитых капиталистических странах, в рыночных условиях, более того, в обществах, где политическая власть располагала наиболее развитыми техническими средствами, делавшими возможным манипулирование. Эти примеры не только подсказывают Хеллер, что у человека есть возможность сказать «нет» репрессиям и манипуляциям даже в условиях современного капитализма. Они также несут надежду, что по мере усиления манипулятивных тенденций, по крайней мере, в определенных вопросах и ситуациях, в определенных социальных слоях, потребность в протесте оппозиции «воссоздается снова и снова»[15]. Мы не можем выяснить, могла ли Хеллер на момент написания своего эссе быть знакома с основными положениями «Одномерного человека» Маркузе 1964 г.; ключевую идею её эссе можно противопоставить пессимистической интерпретации теории тотальной интеграции позднего капиталистического общества.[16]

Хеллер первой высказала предположение, что картина нацистских лагерей смерти и Хиросимы закрепилась в сознании широких масс западных капиталистических обществ, поэтому они стали менее восприимчивы к манипуляциям «в пользу фашистских практик и применения ядерной бомбы»: по мнению Хеллер, «сама история» сделала их «чувствительными» к последствиям такой практики.[17] Хеллер считает, что чувствительность общественного мнения проявилась именно там, где её меньше всего ожидали «пессимистически настроенные» западные

[15] Ágnes Heller: A nürnbergi pernek nincsen vége // Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai, Noran Libro Könyvkiadó, Budapest, 2020, p. 24.

[16] Пожалуй, одна из самых далеко идущих идей в творчестве Маркузе заключается в том, что в условиях позднекапиталистических обществ, в которых социальная интеграция строится на манипулировании культурой и техническим прогрессом, исчезают носители социального прогресса и позитивной социальной трансформации. См., например: Kellner, Douglas: Introduction to the Second Edition. в: Herbert Marcuse: One-dimensional Man: Studies in Ideology of Advanced Industrial Society. London, Routledge, 1991. pp. xi.

[17] Ágnes Heller: A nürnbergi pernek nincsen vége // Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai esszéibő, Noran Libro Könyvkiadó, Budapest, 2020, p. 25.

«левые» мыслители: в обоснованном страхе перед фашистскими манипуляциями и ядерной катастрофой. Здесь, однако, также возникает вопрос, можно ли, помимо этих отдельных случаев, наметить социальную теорию, которая бы систематически учитывала социальные источники и возможности противостояния манипулятивным тенденциям, в отличие от упомянутых выше пессимистических западных «левых» теорий.

Моральные действия в эпоху вины

Однако затем Хеллер сменяет перспективу: она намеревается заняться вопросами моральной философии, а не социальной теории. В следующей части эссе она анализирует вышеупомянутую драму под названием «*Der Stellvertreter*» [Наместник, христианская трагедия]. Она исследует не социальное воздействие произведения, а, присоединяясь к моральному посланию Хоххута, рассматривает персонажей и драматическую ситуацию, в нём разворачивающуюся. Это драма об испытании, которому подвергается церковь «в эпоху фашизма». По мнению Хеллер и Хоххута, в тяжелые времена Папа Пий XII вёл себя не как Наместник Христа, а стал политиком и пытался искать компромисс со светскими властями. Оба они считают, что, поскольку Пий, чтобы сохранить свое светское влияние, не выступил открыто против ставших ему известными зверств нацистов [18], его церковь понесла трагические и почти необратимые моральные потери, утратив то самое, что они получили от Христа, т.е. «свет мученичества».[19]

Двумя главными героями произведения являются Курт Герштейн и граф Риккардо Фонтана, которые по сюжету сообщают Папе Римскому о массовых убийствах в Освенциме. Хоххут использовал реальных исторических личностей в качестве прототипов обоих персонажей. Курт Герштейн был реальным человеком, инженером, служившим в Ваффен СС. Он был очевидцем массовых убийств, совершенных в нацистских лагерях смерти, и предоставил информацию Пию XII и Швеции. Мему-

[18] В этой статье мы не ставим задачи рассмотрения того, дают ли Хоххут и Хеллер исторически достоверную иллюстрацию положения Папы. Об историческом подходе к дипломатическим и моральным дилеммам Пия XII, а также об их новейших интерпретациях см., например, Zsuzsanna Hámori Nagy: The Pope of Silence: Pius XII and the Second World War // Miles Christi Almanac, 2012, pp. 109-127.

[19] Ágnes Heller: A nürnbergi pernek nincsen vége, in: Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai esszéiből, Noran Libro Könyvkiadó, Budapest, 2020, p. 25.

ары он написал в 1945 г., находясь под французским арестом, затем якобы покончил жизнь самоубийством (в драме Хоххута он умирает в Освенциме). Историческим прототипом фигуры Риккардо стал берлинский проректор Бернхардт Лихтенберг, который просил власти Германии дать ему возможность разделить судьбу депортированных на Восток.[20] Хоххута привлекала не только психология этих двух персонажей, имевших реальную историческую основу. Он намеревался в своей работе превознести два типа сопротивления и морального самообладания и сделать их предметом морального обсуждения. Вот почему они также находятся в центре рассуждений Хеллер о моральной философии.

По мнению Хеллер, оба героя ищут ответ на вопрос, как можно вести себя по-христиански в эпоху фашизма. Однако два этих человека идут разными путями в жизни, это два совершенно разных характера. Гернштейн вступает в СС и будучи инженером претендует на должность, на которой он надеется помочь приговорённым к смерти. Риккардо – «честный и чистый персонаж», который не ведёт двойной игры: из графа-иезуита он становится бунтовщиком. После того как (аналогично Гернштейну) он понимает, что массовое восстание невозможно, он становится жертвой: добровольно вливается в ряды депортированных из Рима евреев. Хеллер считает, что Гернштейн является воплощением *инкогнито* Кьеркегора: человек, который должен принять личину убийцы, чтобы стать святым. Однако в классическом смысле слова трагическим героем является не он, а Риккардо, который, в отличие от Гернштейна, не становится «замаскированным агентом Христа», а отождествляется с агнцем, который «остался без пастыря» и выбирает свою судьбу.

Что общего в этих двух персонажах, так это то, что в отсутствие мятежного сообщества они ведут одинокую битву с ужасами нацизма. С практической точки зрения их восстание не является «эффективным», поскольку они оба умирают, а жертвами уничтожения становятся большие массы людей. (Реальный Гернштейн смог спасти «лишь» несколько сотен человек.) Однако Хоххут и Хеллер сходятся во мнении, что жертва этих двух людей не была напрасной. По мнению Хеллер, можно провести различие между *практической* и *моральной эффективностью* важного исторического действия. По её мнению, моральное воздействие деятельности Гернштейна и Риккардо (то есть Лихтенберга) заключается в том,

[20] Ágnes Heller. A nürnbergi pernek nincsen vége, p. 28.

что они продемонстрировали уцелевшим людям и потомкам, что даже в самых варварских, самых разрушительных обстоятельствах мы имеем свободу поступать правильно, в соответствии с велением человеческого достоинства. Эти фигуры вступают в историческую полемику со всеми теми, кто говорит, что приказы, дух эпохи или потребности масс не оставили иного выбора, кроме аморальных действий.

Анализируя драму Хоххута, Геллер как философ-моралист пытается ответить на следующий вопрос: каковы могли быть те моральные нормы и примеры, на которые могли ссылаться и опираться Гернштейн и Риккардо (равно как их исторические прототипы) в эпоху всеобщей вины. По мнению Хеллер и Хоххута, в этот период даже фанатики, совершавшие самые ужасные поступки, обращались к голосу совести: это показывает, что совесть стала пустым понятием, она не давала надёжного компаса для нравственного поведения. По мнению Хеллер, мы не можем даже утверждать, что восхваляемые Хоххутом моралисты могли апеллировать к «общечеловеческим нормам». Согласно Хеллер, в ту эпоху злые поступки по отношению к ближнему стали «общим ожиданием»: с понятием «человеческого» не были связаны никакие четкие нормативные ожидания либо с этим понятием ассоциировались ожидания весьма аморальные. Поскольку эти нравственные инстанции были полностью искоренены, у этих исторических фигур не могло быть иных примеров морально безупречного поступка, кроме следования мученичеству Христа (очень важное наблюдение от автора-марксиста!) Гернштейн и Риккардо учатся у Христа тому, что в эпоху вины истина находится на стороне жертв.[21] Но как перейти от примера одиноких «крайних моралистов» к обрисовыванию возможности сознательного и массового присутствия морали?

Очевиден ответ, что демонстрация теоретической возможности другого вида морали составляет важную часть эссе Хеллер. В какой-то момент она предполагает, что, в отличие от вышеописанных моралистов, действующих в эпоху вины, мы рассматриваем собственные действия и их ценность как часть более широкой исторической взаимосвязи (предположительно, эволюции человеческого рода), в соответствии с их функцией в этом процессе. Хеллер искренне верит, что мы можем дать оценку того или иного поведения и с точки зрения этого процесса. Кроме того,

[21] Ágnes Heller. A nürnbergi pernek nincsen vége, p. 31.

она полагает, что таким образом мы можем прийти к обладанию такой «прогрессивной и правдивой идеологией», с точки зрения которой выражения «веление совести» и «человеческие нормы» вновь наполнятся объективным содержанием.[22]

Таким образом, намечается необходимость создания гуманистической моральной философии, которую Хеллер на данном этапе не наполняет содержанием. Однако я придерживаюсь своего утверждения (которое я пытался подчеркнуть посредством параллели с Маркузе), что первоначально эссе Хеллер обещало также и социальную философию: представление такой всеобъемлющей социальной теории, или, если хотите, критической теории, которая представляет социальные источники повторяющегося сопротивления как «контрэффект» социального манипулирования, т.е. возможности организованного сопротивления, в систематической форме. Примеры «одиноких моралистов» помогли Хеллер развить совершенно уникальную перспективу моральной философии, но пока что кажется, что они отдалили ее от создания социально-философской перспективы.

Неоднородность истории и ценностных сфер

В другом эссе под названием «*Érték és történelem*» [«Ценность и история»], написанном в 1965 г., внимание Хеллер переключается на вопрос о сущности истории. В начале своего анализа она обращает внимание на то, что с точки зрения обыденного сознания действия и социальный контекст обычно противопоставляются: действия в целом рассматриваются с точки зрения целесообразности, а среда трактуется как нечто данное, по логике «причина – следствие». Хеллер думает, что Маркс также противопоставил обыденность (её зависимость от действия) и *объективность* истории; однако он не отделил индивидуальное действие от исторической среды, в которой оно само по себе является результатом убеждений и образа мышления, а также от действий, движимых интересами и ценностями. Это означает, что исторические процессы в основном можно анализировать, принимая во внимание соотношение целей и причин, однако далеко не факт, что всю историю можно понять как телеологическую структуру.

Затем Хеллер рисует довольно противоречивую картину истории. С одной стороны, она подчеркивает, что структуры, определяющие нашу

[22] Ibid., p. 30-31.

социальную жизнь, передаются из поколения в поколение независимо от личных амбиций. Вот почему она предполагает (аналогично Гегелю и Марксу), что в основе этих явлений существует постоянная «субстанция», которая по своей сути содержит совершенно разные возможности для развития. Эта субстанция – история. Однако Хеллер не объясняет, как именно можно рассматривать историю в качестве субстанции. Напротив, она предлагает социальную теорию, с точки зрения которой ставится под сомнение само предположение о возможности субстантивной философии истории. Чтобы снять напряжение между этими двумя точками зрения, она говорит, что история, составляющая основу социальных изменений, есть «гетерогенная субстанция» (обратите внимание, насколько бросается в глаза внутреннее противоречие данной концептуальной конструкции!).

С точки зрения социальной теории, Хеллер представляет общество как совокупность разнородных сфер: в качестве примеров она называет производство, акционерный сектор, мораль, науку и повседневную жизнь.[23] Взаимоотношения между этими сферами, согласно теоретико-системному подходу, не являются иерархическими; они оказывают взаимное влияние друг на друга и действуют в соответствии с разными стандартами рациональности. Следует отметить, что в такой синдетической (syndetic) структуре очень сложно сохранить приоритет исторической логики, опирающейся на развитие производительных сил. Таким образом, возникает вопрос, может ли идея единого исторического развития сохраниться в социальной реальности, интерпретируемой как взаимное воздействие различных стандартов рациональности. Хеллер считает, что если мы хотим сохранить возможность единого исторического развития, то прежде всего следует доказать, что внутри разнородных сфер (или во всей их совокупности) происходят необратимые процессы.

К ещё одной идеологической напряженности в эссе приводит то, что Хеллер не может доказать, что необратимые процессы происходят внутри и между этими сферами. Более того, на этом этапе она ещё больше углубляет свою интерпретацию взаимоотношений между разнородными сферами, находящимися в синдетическом отношении. Чтобы понять значение социального анализа в эссе Хеллер, возможно, стоит обратиться

[23] Ágnes Heller: Érték és történelem [Ценность и история] // Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai esszéiből, Noran Libro Könyvkiadó, Budapest, 2020, p. 9.

к работе Хабермаса под названием «Техника и наука как “идеология”», которая была опубликована тремя годами спустя. Как известно, в этой работе Хабермаса «работа» и «взаимодействие» определяются как наиболее фундаментальные категории социального анализа, и в то же время оба понятия действия соотносятся с разными категориями рациональности. Хабермас объясняет, что дифференциация между работой и взаимодействием предполагает как различные формы производства знаний, определяющих нашу социальную жизнь, так и два фундаментальных аспекта воспроизводства общества. Проведя различие между этими двумя измерениями, в контексте своих критических замечаний о Максе Вебере он также объясняет, что в основном мир социальной работы и стратегических действий может быть охарактеризован концепцией «целевой рациональности», однако мы должны увидеть, что коммуникативные практики, направленные на понимание, также подчиняются соответствующим нормам рациональности.[24] Исследователь Хабермаса Аксель Хоннет утверждает, что Хабермас сделал свою двойственную концепцию, основанную на различении работы и взаимодействия, плодотворной для социального анализа, переняв точку зрения теории систем. Согласно такому видению общества, приоритет технологических и стратегических знаний существенно определяет развитие в сфере менеджмента и социальной работы, но выход на первый план инструментальной рациональности может препятствовать развитию норм, способствующих сохранению социальной интеграции, в другом измерении общества.[25]

Агнеш Хеллер не дает углубленного анализа типов рациональности, доминирующих в отдельных сферах общества, и не анализирует коммуникативные условия воспроизводства социальных норм и ценностей. Однако ход ее мыслей сходен с теорией Хабермаса в том, что при анализе социальных проблем она отходит от известных марксистских концепций, которые находят истоки больших социальных антагонизмов в борьбе производительных сил и производственных отношений или (как

[24] Jürgen Habermas: Technology and Science as “Ideology” [1968] // Toward a Rational Society: Student Protest, Science and Politics, Beacon Press, Boston, 1971. pp. 85-95.

[25] Axel Honneth: Kritische Theorie. Vom Zentrum zur Peripherie einer Denktradition, in. Die zerrissene Welt des Sozialen. Sozialphilosophische Aufsätze. Erweiterte Neuausgabe, Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1990. 42-45 pp.

Хоркхаймер и Адорно) в укреплении «расчетливой рациональности», которая получает развитие в ходе истории.[26] Здесь Агнеш Хеллер думает также о тех патологических случаях, когда норма или стандарт, регулирующий функционирование одной из социальных сфер, становятся определяющими в другой сфере таким образом, что возникает препятствие для развития. Очевидным примером может служить ситуация, когда обезличивающие механизмы коммерции или бюрократии доминируют в межличностных отношениях повседневной жизни или в сфере социализации.

Если отойти от этой потенциально критической точки зрения, следует заметить, что для Хеллер эти примеры ценны также и с исторической перспективы, в которой конкретные нормы одной из сфер меняют функции и становятся основой для инноваций в другой сфере. Например, «гражданское мужество», которое в античный период можно было интерпретировать в узком военном контексте, стало одной из наиболее фундаментальных моральных норм современного гражданина, а значит, двигателем государственного развития. В более широкой перспективе, как утверждает Хеллер, периоды исторического подъёма и падения опре-

[26] Хабермас, возможно, был знаком с эссе Хеллер под названием Érték és történelem [Ценность и история] или слышал его в форме доклада, но прямых упоминаний о нем у Хабермаса мы найти не можем. Однако после мероприятий на Корчуле Агнеш Хеллер оказала большое влияние на Хабермаса, ее он, судя по всему, считал историко-философским мыслителем старой школы, с критическим духом, близким к его собственному. По крайней мере, так следует из опубликованного некролога на смерть Хеллер, в котором Хабермас прощается с ней как с «философом в классическом смысле слова» из Восточного блока, сопоставить которого по уровню он мог лишь со своими профессорами (т.е. немецкими профессорами, социализировавшимися до Второй мировой войны). Изложенной в некрологе интерпретации предшествовали взаиморефлексии Хеллер и Хабермаса, опубликованные в 2017 г. в журнале Thesis Eleven. Хеллер подвергла критике интерпретацию её творчества Хабермасом, который отнёс её к типичным представителям «производственной парадигмы». В своём ответе Хабермас указывает, что предыдущие его критические замечания скорее относились к ранней теории социальной философии Дьёрдя Маркуса, которая (по крайней мере, согласно Хабермасу) фокусировалась на концепции истории и производственного процесса и ещё не интегрировала открытия лингвистического поворота в социальной теории. Jürgen Habermas: Abschied von einer Philosophin, Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.07.2019, Ágnes Heller: On Habermas: Old Times, Thesis Eleven, issue 2017/143, pp. 8-14, Jürgen Habermas: Response to Agnes Heller. Thesis Eleven, issue 2017/143, pp. 15-17.

деляются незначительными на первый взгляд изменениями, которые начинаются с отдельных сфер, «великих могил и колыбелей истории». На этом этапе есть надежда, что мы сможем получить некоторые теоретические опоры для изучения исторической динамики ценностных сфер, но мы всё больше и больше отдаляемся от цели, изначально поставленной Хеллер – продемонстрировать возможность единого исторического развития. Историю нельзя описать в терминах телеологических нарративов, представленных в трудах Маркса, и невозможно изобразить её как процесс распространения господства человека над природой или как историю взаимосвязанных освободительных сражений. По Хеллер, история – это процесс надстройки друг над другом различных ценностных структур, а затем их быстрого распада и «вырождения».[27]

Возможность развития

Однако, возвращаясь к вопросу, первоначально поднятому Хеллер, мы можем здесь спросить: как возможно описать развитие, определяющее историю человечества, с особым учётом «ценностей»? Хеллер объясняет проблему ценностей в контексте антропологизирующего подхода Дьёрдя Маркуса, т.е. ценностью считается всё, что способствует многообразному развитию «человеческой сущности».[28] Возможность «развития ценностей» реконструируется из двух нарративов, которые текстуально переплетены, но могут быть подвергнуты разделению аналитически. В одном смысле она называет «развитием ценностей» появление ресурсов и достижений в одной из гетерогенных сфер (например, моральные и/или свободные действия, демократические структуры, великие произведения искусства). В другом смысле развитие ценностей

[27] Ágnes Heller: Érték és történelem // Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai esszéiből, Noran Libro Könyvkiadó, Budapest, 2020, p. 10.

[28] György Márkus: Marxizmus és „antropológia" [Марксизм и "Антропология"], Akadémiai Kiadó, Budapest, 1966, p. 35. В работах Хеллер начала семидесятых годов именно «человек, богатый потребностями», выступает как наиболее фундаментальная мера ценности гуманизации общества. См. Ágnes Heller: Marx szükségletelmélete [Теория потребности у Маркса] (1970) // Ferenc Fehér–Ágnes Heller: Marx és a modernitás [Маркс и современность], Argumentum Kiadó – Lukács Archívum, 2002 pp. 30-31, Lucy Jane Ward: Freedom and Dissatisfaction in the Works of Agnes Heller – With and against Marx, Lexington Books, Lanham-Boulder-New York-London, 2016, pp. 36-39.

определяется как дифференциация тех сфер, в которых эти проявления зарождаются и угасают. С первой точки зрения трудно утверждать, что ценности непрерывно развиваются в ходе истории: периоды культурного и морального роста сменяются застоем или упадком. Хеллер, однако, считает, что выдающиеся политические или культурные достижения или великие деяния не исчезают бесследно из истории человечества, даже несмотря на упадок. Время от времени появляются «хранители» некогда существовавших ценностей, благодаря которым прошлые ценности возрождаются после длительной исторической агонии и становятся базой для социальных и культурных инноваций. По мнению Хеллер, ценностные достижения являются абсолютными в историческом масштабе, тогда как их утрата является относительной.[29] Следует отметить, что здесь интерпретация «утраты ценностей» претерпевает важный сдвиг в акцентах. Если раньше Хеллер пыталась объяснить распад взаимным влиянием ценностных сфер, развивающихся на основе разной логики, то теперь она говорит о ретроградном развитии или забвении ценностей, происходящем совершенно естественным путем. Это противоречие усиливается, если подумать, что намечается и третий путь эрозии ценностей, при котором «эволюционируют» «неценности» *(Unwerte)*, препятствующие человеческому развитию.[30] Чтобы оспорить точку зрения Хеллер, можно также упомянуть, что к «великим предшественникам» обращаются не только действующие лица, приверженные ценностям, но и негуманные исторические деятели, сторонники демократии вдохновляются примером из прошлого афинской демократии, а лидеры тоталитарных диктатур – римскими диктаторами, которые управляли «высокоразвитыми» сетями информаторов.

Хеллер также использует другой тип аргументации, когда возвращается к повествованию о развитии производительных сил. Ей, конечно, хотелось бы избежать историко-философского редукционизма. Вот почему, с одной стороны, она утверждает, что развитие производительных сил не является более «релевантным» событием, чем другие важные исторические тенденции: это необходимое, но не достаточное условие развития ценностей. С другой стороны, она считает, что именно нарра-

[29] Ágnes Heller: Érték és történelem [Value and History] // Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai esszéiből, Noran Libro Könyvkiadó, Budapest, 2020, p. 16.

[30] Ibid., p. 11.

тив о развитии производительных сил может пролить свет на тенденции развития, лежащие в основе социальных патологий. Хеллер приводит список исторических примеров, чтобы показать, что параллельно с процессом, в ходе которого индивид был оторван из своей естественной общности капиталистическим производством, также развился новый тип ценностной иерархии, на вершине которой находится скорее свобода, чем счастье.[31] Именно капитализм создал основу для трансграничной интеграции, опирающейся на безличные механизмы, но также позволившей оценивать индивидуальные действия с точки зрения человечества или «всемирной истории». Таким образом, тот же самый процесс, что привёл к дегенерации, т.е. несвободе, отчуждению и одиночеству на уровне отдельных сфер, привёл и к интернализации универсалистской перспективы. Индивидуум может многосторонне реализовать свой потенциал, а также создать общество, основанное на свободном сотрудничестве, только если он уже идентифицировал себя с этой точкой зрения.

На мой взгляд, в одном этом эссе Хеллер прошла долгий путь: первоначально она исходила из взгляда на историю как на развитие производительных сил, но в итоге она доказывает возможность непрерывной эволюции ценностей, что представляет собой новый для неё подход. Тем не менее, остается неясным, почему развитие на уровне общества в целом стало в конечном итоге гарантией сохранения «особых ценностей», созданных в конкретных сферах в прошлом. Однако можно сделать вывод о том, как создается ретроспектива, с которой отдельные моральные поступки или великие произведения искусства могут быть измерены не только по их собственной ценности, но также могут быть интерпретированы как частные примеры восхождения к «общечеловеческим» ценностям. В своей книге, которую Хеллер посвятила истории собственной философии, она так характеризует это эссе: его ключевое достоинство состоит в том, что, исходя из понятия ценности, «в нём получилось сохранить идею общественного развития».[32] Однако я думаю, что ей было непросто объединить несходные взгляды на трактовки исторического и индивидуального развития, разные типы ценностной эволюции, философию истории и плюралистическое общество.

[31] Ágnes Heller: Érték és történelem, p. 13

[32] Ágnes Heller: Filozófiám története [Краткая история моей философии], Múlt és Jövő Kiadó, Budapest, 2009, pp. 76-77.

Заключение

Начав исследование с анализа «Нюрнбергского эссе», я показал, что хотя у Хеллер и возникла необходимость создания критической социальной философии о возможности бунта, рассмотрение проблемы моральной философии (особенно случай с «одинокими моралистами») задало другое направление её анализу. Однако когда я рассматривал её эссе «*Érték és történelem*» [Ценность и история], я показал, что, кроме направления мысли о возможности исторического развития и исторической артикуляции ценностей, появился и самостоятельный социально-теоретический подход. Я сделал утверждение, что эта идея потенциально позволяет по-новому взглянуть на социальные проблемы, поскольку Хеллер интерпретирует и социальные патологии, и развитие отдельных социальных сфер как взаимное влияние сфер ценностей: в зависимости от того, станет ли «захват» нормативных ожиданий и стандартов рациональности, регулирующих ту или иную сферу, оказывать деструктивное либо инновационное воздействие на ценностную сферу, функционировавшую ранее на основе иной логики. Та Агнеш Хеллер, которую я здесь представил, вероятно, связала бы нормы социальной критики с универсалистской перспективой, получающей развитие в историческом процессе. Но представление ценностных сфер, действующих в соответствии с разными нормативными ожиданиями и (если я их верно интерпретирую) разными стандартами рациональности, предполагает также возможность «полифонической» социальной критики, построенной на многообразии ценностей и точек зрения.

Список литературы

1. Eatherly, C., Anders, G. *Burning Conscience: the Case of the Hiroshima Pilot.* London: Weidenfeld & Nicolson, 1961.
2. Grumley, J. Agnes Heller – A Moralist in the Vortex of History London: Pluto Press, 2004.
3. Habermas, J. *Abschied von einer Philosophin*, Frankfurter Allgemeine Zeitung, 22.07.2019.
4. Habermas, J. *Response to Agnes Heller*. Thesis Eleven, issue 2017/143, pp. 15-17.
5. Hauptfeld, G. *Der Wert des Zufalls. Ágnes Heller* über *ihr Leben und ihre Zeit.* Wien – Hamburg: Edition Konturen, 2018..

6. Heller, Á. *A nürnbergi pernek nincsen vége* [*Нюрнбергский процесс еще не окончен*], *в*: Az akarat szabadsága. Válogatás 50 év filozófiai esszéiből [*Свобода воли. Сборник философских очерков за* 50 *лет*]. Budapest: Noran Libro Könyvkiadó*, 2020.*
7. Heller, Á. *Filozófiám története* [Краткая история моей философии]. Budapest: Múlt *és* Jövő Kiadó, 2009.
8. Heller, Á. *Marx szükségletelmélete* [Теория потребности у Маркса] (1970) // Ferenc Fehér–Ágnes Heller: *Marx* és *a modernitás* [Маркс и современность], Argumentum Kiadó – Lukács Archívum, 2002.
9. Heller, Á. *On Habermas: Old Times*, Thesis Eleven, issue 2017/143, pp. 8-14,
10. Heller, Á., *Kőbányai*, J. *Bicikliző majom* [*Агнеш Хеллер - Янош Кобаньяй*: *Обезьяна на велосипеде*]. Budapest: Múlt *és* Jövő Lap- *és* Könyvkiadó, 1998.
11. Hochhuth, R. *Der Stellvertreter. Ein christliches Trauerspiel*. Reinbek: Rowohlt, 1963.
12. Honneth, A. *Kritische Theorie. Vom Zentrum zur Peripherie einer Denktradition, in.* Die zerrissene Welt des Sozialen. Sozialphilosophische Aufsätze. Erweiterte Neuausgabe, Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1990.
13. Márkus, G. *Marxizmus* és *„antropológia"* [Марксизм и "Антропология"]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966.
14. Marcuse, H. *One-dimensional Man: studies in ideology of advanced industrial society*. London, New York: Routledge 2007.
15. Ward, L.J. *Freedom and Dissatisfaction in the Works of Agnes Heller*. London: Lexington Books, 2016.

Перевод с английского Е.В. Филипповой

Святослав Вячеславович Шачин
независимый исследователь
Мурманск, Россия

РУДИ ДУЧКЕ И ЕГО «ПОПЫТКА ПОСТАВИТЬ ЛЕНИНА НА НОГИ»

Аннотация. *В данной главе впервые в России рассматривается оригинальный труд известного немецкого политического философа и лидера молодёжного движения 1968 г. Руди Дучке «Попытка поставить Ленина на ноги» (Берлин, 1974), а также раскрываются основные моменты его политической биографии. Дучке вскрыл причины невозможности социалистических идеалов быть осуществимыми в XX веке, несмотря на героические попытки большевиков и западных радикальных социалистов их реализовать. Революция произошла в стране полуазиатского стагнирующего капитализма и не была поддержана европейской антикапиталистической революцией. В результате после победы большевиков в России возродился общественный строй с господством государственной бюрократии в лице сросшегося партийно-государственного аппарата над обществом. Не возникло универсальных форм общественного движения (Verkehr), что привело к тому, что социализм стал локальным, что создавало опасность его упразднения. При этом, согласно Дучке, именно равноправный союз между прогрессивной интеллигенцией и трудящимися массами может открыть новые пути перехода от общества необходимости к обществу свободы, при условии отказа интеллигенции от вождизма (в эту ошибку вождизма и впали большевики). Поэтому именно фигура Дьердя Лукача является наиболее важной для Дучке, поскольку исследование его творческого пути позволит осознать основные принципы такого равноправного союза. Следовательно, Лукач может быть выразителем взглядов интеллигенции, и через критику этих взглядов можно будет понять, каким образом образованные люди смогут лучше понять подлинные потребности и интересы трудящихся, чтобы проводить ту политику, которая более соответствовала бы им, и научиться по-настоящему руководить массами.*

Ключевые слова: *социализм, полуазиатский капитализм, ленинизм, теория революции, Коминтерн, диалектика, западный марксизм.*

Svyatoslav Shachin,
independent researcher
Murmansk, Russia

RUDI DUTSCHKE AND HIS BOOK "AN ATTEMPT TO PUT LENIN ON HIS FEET"

Abstract. *This chapter, for the first time in Russia, examines the original work of the famous German political philosopher and leader of the 1968 youth movement, Rudi Dutschke, "An Attempt to Put Lenin on His Feet" (Berlin, 1974), and also reveals the main points of his political biography. Dutschke revealed the reasons for the impossibility of socialist ideals to be realized in the twentieth century, despite the heroic attempts of the Bolsheviks and Western radical socialists to realize them. The revolution took place in a country of semi-Asian stagnating capitalism and was not supported by the European anti-capitalist revolution. As a result, after the victory of the Bolsheviks in Russia, the social system was revived with the dominance of the state bureaucracy in the status of the fused party-state apparatus over society. No universal forms of social movement (Verkehr) emerged, which led to socialism becoming local, which created the danger of its abolition. At the same time, according to Dutschke, it is an equal alliance between the progressive intelligentsia and the working masses that can open up new ways of transition from a society of necessity to a society of freedom, provided that the intelligentsia abandons leaderism (the Bolsheviks fell into this mistake of leaderism). Therefore, it is the figure of György Lukács that is most important for Dutschke, since the study of his creative path will make it possible to understand the basic principles of such an equal union. Therefore, Lukács can be a spokesman for the views of the intelligentsia, and through criticism of these views it will be possible to understand how educated people can better understand the true needs and interests of the working people in order to pursue policies that would be more in line with them and learn to truly lead the masses.*

Keywords*: socialism, semi-Asian capitalism, Leninism, theory of revolution, Comintern, dialectics, Western Marxism.*

Введение: Руди Дучке как радикальный политик и яркий учёный марксистского направления в Германии середины XX в., незаслуженно не замеченный в России.

В истории немецкого левого движения в 60-е гг. XX в. яркое место занимает Руди Дучке (07.03.1940 – 24.12.1979). Он был одним из лидеров движе-

ния Новых левых в ФРГ (главным образом он действовал в Западном Берлине, хотя как молодёжный политик ездил и по всей Западной Германии).

Руди родился в семье мелкого чиновника в деревне недалеко от Берлина, в многодетной семье. Его дядя погиб в танке под Майкопом[33] в ходе сражения за Кавказ в 1943 г., поэтому Дучке комментировал в дневнике, что всю жизнь стремился к тому, чтобы в будущем молодым немецким мужчинам больше не приходилось бы умирать за своё Отечество, а их родные не получали бы торжественных и напыщенных известий об этом. С детства и в юности Дучке был глубоко восприимчив ко лжи и стремился к её разоблачению. Он приехал в Западный Берлин учиться из Восточного Берлина в 1960 г. до появления Стены. Став одним из руководителей Социалистического студенческого союза в 1966 г., он превратил эту организацию в штаб управления мощным молодёжным движением, выступавшим за радикальные преобразования капиталистического общества. Движение покрыло всю Западную Германию сетью дискуссионных клубов, в которых разрабатывался проект реформы образования и альтернативных капитализму жизненных форм. В Западном Берлине в 1966 – 68 гг. прокатилась организованная упомянутым студенческим союзом сеть массовых молодёжных демонстраций, в частности, демонстрация протеста против визита иранского шаха, который разоблачался студентами как коррупционер и компрадор, поддерживающий нищету и невежество в своём народе на фоне беззастенчивой эксплуатации природных ресурсов транснациональными корпорациями (плативших ему и его семье огромные взятки). Иными словами, благодаря Дучке студенты ФРГ стали понимать систему неоколониализма как оплот современного капитализма в глобальном масштабе.[34]

В ноябре 1967 г. Руди Дучке был приглашён известным немецким журналистом Гюнтером Гауссом на беседу в программу телекомпании ZDF (второй по значимости в ФРГ) «В протокол». Благодаря этому видеодокументу мы понимаем мировоззрение 27-летнего Р. Дучке.[35] Он мыс-

[33] Майкоп в современной России – столица Республики Адыгея.

[34] Bergmann U., Dutschke R., Lefèvre W., Rabehl B. Rebellion der Studenten oder die neue Opposition: Eine Analyse. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1968; Dutschke (2009) – Full Movie (документальный фильм телекомпании ZDF). URL: https://www.youtube.com/watch?v=wS82Z2zSHPU (дата обращения: 01.07.2023).

[35] Günter Gauss im Gespräch mit Rudi Dutschke: SWF, Zu Protokoll, Sendung vom 3. Dezember 1967. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SeIsyuoNfOg (дата обращения: 01.07.2023).

лил переход от капитализма к социализму как длительный процесс просвещения народных масс, начиная с интеллигенции, относительно своего подлинного положения. При этом дискуссии в студенческих аудиториях должны быть соединены с организацией массовых протестных акций, откликающихся на животрепещущие общественные проблемы. Именно это позволит преодолеть идеологическое ослепление, ту всеобщую ложь, которую используют элиты капиталистического общества для сохранения своего господства. Важной целью студенческого социалистического движения Дучке считает радикальную реформу политической системы, поскольку существовавшие на то время партии (христианских демократов, социал-демократов и либералов) не могли представлять интересы большинства населения ФРГ, и выборы превращались в фарсы, напоминавшие выборы в сталинском СССР. Что же касается профессиональных политиков, то они рекрутируются из прослойки господствующего класса и потому, будучи в отличном социальном положении, не могут даже осознать всеобщий интерес, реализации которого должно служить государство. На вопрос журналиста о том, не возникнет ли в ходе институциализации студенческого движения аналогичная прослойка профессиональных политиков, Дучке оригинально ответил в духе гегелевской философии, что в случае успешного развития этого движения возникнут новые формы сознания, благодаря которым и будут придуманы организационные структуры, альтернативные существующим. Для самого Дучке главной ценностью является честность, что и позволяет ему чётко понимать реальное положение общества и молодёжи в нём, возможности для активной деятельности по изменению этого положения и причины поражений предыдущих попыток революционных изменений.

Комментируя этот 40-минутный диалог, некоторые главные моменты которого были только что изложены, стоит заметить, что позиция Дучке представляется точкой зрения левого интеллигента, будущего учёного, который действительно осмеливается уяснить себе основы общественного устройства и мировоззрения своей эпохи и который в опоре на солидарную деятельность таких же представителей интеллигенции ищет способы сделать общественную жизнь более разумной. Но они, несмотря на массовые акции, вращаются в узком социальном кругу и ещё не установили связи с трудящимися классами, а потому пока что не могут понять их подлинные интересы и мировоззрение.

Как раз этого-то перехода лидеров студентов к настоящей деятельности по изменению общества и не допустили господствующие элиты ФРГ. Против Дучке сначала была развёрнута пиар-компания в журналах издательства «Шпрингер» (карикатуры, пасквили, даже организация массовых выступлений с требованием изгнания Дучке из Западного Берлина). Затем случилось драматическое покушение на Руди 11 апреля 1968 г. (это был Чистый четверг, по-немецки дословно – Зелёный четверг (Gründonnerstag), перед католической Пасхой): в него в упор в голову стрелял молодой безработный Йозеф Бахман[36]. Была сделана сложная операция, а затем могучий организм преодолел последствия ранения в мозг, причём Руди пришлось заново учиться говорить и писать (что он делал одновременно со своим малолетним сыном). Реабилитация, проходившая 3 года, была успешной в том числе благодаря самоотверженной преданности жены Гретхен[37] и друзей, сумевших обеспечить Руди лечение в Швейцарии и Италии (кстати, издательство «Шпрингер» после покушения также платило Дучке пожизненную стипендию в 1000 марок, что выяснилось недавно). Однако без своего лидера Социалистический студенческий союз через несколько месяцев после описанного покушения раскололся, что привело к постепенному затуханию движения Новых левых. К тому же оно не было поддержано Советским Союзом, рассматривавшим левых студентов ФРГ как анархистов и потому как врагов реального социализма.

[36] Й. Бахман в тюрьме, после того как он получил несколько писем от Дучке (в которых тот его простил в христианском духе – Дучке ещё в рассматриваемом интервью с Г. Гауссом говорил о себе как о христианине, стремившемся синтезировать христианство и революционное движение), стал изучать идеи социализма. Закончилось это для него плохо – загадочным самоубийством в начале 70-х гг. Дучке воспринял эту смерть как гибель ещё одного человека, которому капитализм затуманил мозги и который не успел найти истину (это явствует из текстов Дучке). Все эти факты приводились в упомянутом фильме.

[37] Она была студенткой из США, приехавшей в Западный Берлин учиться. Она стала соратницей Руди по студенческому движению – там молодые и познакомились. Семья Дучке была многодетной: родились трое детей, и сын в молодости в конце 90-х гг. был внешне очень похож на отца – как показано в упоминавшемся выше фильме, он даже был вынужден отвечать на вопросы журналистов, не собирается ли он продолжить его деятельность. Она, будучи уже вдовой, написала прекрасную книгу про жизнь и деятельность своего мужа: Dutschke-Klotze G. Wir hatten ein barbarisches, schönes Leben. – Köln: Kiepenheuer and Witsch-Verlag, 1996. 512 S.

Но Руди сумел найти другие способы борьбы за изменения современного ему общества. По приглашению Дании он стал ассистентом университета в городе Орхус – втором по величине городе Дании, в библиотеке которого он начал писать свою главную книгу – «Попытка поставить Ленина на ноги: о полуазиатском и западноевропейском пути к социализму. Ленин, Лукач и Третий Интернационал». Она была написана на основе диссертации на соискание учёной степени доктора философии (эквивалентно нашей кандидатской), которую Р. Дучке защитил в Свободном университете Берлина в 1973 г. Книга вышла в Берлине в 1974 г. и была переиздана через 10 лет – на основе этого издания и написан данный текст. В России этот труд до сих пор никем не изучался, хотя в истории немецкой левой социально-философской мысли XX в. он занимает яркое место.

После этого Дучке был признан доктором философии, некоторое время даже преподавал в Голландии в университете г. Гронинген в 1977 г. социологию (интересно, что этот город является побратимом г. Мурманска, и делегация преподавателей нашего тогда ещё пединститута в период перестройки посещала этот университет, правда, спустя почти 10 лет после смерти Дучке – увы, они разминулись…). Также Дучке оказался одним из основателей партии зелёных – именно в ней он и нашёл осуществление своим идеям о политической силе, альтернативной закоснелым традиционным партиям: Р. Дучке участвовал в организации партии, содействовал прохождению 5-проц. барьера на выборах в местные органы власти ФРГ и был приглашён на её учредительный конгресс. Однако в рождественский Сочельник 24 декабря 1979 г. Дучке в результате эпилептического припадка, вызванного последствием ранения в голову, утонул в своей ванной. Ему было 39 лет. Тем самым Германия и всё мировое левое движение потеряла яркого учёного и, возможно, нового политика, который мог бы повернуть партию зелёных в направление выразителя интересов большинства немецкого общества.[38]

Обратимся к основным идеям этой книги. В дальнейшем будет не просто предложен обзор, но и осмысление с позиции герменевтико-диалектической методологии. Это означает, что сам Дучке при осмыс-

[38] Биография Р. Дучке изложена по материалам упомянутых немецкоязычных публикаций о нём, интервью с ним от 1967 г. и документального фильма 2009 г.

лении путей развития разных обществ (российского и европейского) будет рассматриваться как герменевтический посредник, т.е. как тот, который стремится выразить опыт европейского сообщества левых интеллектуалов на языке, понятном российскому сообществу, и наоборот. При этом в герменевтическом опыте имеется принципиальный момент – эти опыты нетождественны, поскольку, как доказывает сам Дучке, законы развития российского и европейского общества не идентичны друг другу, хотя они подчинены общим законам развития капитализма в целом, в чём и заключается диалектическое противоречие. То есть русский капитализм – иной, чем западноевропейский, и для постижения его требуется другая категориальная система, тем не менее согласуемая с основными понятиями марксистской социальной философии, но требующая творческого продолжения последней. Следовательно, целью данной главы является анализ основных результатов проведённого Дучке осмысления российского капитализма и революционного движения в России как специфического, не тождественного европейскому. Это осмысление Дучке реализует на основе понятийной системы, альтернативной той, что использовал Ленин и выработанной в немецкой социально-философской мысли, с одной стороны, и в то же время соответствующей марксистской социально-философской парадигме (в расширенном и углубленном, по сравнению с советским диаматом и истматом, её понимании), с другой стороны – в этом и заключается диалектическое противоречие, плодотворное для диалога между российскими и немецкими левыми интеллигентами.

Реализована же эта цель будет через решение основных задач, предопределяющих структуру текста. При этом в разделе 2 повествуется о целях и задачах книги Р. Дучке, в разделе 3 – о логике полуазиатского стагнирующего капитализма в России, в разделе 4 – о сути большевистской партии и её коренных недостатках, в разделе 5 – о достоинствах и недостатках Ленинской теории империализма и о способах её творческого продолжения, в разделе 6 – о природе Советской власти и причинах её поражения (в смысле подчинения коммунистической номенклатуре), в разделе 7 – о логике развития творческого пути Д. Лукача и, наконец, в разделе 8 – о проблемах доктрины и организационного устройства Коминтерна и причинах его неудачи в организации всемирной антикапиталистической революции.

2. О целях и задачах книги
«Попытка поставить Ленина на ноги»

Целью книги было определение путей перехода к царству свободы, чтобы сделать утопию о нём конкретной[39]. В исторических условиях, когда Дучке писал книгу, путь к социализму оказался невозможным как в обществах «капиталистической однозначности», так и в обществах «социалистической двузначности» – двузначности в том смысле, что в последних обществах трудящиеся массы находятся под властью псевдосоюза из коммунистической партии и государственной бюрократии (в первых же обществах всё однозначно: трудящиеся классы эксплуатирует буржуазия) (S. 6). Однако, если в отношении первых Дучке вместе с Лукачем (биографию которого вместе с эволюцией взглядов он также исследует в данной книге) занимает позицию революционера, то в отношении вторых – радикального реформатора (S. 6). И революционеры, и реформаторы радикальны. Это означает – добирающиеся до корней, а это – проблемы и потребности трудящихся масс (S. 13).

Революционную борьбу нельзя вести ради *только* блага отдаленных поколений в будущем. Главная дилемма: как проникают друг в друга ближняя цель и дальняя цель социализма – преодоление угнетения и осуществление свободы? Согласно Дучке, Ленину и большевикам не удалось осуществить диалектическое взаимодействие современности и будущего, а потому они должны были попасть в русскую дилемму, которая стала дилеммой международных социалистов и коммунистов: либо пытаться достигать блага будущих поколений за счёт жертв (в том числе и самопожертвования) и гигантского насилия (в том числе и в отношении невиновных) в данную историческую эпоху; либо бороться за конкретные интересы (и ещё неизвестно при этом, кого – трудящихся ли масс или группировки политиков, объявивших себя выразителями интересов трудящихся) в данную эпоху без адекватного понимания конечной перспективы (по принципу «движение – всё, конечный результат – ничто», как говорил Э. Бернштейн), предполагая, что конечная цель будет до-

[39] Dutschke Rudi. Versuch, Lenin auf die Füße zu stellen. Über den halbasiatischen und den westeuropäischen Weg zum Sozialismus. Lenin, Lukacs und die Dritte Internationale. – Berlin: Claus Wagenbach Verlag, 1974. S. 6. (Всего: 349 S.) В дальнейшем для удобства восприятия текста статьи ссылки на эту книгу будут даваться в основном тексте по типу: (S. такая-то).

стигнута закономерным образом и сама собой – что вовсе не очевидно. На каком пути возможно решать эту дилемму – об этом вся книга (S. 14).

3. К логике полуазиатского стагнирующего капитализма в России

Дучке рассматривает эволюцию российского общества, предшествующую капитализму, на основе идей Маркса и Энгельса об азиатских обществах. К анализу же российского капитализма Дучке приступает, опираясь уже на работы Ленина и их переосмысливая посредством критики.

Методологическое замечание

Дучке начинает с критики основ методологии анализа капитализма в трудах Р. Люксембург, Ленина и Лукача. По его мнению, точно так же, как Роза Люксембург объясняет неизбежное разрушение капитализма не исходя из внутренних законов развития капиталистических отношений, а из трансцендентного факта отсутствия некапиталистических стран, так и Ленин не понимает реальное осознание пролетариатом своего бытия (т.е. пролетарское сознание) базисом классового сознания пролетариата в партийной форме, а требует внесения этого «революционного» сознания в рабочий класс извне[40]. Однако на самом деле большевики исходили не из социально-экономических процессов в полуазиатском капитализме России, а из политически мотивированного, но материалистически не выводимого пролетарского классового сознания, как они сами его понимали и формулировали (S. 29). И Ленин, и Р. Люксембург, и молодой Д. Лукач не понимали мета-экономическое измерение Марксова анализа. Хотя основные положения этого анализа они хорошо знали: что процесс труда есть вечное природное условие человеческой жизни, выражение обмена веществ между человеком и природой, а наёмный труд подлежит упразднению посредством пролетарской революции. Однако при этом для всех троих осталось загадкой, как конкретно на основе

[40] Этот вывод Дучке сделал, опираясь на исследования известного немецкого политэконома первой трети XX в. Г. Гроссмана, который в своей книге провёл компаративный анализ точек зрения В. Ленина, Р. Люксембург и Д. Лукача на кризисные тенденции в развитии капитализма и показал недостаточность этих трёх позиций (в смысле того, что каждая из них недостаточна по-своему) Grossmann H. Die Akkumulations- und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems. – Leipzig, 1929. 628 S. Впоследствии Ганс Гроссман был учителем Т. Адорно и М. Хоркхаймера в области политэкономии.

процесса труда 1. происходит универсальный процесс опредмечивания человеческой сущности; 2. как в рамках особенных капиталистических производственных отношений этот процесс порождает отчуждение и овеществление (они это знали, но в своём анализе не добрались до сути отчуждения, укоренённой в самом искажении процесса опредмечивания); а также 3. они не до конца понимали, как конкретно формируется объективная необходимость антикапиталистической революции – именно благодаря качественным изменениям в процессе труда (а не только благодаря деятельности пролетарских политиков или изменениям в отношениях собственности – что на смену частной собственности на средства производства якобы должна прийти государственная, к чему стремился Ленин) (S. 28 – 29).

Чтобы понять общество, необходимо проанализировать доминирующий способ производства, определяемый именно характером труда в нём (S. 28).

Будучи практическим революционером, Ленин знает, что российское общество не является капиталистическим в западноевропейском смысле, что в России имеют место специфические полуазиатские производственные отношения, но, как сын мелкого буржуа, он надеялся на утверждение капитализма. Отсюда возникало методологическое противоречие, которое препятствовало ему рассматривать полуазиатскую субстанцию российского капиталистического способа производства как то, что надо трансформировать (S. 31).

Производственные отношения, в основе которых, согласно «Наброскам к критике политэкономии» Маркса, лежат отношения собственности и распределения, задают рамочные условия для развития общественного труда в каждую историческую эпоху. В «Капитале» Маркс раскрыл процесс первоначального накопления капитала в Европе как определяющий для становления современного капитализма. Однако, как пишет Дучке, «забрасывание в капитализм благодаря развитию мирового рынка происходило в азиатских и полуазиатских обществах другим путём, как мы увидим» (S. 32).

Рассмотрим докапиталистический способ производства в России, который представлял собой «исторически модифицированный базис капиталистической оболочки». На примере России нам станет ясной продуктивное противоречие между западноевропейским и азиатским способом производства и общественной жизни (S. 32).

К общему пониманию азиатского способа производства

Именно в нём лежит ключ к анализу Ленинской политики, её лозунгов, специфических форм партии и решающих русских форм борьбы. На основе Марксова подхода из «Критики политической экономии» мы можем понять неясности в ленинском анализе затруднений в развитии России, которые выражаются в формулировках, оценивающих историческое наследие России как «полуазиатское», «полуфеодальное», «восточное» и т.п. (S. 33).

Понятие азиатского способа производства и у Маркса, и у Энгельса, и у Ленина играет ключевую роль в понимании русской формы производства. Этот способ производства возник на основе общей собственности, восходящей к временам охоты и собирательства, а затем – раннего земледелия и скотоводства, а разделение труда подразумевает формы взаимодействия, основанные на равенстве. На основе этой формы собственности невозможен переход к частной собственности на землю. Несмотря на все свои исторические метаморфозы, она сохранялась в Индии вплоть до появления англичан (S. 34).

В 1-м томе «Капитала» Маркс писал о том, что эта простая форма общественной жизни как самодостаточный организм, даже если разрушается случайно, быстро воспроизводится в том же самом месте, и она и представляет собой ключ к стабильности азиатских обществ, неподвластной политическим бурям и частым сменам правителей[41]. Этот способ производства, основанный на примитивном разделении труда в рамках изолированных деревенских общин, предполагает низкий уровень развития производительных сил на больших территориях. Опасности завоеваний извне, природных катаклизмов в форме наводнений, которые невозможно преодолеть силами изолированных общин, требуют своего преодоления, что и приводит к полному борьбы, мучительному процессу возникновения особой азиатской государственной формы[42] (S. 35).

В результате в Азии возникает специфическая форма деспотии, в которой три основных учреждения правительства являются основными, по словам Маркса: финансов, для опустошения своей страны; войны,

[41] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. на русск. яз. – Т. 23: «Капитал», т. 1. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1960. С. 370 – 371.

[42] Там же. С. 89 – 90, 248 – 249, 523.

для опустошения других стран; и общественных работ[43]. Организованная форма общественных работ с целью обеспечения регуляции воды, строительства дорог и пр. представляет собой особую форму извлечения прибавочной стоимости на Востоке и служит укреплению господства деспотов. Для организации общественных работ требуется деятельность государственных чиновников, которые и являются господствующей группой в господствующем классе (S. 37 – 38).

Специфическое диалектическое противоречие между деспотической централизацией политического господства и децентрализованным руководством процесса эксплуатации в рамках общинного труда есть глубинная причина стагнирующего характера азиатских обществ. Демократически-эгалитарное пожертвование, которое изначально каждый вносил в «общий котёл» для обеспечения запасов на случай природных катаклизмов, трансформируется в обязательную работу на государство. Однако сама крестьянская община и те представители центральной власти, которые назначаются ради того, чтобы обеспечивать поступление в центр прибавочного продукта (в виде же обязательных налогов части урожая, в виде ли участия крестьян в общественных работах, в виде ли участия в военных сборах или в рекрутских повинностях) – они не понимают, зачем конкретно им необходимо сильное государство и почему оно требует от них столько много труда и его результатов. Откуда они найдут силы, средства и мотивацию развивать производство и преодолевать стагнацию? (S. 38).

Вторая специфика азиатского способа производства состоит в том, что размер прибавочного продукта устанавливает государство исходя из своих интересов, а они-то и определяют рамочные условия для развития отношений обмена в обществе в целом. Обмен совершается сначала на границах между деревенскими общинами. Однако для того, чтобы продукт труда стал бы товаром, необходимо, чтобы он приобрёл меновую стоимость, то есть чтобы производился для продажи. Однако в условиях натурального хозяйства, господствующего в деревне, этот процесс не может до конца осуществиться. Следовательно, и свободного накопления капиталов, и развития товарно-денежных отношений, и

[43] Маркс К. Британское владычество в Индии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. – Т. 9: работы марта-декабря 1853 г. – М.: Гос. изд-во политич. литры, 1957. С. 132 (всего: С. 130 – 136).

перехода к капитализму в национально-азиатской специфике ожидать не приходится (S. 39).

Далее Дучке обращается уже к Ф. Энгельсу, к его тезисам об азиатских обществах[44]. Главной чертой азиатских обществ, по Энгельсу, является отсутствие частной собственности. Общественный труд в них организовывается только центральным правительством, а вся империя наряду с парой больших городов представляет собой совокупность изолированных деревенских общин, образующих каждая для себя особый мирок (S. 39). Английский империализм в Индии не постигнул суть азиатского способа производства, а стремился просто уничтожить её, чтобы ирландизировать Индию (S. 39 – 40).

Обсудим русские особенности: каковы различия европейского феодализма, в котором король – только первый среди равных, и азиатского феодализма, в которой царь играет ведущую роль, и она предопределена политико-экономически? (S. 40)

Основные тенденции истории России с позиции исследования динамики специфической формы азиатского способа производства.

Дучке исследует основные тенденции русской истории под аспектом становления и развития специфической российской формы азиатского способа производства. Дело в том, что в чистом виде Россия не может

[44] «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы, в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь – это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве). Британское правительство в Индии организовало № 1 и № 2, придав им более филистерский вид, а № 3 совсем забросило, в результате чего индийское земледелие гибнет. Свободная конкуренция там совершенно оскандалилась». Цит. по: Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 06.06.1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. в 50-ти тт. на русск. яз. – Т. 28: письма К. Маркса и Ф. Энгельса (1852 – 1855 гг.). – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1962. С. 221. (Вся работа: С. 216 – 223)

быть названа типичной азиатской страной, так как в ней не существует огромного ирригационного земледелия и не организуются государством централизованные общественные работы по его сооружению и поддержанию в надлежащем состоянии. Поэтому Россия – полуазиатская страна. Дучке многократно использует эту формулировку при характеристике, в частности, российского капитализма. Дучке считает, что полуазиатскую общественную форму отличает от азиатской «отсутствие особых коммуникативных и производительных инструментов регулирования воды» (S. 172). Также прилагательное «полуазиатский» он часто ставит рядом с прилагательным «стагнирующий», так как описанные выше тенденции к стагнации (или, как теперь принято говорить в социальной философии, тенденции к поддержанию традиционного общества) действуют и в русской истории, в том числе и истории социально-экономических форм последнего столетия перед Революцией 1917 г.

Во «Введении к критике политэкономии» Маркс сравнивает США и Россию и отмечает, что в характере труда в этих странах – целая пр*о*пасть различий. В Америке возникло понимание «труда вообще» потому, что каждый индивид обладает столь высоким уровнем развития, что способен свободно переходить от одного вида труда к другому. А для русских людей любой вид труда безразличен, и они в равной степени предрасположены к этим видам. И суть разницы – в том, что русский имеет предрасположенность к любому труду, а цивилизованный человек приспособляет себя к любому труду. Только под воздействием принуждения извне русский человек переходит от одного вида труда к другому[45] (S. 41).

Дучке исследует русскую историю на основе идей Маркса, изложенных в работе «Дипломатическая история XIX в.»[46]. Его интересует воз-

[45] Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. – Т. 12: работы, написанные с апреля 1856 по январь 1859 гг. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1958. С. 731 (Вся работа: С. 709 – 738).

[46] Marx K. Diplomatic History of the Eighteenth Century. London: Free Presse, 1857. Это произведение не присутствует в Собрании сочинений Маркса и Энгельса на русском языке. Впервые на немецком языке фрагменты из этой работы издал и прокомментировал Д. Рязанов в начале XX в.: Rjasanov D. Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. Ergänzungshefte zur Neuen Zeit. – Stuttgart: Dietz-Verlag, 1909. 64 S. Именно этим изданием и пользуется Дучке в своём анализе взглядов К. Маркса на русскую историю.

никновение русского типа государства в его характерных чертах, а также логика развития полуазиатского капитализма и его отличия от азиатского, с одной стороны, и европейского, с другой. Дучке образно пишет, что история господствующего класса тесно сплетена с историей «униженных и оскорблённых» (Достоевский), так как государство возникает, с точки зрения классического марксизма, на той степени развития производительных сил, когда уже невозможно разрешить классовые противоречия (S. 42). У истоков государства может лежать завоевание, но сами по себе войны не создают историю, а сами методы войны, инструменты войны и пр. могут быть исторически выведены из социал-экономической структуры (S. 43).

По Марксу, два важнейших этапа в развитии Руси составляют: 1. вторжение норманских завоевателей в X в. и 2. завоевание Руси монголо-татарами (1337 – 1340 гг.), разрушившими социально-экономические структуры империи Рюрика (просуществовавшей с 862 по 1169 гг.).

Политика Рюрика была политикой германских варваров, которые заполонили Европу. После того, как это нашествие схлынуло, началась история современных европейских народов, в том числе и русского (S. 43). Даже если военные вожди норманов хотели покоя, окружение побуждало их идти дальше, и местное население было вынуждено снабжать своих завоевателей всем необходимым для войны, чтобы только отправить их подальше. Тот факт, что их вожди постоянно стремились перенести столицу: Рюрик – в Новгород, Олег – в Киев и Святослав – в Болгарию, свидетельствует о том, что они рассматривали Россию как перевалочную базу, чтобы из неё нападать на Византию. И если мы бы говорили о славянском влиянии в эту эпоху, то надо было бы рассказывать о политике и традиции Новгорода, которая диаметрально противоположна традиции и политике современной России (т.е. России начала XX в.), как

В России эта работа Маркса публиковалась только в малом тираже в период перестройки: Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. / Пер. с англ. // Вопросы истории. 1989. №№ 1 – 4. Также см.: Die Briefe von Karl Marx und Friedrich Engels an Danielson. / Hrsg. von K. Mandelbaum. – Leipzig, 1929. Также эти письма Ф. Энгельса к Н. Даниельсону воспроизведены в электронном виде и выставлены в открытый доступ: URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/Marx_Engels_Correspondence.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

добавляет Д. Рязанов[47]. А после того, как норманы увязли в России, они умерили свой завоевательный пыл, и начался закат готической России. Несвязанная и незрелая империя на материальной базе зависевшего от дождей земледелия и скотоводства, которую оставил Рюрик, распалась и была опустошена междоусобными феодальными войнами, что открыло дорогу для монголо-татарских завоеваний (S. 44).

Маркс подчёркивает, что колыбель Москвы лежит не в героической дикости норманской эпохи, а в кровавой пене монгольского варварства, а современная Марксу Россия – не что иное, как преобразованная Московия. Завоеватели подчиняли завоеванных своему способу производства: они были кочевниками, а для выпаса скота требуются большие незаселённые пространства; поэтому и возникала «монгольская империя ужаса», в которой в качестве экономического принципа была «большая мясорубка». Массовые убийства вели к усилению изоляции России и к стагнации производства в деревне, что делало Россию похожей на азиатские страны. Но важно, что монголы не уничтожили институт княжения, а приспособили его к своим интересам сбора дани с покорённого населения. Это создавало своеобразную азиатскую форму соучастия местных князей в управлении (Mitbestimmung). Однако население при этом несло двойной гнёт эксплуатации[48] (S. 46).

Иван Калита и Иван 3-й являются знаковыми фигурами, определившими московскую политику. Иван Калита пытался заручиться поддержкой татарского хана путём клеветы на своих врагов. А Иван 3-й вместе с освобождением от монголо-татарского ига уничтожил старую русскую республику в Новгороде. Во времена ига любой русский был рабом хана, и эта «универсальное государственное рабство Востока» стало глубинным основанием деспотической власти московских царей[49] (S. 47).

Иван 3-й усовершенствовал традиционную политику московских князей, которую заповедал Иван Калита. Смысл этой политики, по Марксу, заключается в том, что Иван Калита как монгольский раб направлял силу своего главного врага, татар, против меньших врагов, т.е. русских князей[50]. Здесь лежит причина того, почему на русской почве не возник

[47] Rjasanov D. Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. S. 18 – 19.

[48] Ibidem. S. 19.

[49] Ibidem. S. 21.

[50] Ibidem. S. 22.

феодализм как политический строй, где царь – только первый среди равных. А Иван 3-й подражал по-обезьяньи в приглушённом тоне голосу своих бывших господ, перед которым трепетал в душе, т.е. закрепил новое рабство русского народа – уже перед собственным деспотом[51] (S. 49).

Дальше Маркс внезапно переходит к Петру Великому и видит в нём продолжателя той же тенденции, но в изменённой форме: он соединил политическую изворотливость монгольского раба с гордым стремлением монгольского хана к всемирному господству[52]. Обсудим полуазиатский характер московского самодержавия и его отношение к завоеванию всемирных рынков (S. 49).

В XVII в. начался подъём товарно-денежных отношений в России, который выразился в развитии торговли России с Европой через Архангельск. Московское правительство само вело торговые операции, так что царь, по выражению одного англичанина, был первым торговцем России. В таком случае в процессе капиталистического накопления стал доминировать государственный капитал. С помощью европейцев царизм стремился сохранить своё господство. Пётр 1-й был открывателем современной политики, которую он вёл монгольскими методами, так как её последними ориентирами было устранение любых препятствий безграничной власти[53] (S. 50).

Приобретение выхода к морю имело результатом присоединение России к мировому рынку, что закрепилось в перемещении столицы в Санкт-Петербург. Пётр 1-й тем самым сигнализировал, что он готов действовать на Восток и на своих непосредственных соседей при помощи Запада. России в международных отношениях морских держав отводилась особая роль: последние ради реализации своих захватнических планов нуждались в российском лесе как материале для строительства кораблей. Эта зависимость не существовала до тех пор, пока Россия не имела портов для вывоза леса. Следовательно, как Иван 3-й использовал Золотую Орду как инструмент для реализации своих планов, так и Пётр Великий – англичан[54] (S. 51).

Кто же выиграл от модернизации России? Она познакомилась с западной техникой и нравами и начала её перенимать или пересаживать в

[51] Ibidem. S. 21.
[52] Ibidem. S. 22.
[53] Ibidem. S. 23.
[54] Ibidem. S. 24.

Россию, *не будучи способной усвоить идеи*, на основе которых они и возникли[55]. Поэтому не произошло изменение сущности татарско-московского деспотизма, только происходили его метаморфозы. А сущность этого процесса – это стремление к завоеванию за счёт своего собственного народа. Хозяйственной основой империи оставалось крестьянское хозяйство, которое не только ничего не получило от технических нововведений, но наоборот получило усиление эксплуатации и было окончательно ввергнуто в отношения крепостничества. Крестьянство стало объектом двойной эксплуатации – со стороны государства и со стороны дворянства (S. 52).

Маркс не считает эти отношения крепостного права феодальными в европейском смысле. Нельзя назвать этот общественный порядок и азиатским вариантом феодализма – это имело бы место только в том случае, если азиатский промышленный капитализм смог бы образоваться на базисе собственного сельскохозяйственного уклада, что Маркс оспаривал в своё время. Следовательно, ретроспективный анализ азиатского феодализма с позиции исторически нереализовавшейся возможности появления собственного азиатского капитализма (который был будущим для азиатского феодализма, но эта нереализованная возможность осталась для Маркса в прошлом) даёт Марксу основания отказывать азиатскому феодализму в собственном самостоятельном статусе (S. 53).

Полемизируя с историком экономики Крамером[56], Дучке отмечает, что дворяне всё же не были феодальными господами в европейском смысле, живущими на основе ренты и обладавшими частной собственностью на землю. В контексте азиатского деспотизма дворяне *были обладателями земли на основе службы (Dienstbediener)*, слугами государства в системе осуществления господства (S. 54).

Дальше Маркс обращается к особенностям общинного устройства в России. Община обладает правом верховного собственника земли, который периодически определяет долю отдельных хозяйств. Однако она сама выступала объектом господства (S. 54). Согласно Крамеру, крепостные крестьяне были подчинены не только господству частных владельцев, но

[55] Ibidem. S. 25.

[56] Kramer, Fritz. Kollektivwirtschaftliche Ursprünge des Sozialismus in China und Russland. // Gesellschaftsstrukturen. / Hrsg. von Meschkat/Negt. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1973. S. 200 и далее. (Всего: 318 S.)

также и самого царя, и были организованы демократически-архаически[57]. Дучке предлагает видеть более глубокую диалектику во взаимоотношениях между государственной бюрократией и дворянами исходя из идеи о том, что поверхностная европеизация послужила углублению азиатского господства и дальнейшему слому традиций народной свободы в рамках общины. В рамках этих отношений было затруднено образование национальной буржуазии из крестьянской общинной среды. Даже после 1762 г. – Жалованной грамоты дворянству, когда обладание землёй перестало иметь условием служение государству, помещики всё равно должны были собирать налоги для царской машины. Это была модификация в малом, чтобы оставить нетронутым отношения в большом (S. 55).

Однако двойная эксплуатация крестьян имела другую сторону: она была следствием включения России в мировые рыночные взаимосвязи. В связи с этим образовался азиатский феодализм и специфический азиатский капитализм. Правда, русская буржуазия, считает Дучке, вышла уже из среды прогрессивных (для того времени) дворянства, государственной бюрократии, а также купечества. В этом месте Дучке считает, что он начинает противоречить Марксу и Энгельсу, которые представляли феодализм и капитализм только продуктами западноевропейских отношений. Но мы увидим, что как раз указание на особый род капитализма позволит продолжить дебаты о полуазиатской истории России (S. 55 – 56).

После поражения в Крымской войне в России были проведены реформы, отменившие крепостное право и изменившие систему правления. Смыслом отмены крепостного права является, по Марксу, усиление власти большого русского автократа за счёт снятия ограничений, которые ему доставляли мелкие властители на основе крепостного права, а также за счёт постепенного разложения материальной основы самоуправляющихся крестьянских общин – общей собственности. Это Маркс предсказал ещё в 1860 г., за год до отмены крепостного права, в статье, направленной против немецких вульгарных материалистов и агентов на французской службе[58].

[57] Kramer, Fritz. Über den Sozialismus in China und Russland und die Marxsche Theorie der Geschichte. // Rotes Forum. Heft 3. S. 19.

[58] Маркс К. Господин Фогт. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. – Т. 14: работы, написанные в июле 1857 – ноябре 1860 гг. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1959. С. 509 – 510. (Вся работа: С. 395 – 691).

В ходе крестьянской реформы крестьяне должны были заплатить государству за свою свободу, а оно отдавало полученные деньги помещикам, то есть освобождение означало увеличение эксплуатации. Однако также это усиливало восточные, азиатские тенденции в государственном устройстве России, так как та часть ренты, которая до реформы уходила в руки помещиков (что было проявлением какой-никакой, но децентрализации), теперь концентрировалась в руках государства, а оно могло тратить её на агрессивную внешнюю политику (S. 57).

В письме Даниельсону Маркс писал, что освобождение крестьян не упразднило добуржуазные отношения зависимости, а приспособило их к производству товаров и движению денег[59]. Следовательно, благодаря общественной метаморфозе 1861 г. произошёл переход к азиатскому капитализму.

При этом не произошло развитие производительных сил в западноевропейском смысле, но начался процесс разложения базиса докапиталистических обществ – крестьянской общины, что типично для стран, где капитализм утверждается под влиянием извне, а не в результате внутренних процессов развития. Крестьяне теперь стали слугами старых господ и в изменённой форме – формирующегося полуазиатского капитализма (S. 58).

Однако важная метаморфоза состояла в том, что крестьяне теперь могли продавать свою рабочую силу. Как писал Маркс в письме Ф. Зорге от 27.09.1877 г., русское государство, стремясь сохранить своё господство в новых условиях, способствует разложению сельскохозяйственного уклада и тем самым готовит себе конец. Однако Россия упустила возможность миновать капиталистическую стадию развития, которая иногда предоставляется народам[60]. А в письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс указал, что Россия вступила на путь капитализма, но нельзя исключать возможность революционного переворота[61].

[59] Die Briefe von Karl Marx und Friedrich Engels an Danielson. / Hrsg. von K. Mandelbaum. Leipzig, 1929. S. VIII.

[60] Маркс К. Письмо Ф. Зорге в Хобокен 27.09.1877 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. – Т. 34: письма К. Маркса и Ф. Энгельса за 1875 – 1880 гг. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1964. С. 229 – 230. (Вся работа: С. 227 – 230).

[61] Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. – Т. 19: работы, написанные с марта 1875 по май 1883 года. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 119 – 120. (Вся работа: С. 116 – 121).

Для того, чтобы понять социальный строй послереволюционной России, надо понять природу кризиса, который привёл у нас в 1917 г. к смене власти. Здесь Дучке опять опирается на Маркса, который писал, что Европа видела резкий рост экспорта зерна из России после реформы 1861 г., но не видела того, что достигался он ценой периодически повторявшегося голода. Иными словами, посредством скороспелой индустриализации аграрная страна начала разрушаться, не совершив переход к капиталистической продуктивности. Население испытывало двойную эксплуатацию: со стороны своей государственной бюрократии и со стороны мирового рынка[62]. Пореформенная Россия напоминала времена Людовика XIV во Франции, когда финансовая и коммерческая надстройка была возведена на стагнирующем материальном основании сельскохозяйственного общества[63] (S. 68). Уже Энгельс в предисловии к 3-му изданию «Капитала» в 1894 г. поясняет, почему капиталистическое развитие не затрагивало социально-экономические основы: крестьяне были вынуждены продавать хлеб на внутреннем рынке, чтобы оплатить налоги, которые с них взимало деспотическое государство[64] (S. 70). Маркс приходит к выводу о том, что крупная промышленность должна разрушить мелкую крестьянскую индустрию, которая выступает одной из основ выживания крестьянства, то есть этот класс какое-то историческое время будет оставаться маргинальным, что ещё дальше затруднит развитие внутреннего рынка и сделает капитализм ориентированным исключительно на внешний рынок, т.е. укладом, чуждым для российского общества (S. 71).

Таким образом, согласно Марксу и Энгельсу, многие черты азиатского способа производства свойственны России: стремление монарха к безграничной власти, отсутствие серьёзной оппозиции в лице гражданского общества (состоящего из прогрессивно ориентированных буржуазии и интеллигенции), эксплуатация крестьянского хозяйства в рамках крестьянской общины с использованием механизмов круговой поруки представителями государства (т.е. помещиками или напрямую чинов-

[62] Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 434. (Всего: С. 422 – 441).

[63] Маркс К. Письмо Н.Ф. Даниельсону в Петербург 10.04.1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 292. (Всего: С. 287 – 293).

[64] Энгельс Ф. Предисловие к III-му тому «Капитала» от 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. – Т. 25. Часть 1: «Капитал», т. 3 и работы Ф. Энгельса, с ним связанные. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 10 (Вся работа: С. 3 – 26).

никами). Эти черты вели к стагнации в хозяйственной жизни и в общественном устройстве. Вместе с тем включение России в мировой рынок, произошедшее после Петра Великого, позволило сформироваться национальной буржуазии, состоящей из дворянства, представителей государственной бюрократии и купечества. И хотя она и играла подчинённую роль, тем не менее Россия благодаря этим процессам не стала колонией западных стран и потому предложила свой вариант полуазиатского капитализма, нетождественного чисто азиатскому, как в Индии.

Ленин об особенностях развития российского капитализма: сила и слабость анализа.

К анализу российского капитализма Дучке приступает, опираясь уже на работы Ленина и переосмысляя их посредством критики[65]. *В целом разделяя марксово положение о безграничном росте производительных сил, который должен совершить капитализм, Ленин понимает его односторонне, акцентируя технические нововведения и не учитывая, что за ними стоит изменение самого человека, культуры и мировоззрения, чтобы общество смогло правильно применять технику*[66]. А это изменение, как

[65] См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России. // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. – Т. 3: работа «Развитие капитализма в России» (1899). – М.: Политиздат, 1971. С. 1 – 609.

[66] См. напр. в этих словах (для удобства цитирования даются в скобках страницы по книге «Развитие капитализма в России»): «Прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его» (С. 597). Характеризуя обобществление, Ленин в частности пишет: «По сравнению с трудом зависимого или кабального крестьянина, труд вольнонаемного рабочего представляет из себя во всех областях народного хозяйства явление прогрессивное… Капиталистическое общество увеличивает потребность населения в союзе, в объединении и придает этим объединениям особый характер, сравнительно с объединениями прежних времен. Разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества, создавая ожесточенную конкуренцию, капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и даёт громадный толчок объединению внутри каждой такой группы... Все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения. Скачкообразный характер экономического развития, быстрое преобразование способов производства и громадная концентрация его, отпадение всяческих форм личной зависимости и патриархальности в отношениях, подвижность населения, влияние крупных индустриальных центров и т.д. – всё это не может не вести к глубокому

считает Дучке (воспринимая себя как продолжателя К. Маркса), возможно только на основе полноценного развития гражданского общества, в котором как раз и возникает благоприятная социальная среда для развития капиталистических отношений (S. 74 – 75). Этот подход Ленин невольно разделяет с государственной бюрократией как господствующим классом России, которая стремилась (и стремится до сих пор, добавим мы) заимствовать западную технику и управленческие технологии без понимания того, что для их эффективного развития нужна совершенно особая социальная среда, которую невозможно перенести или искусственно создать.

Также в этой связи Ленин не учитывает настойчивого сопротивления азиатских форм производства и социальной жизни развитию крупной индустрии, о чём предупреждал Маркс своих русских адресатов[67]. Следовательно, для Ленина оказался непонятным комплексный подход Маркса, который связывал историческое развитие капитализма с эволюцией граж-

изменению самого характера производителей…» (С. 600 – 601). Конечно, эти слова по видимости противоречат характеристикам Дучке, но всё же речь идёт о том, что изменения в «духовном облике населения» России под влиянием капитализма надо было разъяснить именно под аспектом становления гражданского общества, а не просто под аспектом распада локальных объединений, как явствует из приведённой цитаты. Заметим также, что в качестве примера становления капиталистических отношений в России Ленин приводит разрушение архаичных отношений покрута, существовавших в рыболовной отрасли Мурманского берега. Отсюда видно, что и тогда, в конце XIX в. – времени написания данной работы Ленина, мурманский край занимал видное место в России.

[67] Здесь в качестве комментария можно заметить, что Дучке выходит на проблему неоднозначных последствий способов применения западных технологий в России. Эти последствия простираются от 1. изощрённых способов сопротивления этим технологиям в случае, если трудящиеся воспримут их как угрозу для своего положения – вплоть до организации необычных поломок или косвенных способов их применения, прямо противоречащих их сути («прикинуться ветошью и не отсвечивать», как говорил М. Задорнов), до 2. оригинальных способов их усовершенствования, приводящих к техническим и организационным открытиям, которым так богата история России в период, когда наше общество было на подъёме, да и сейчас можно сослаться на так называемые «закрывающие технологии», упоминаемые М. Делягиным, дальнейшая разработка и внедрение которых может вывести Россию в мировые лидеры. О последних см.: Делягин М. «Закрывающие технологии» – золотой ключик к будущему. // Завтра.ру: Авторские блоги. Блог М. Делягина. URL: https://zavtra.ru/blogs/zakrivayushie_tehnologii_-_zolotoj_klyuchik_k_budushemu (дата обращения: 04.07.2023).

данского общества, которое и должно закладывать основы для изменения мировоззрения. В этом Дучке видит не вину, а беду Ленина, так как в русской действительности ко временам написания его работ ещё не существовало гражданского общества в западноевропейском смысле. Именно тут Дучке видит корень ещё одной ошибки Ленина, которая состоит в неспособности развернуть широкую дискуссию между партией большевиков и трудящимися массами после прихода к власти – а отсутствие институтов этой дискуссии привело к тому, что диктатура пролетариата стала вырождаться в диктатуру коммунистической бюрократии (S. 77) (об этом будет говориться в разделе 6, посвящённом причинам поражения Советов).

Также Дучке акцентирует, что в работе «Развитие капитализма в России» Ленин не чётко различал полуазиатский вариант развития капитализма и европейский. Его представление о развитии капиталистических отношений в России было европеизированным. Ленин некритически рассматривал все переходные формы как капиталистические, в том числе и ростовщический капитал, который подрывал жизненные силы российской общины, но не переходил в производственный. Ему надо было понять, что схема развития капитала во 2-м томе Маркса[68] должна быть наполнена конкретным содержанием применительно к России. И опять-таки отсутствие гражданского общества в форме «азиатского презрения к личности» (Маркс) с самого начала ограничивала развитие рабочего класса и движение самого капитала. Ленин надеялся на быструю победу капиталистических отношений как в городе, так и в деревне над докапиталистическим способом производства и азиатским государственным устройством, чтобы пролетариат смог осуществлять свою историческую миссию. Однако его надежда на развитие социализма в России была основана на идее, но не вытекала из социально-экономической действительности (S. 83).

Отсюда также вытекало разделение между теорией и практикой и недостаточное понимание взаимосвязи между объективным устройством общества и его осознанием в теории. Ленин извне, по сути дела – с моральных позиций подходит к анализу положения пролетариата и требует внесения в него революционного сознания, а надо было выводить многообразие форм

[68] Маркс К. Капитал. Книга вторая. Процесс обращения капитала. Отдел первый. Метаморфозы капитала и их кругооборот (денежного, производительного и товарного). С. 31 – 171. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. на русск. яз. – Т. 24: «Капитал», т. 2. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 31 – 604.

его сознания из объективных социально-экономических отношений, ибо сознание представляет собой «осознанное бытие» (S. 84). Поэтому Ленину не удалось понять, почему сами принципы устройства партии и даже сама личность революционеров является продуктом особых социально-экономических отношений «полуазиатского капитализма» (S. 85). Вместо того, чтобы в центр анализа поставить полуазиатский капитализм с его тенденциями к стагнации, Ленин исходил из гипотезы о быстром грядущем утверждении западноевропейского капитализма в России, что ещё требовала проверки на практике. Приняв гипотезу за факт, он неизбежно впал в противоречие: между научными принципами и эмпирическим комплексами, которые они должны были упорядочивать, существовал иррациональный момент, который нельзя было опосредовать партийностью (S. 86).

Согласно Дучке, ошибки в теории не могут исключать продуктивных политических действий, и в этом выражается необыкновенная гибкость ленинской политики. В целом в книге Дучке Ленин предстаёт гениальным тактиком, способным к творческому осмыслению практических реалий политической борьбы, а также гибким аналитиком, способным прекрасно постигать социальные процессы в России с позиции того, как пролетарским политикам можно воспользоваться ими ради реализации революционных целей[69]. Характеризуя работы Ленина в первое десятилетие XX в., Дучке констатирует: Ленин хорошо понимал, что господствующим классом в России является государственная бюрократия, а не буржуазия. Особенно чётко видно это в деятельности губернаторов как подлинных сатрапов, от благосклонности которых зависит любой институт, в том числе и буржуазный (S. 87). Здесь Ленин близок Энгельсу, который отмечает, что в азиатских странах не существует свободы личности коммерсанта, а полученная им прибавочная стоимость в любое время может быть присвоена местными или центральными правителями[70].

[69] Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Т. 11: работы с июля по октябрь 1905 г. – М.: Издательство политической литературы, 1960. С. 1–131; Ленин В.И. Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 26: работы с июля 1914 по июль 1915 г. – М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 13 – 25.

[70] Engels F. Die auswärtige Politik des russischen Zarentums. // Die Neue Zeit, 1890. S. 183.

Однако Ленин применял марксизм к России слишком непосредственно, без проведения анализа специфики «полуазиатского» российского капитализма. Этот недостаток и стремится исправить сам Дучке, в чём и заключается смысл заглавия его книги – «Попытка поставить Ленина на ноги» (S. 91 – 92).

4. К сути большевистской партии и её коренным недостаткам

Теперь рассмотрим проблему устройства революционной большевистской партии. Согласно Ленину, организационный принцип партии – это демократический централизм, который объясним в условиях угнетения общества со стороны царской бюрократии, отсутствия возможностей для легальной деятельности по защите прав рабочих, что обуславливает примат нелегальной работы. На самом деле он есть организационное выражение российской социально-экономической структуры, что Дучке и стремится показать (S. 102).

В пластическом образе оркестра, который использует Ленин, вся руководящая работа партии сосредоточена в центре, а каждый должен играть только на одном инструменте и сам выступает в роли своего инструмента[71]. Это соответствует характеру накопления капитала в России, который не подразумевает децентрализацию, поскольку последняя возникает только в результате развития разделения труда, а оно в России затруднено (S. 103). В другом месте Ленин считает партию закрытым сообществом профессиональных революционеров, превосходящих полицию в конспиративной работе и обладающих организационной культурой не хуже, чем у царской бюрократии[72]. В этом видно, что партия революционеров согласно своему принципу организации близка своему врагу – царизму. Важным различием является то, что царский аппарат

[71] «Чтобы центр мог не только советовать, убеждать, спорить (как делалось до сих пор), а действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведёт, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (когда музыка начинает ухо драть), и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т.п.» Цит. по: Ленин В.И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 7: работы, написанные в сентябре 1902 – сентябре 1903 гг. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 22. (Вся работа: С. 1 – 32.)

[72] Ленин В.И. Там же. С. 9 – 11.

господствовал во всех областях российского общества, в то время как революционеры ограничивались промышленными районами. Это объясняется опять-таки особенностями российского капитализма: ещё не развился в масштабах всего общества товарный обмен, ибо крестьянство обладало ограниченной покупательной способностью; следовательно, капиталистический уклад в европейском смысле развивался только в крупных городах; но и большевики вследствие этого не могли иметь полноценных связей с деревней и потому воспринимали крестьянский общественный уклад как отсталый, полуфеодальный, азиатский, имели мало представления о народной крестьянской хозяйственной культуре и уж тем более – культуре вообще, а на этой почве также считали её чем-то вроде варварской (S. 104).

Ленин при создании партии большевиков придавал главную роль социалистически ориентированной интеллигенции как носителю социалистического сознания, призванную к тому, чтобы вносить это сознание в массы[73]. Однако он при этом должен был провести серьёзный анализ

[73] Далее будут приведены несколько принципиальных цитат из работы В.И. Ленина «Что делать?», которые будут подкреплять это положение. Цит. по: Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 6: Работа «Что делать?» (1902) и произведения, написанные в январе – августе 1902 г. – М.: Издательство политической литературы, 1963. С. 1 – 192. Страницы для удобства восприятия будут приводиться в скобках после окончания цитаты. «В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...» (С. 27). «Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией» (С. 30). «Классовое политическое сознание

социально-экономического положения этого сообщества, а также исследовать проблему отношения этой интеллигенции к рабочему классу и проблему её поведения в политической борьбе, чтобы на этой основе найти конкретные формы солидарности между интеллигенцией и рабочим классом. Именно в этом Дучке видит истоки проблемы обособления партийного аппарата от рядовых членов партии и от пролетарского класса в целом (не говоря уже о крестьянах), которая встала в полный рост после завоевания большевиками власти. А на самом деле, если проводить анализ данной проблемы в русле политэкономического подхода Маркса до конца, то мы должны будем прийти к анализу диалектики умственного труда и физического, а также диалектики управленческой и исполнительской деятельности. Ни Ленин, ни его соратники не ставили вопрос именно так, когда они размышляли об организационных принципах большевистской партии (S. 106 – 107).

Что же вообще было нового в ленинской «партии нового типа», спрашивает Дучке? Глубина и решительность революционной борьбы (дисциплина, техника, централизация) против «азиатского государственного строя». Однако в своих разработках партии нового типа Ленин акцентировал организационные аспекты, вместо того чтобы развить демократическую сторону принципа демократического централизма. Это позволило бы так организовать партийную жизнь, чтобы в ней предвосхищалась бы социалистическая альтернатива. Она заключается, по мнению Дучке, в новых формах общественного развития (Verkehr), менявших сам характер труда, а также в новых формах коммуникации между партией и рабочим классом, между ним – и остальными трудящимися классами и всем народом. Ленин не анализирует диалектику партии и массовой деятельности, согласно которой класс подвергает контролю деятельность

может быть принесено рабочему только извне, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами. Поэтому на вопрос: “Что делать, чтобы принести рабочим политическое знание?” – нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к “экономизму”, именно – ответ: “Идти к рабочим”. Чтобы принести рабочим политическое знание, социал-демократы должны идти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии» (С. 79).

партии – если рассматривать аспект коммуникации; а что касается анализа характера труда, то он фактически брал за образец ту дисциплину, которая господствовала на крупных индустриальных предприятиях в начале XX в. и определялась тогдашней технологией самого производства, и строил партийную работу, опираясь на эти принципы. В результате, борясь с «экономистами» (акцентировавшими стихийность борьбы рабочих за свои права), Ленин попадает к «техницистам» (S. 106).

Также демократическая сторона демократического централизма не смогла развиться и потому, что народная деревенская культура не сделалась базисом партийной жизни, ведь большевики действовали в городах, в среде индустриальных рабочих, и не могли установить надёжной связи с крестьянами, ибо сам характер азиатского капитализма затруднял надёжные связи между городом и деревней (S. 126 – 127).

В этом месте Дучке привлекает мысли ещё одного яркого лидера «новых левых» в ФРГ Ганса Юргена Краля, которого сам Дучке считал «умнейшим из всех нас» (имея в виду движение Новых левых)[74]. Г.Й. Краль

[74] Ганс Юрген Краль (1943 – 1970) родился в семье мелкого предпринимателя в Нижней Саксонии, в детстве потерял глаз при бомбёжке и ходил всю жизнь с глазом искусственным. Интересно, что Краль пришёл в движение Новых левых из кругов правых молодёжных организаций, граничащих даже с неофашистами, переругавшись с их руководством. Далее Краль переехал во Франкфурт-на-Майне и стал учиться у Т. Адорно. Он в 24 года написал труд, переосмыслявший «Феноменологию духа» Г. Гегеля с материалистических позиций: Krahl H-J. Erfahrung des Bewusstseins: Kommentare zu Hegels Einleitung der Phänomenologie des Geistes und Exkurse zur materialistischen Erkenntnistheorie. – Frankfurt am Main: Materialist-Verlag, 1979. 146 S. Параллельно он написал и успешно защитил под руководством Т. Адорно диссертацию на соискание учёной степени доктора философии (т.е. кандидатскую диссертацию в российских реалиях) на тему «Естественные законы развития капитализма, согласно Марксу» (работа не была доработана до монографии, согласно данным автора главы – трагические причины этого будут описаны ниже). Он стал вторым любимым учеником Т. Адорно после Ю. Хабермаса (последний на тот момент переехал (из-за произвола М. Хоркхаймера) сначала в Марбург к В. Абендроту, а затем в Гейдельберг к Г.-Г. Гадамеру). Адорно восхищался и памятью, и начитанностью, и глубиной своего молодого соратника. Однако в ходе подъёма движения Новых левых Краль стал одним из организаторов захвата («оккупации») Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне в январе 1969 г. с целью коренного изменения его исследовательской деятельности (альтернативную программу которой он также подготовил). Затем Краль вызвал на публичные дебаты самого Адорно и получил в ответ: «Вы без

видел две опасности техницистской редукции революционной практики в ленинской концепции партии: опасность переноса фабричной дисциплины в организованную классовую борьбу и опасность переноса рево-

царя в голове» (дословно: «У Вас волки в голове»). Именно тогда Т. Адорно был вынужден вызвать полицейских с целью освобождения здания. Начался процесс против «оккупантов». Краль хотел устроить публичные дебаты с учителем в стиле афинской агоры, но Адорно был в крайне угнетённом состоянии. Эти события, за которыми стоял по сути дела глубокий конфликт Т. Адорно со своим вторым лучшим учеником (Хабермаса в начале 1960-х гг. Адорно также потерял уже по воле своего друга М. Хоркхаймера, хотя, вероятно, последнему подсказали уволить Хабермаса из Франкфуртской школы правящие круги ФРГ за его радикальные штудии, посвящённые теме коммуникативной общественности, хотя штудии увенчались книгой «Структурные изменения общественности» (1963) – одной из главных работ по политической философии XX в.) привели к душевной драме самого Адорно, послужившей важной причиной его преждевременной смерти через полгода от сердечного приступа в горах Швейцарии, куда он уехал со своей женой после того, как в ответ на подъём движения Новых левых власти Франкфурта-на-Майне досрочно (гораздо ранее конца учебного года – в Германии он продолжается до середины июля) распустили студентов по домам в мае 1969 г. Правда, самому Кралю в сентябре 1969 г. потрепали нервы франкфуртские феминистки в ходе их конференции, на который он как лидер Новых левых был приглашён (одна из них кидала в него помидорами, которые ей как беременной женщине организаторы разрешили взять с собой; есть свидетельства, что Краль проплакал потом всю ночь). В октябре 1969 г. состоялся суд над Новыми левыми Франкфурта, на котором Краль был сначала осуждён, а затем помилован по своему ходатайству. Но этот парадокс получил разрешение в форме трагической исторической загадки. В феврале 1970 г., через год и месяц после «оккупации», последовала загадочная автокатастрофа, в которой он разбился, врезавшись во встречный грузовик зимой на обледенелом автобане к северу от Марбурга (Краль сидел на переднем сиденье пассажиром, водитель также погиб по пути в больницу). Тем не менее в Германии существует фонд, занимающийся публикацией работ Г. Краля: Hans-Jürgen-Krahl-Institut. URL: http://www.hjki.de/ (дата обращения: 14.07.2023). Издание его писем финансирует Фонд Розы Люксембург. См. также: Gerd Könen. Der transzendental Obdachlose – Hans-Jürgen Krahl. // Zeitschrift für Ideengeschichte, Heft II/3. Herbst 2008. URL: https://gerd-koenen.eu/media/filer_public/c8/9e/c89ebc6b-cef5-4a4c-9f88-9af38c4fc832/der_transzendentale_obdachlose-krahl.pdf (дата обращения: 14.07.2023). Данные о жизни и деятельности Краля взяты из приведённого текста, а также из устных рассказов знатоков истории Франкфуртской школы во время стажировок автора главы. В России об этом учёном и втором лидере Новых левых после Р. Дучке вообще ничего не известно, поэтому в данной статье уместно сделать хотя бы короткую ссылку на его мысли.

люционных принципов в политическую борьбу, которая контролируется фактическим регулятивом принципа реалистичности (в смысле того, что «политика есть искусство возможного»)[75]. С этими обеими проблемами столкнулись западноевропейские коммунисты, когда они перенимали ленинскую концепцию партии в рамках Коминтерна (S. 104–105). (О необходимости новой модели международного рабочего движения, альтернативной Коминтерну, Дучке пишет в конце своей книги – эта тема и будет рассмотрена в конце нашей главы.)

Ленину надо было переосмыслить теорию пролетарской революции в том смысле, чтобы именно сельскохозяйственный пролетариат сделать опорой революционной деятельности в деревне. Также большевикам надо было постигнуть народную общинную социокультурную традицию, чтобы развить такие формы союза между рабочими и крестьянами, которые позволили бы трудящимся массам контролировать партийный и государственный аппарат и донести до него свои подлинные стремления (вместо того, чтобы восприниматься этим аппаратом в качестве «ведомых» и недостаточно сознательных) (S. 175). Вот на какие проблемы в ленинской теории революции Дучке выходит, анализируя демократический централизм как организационный принцип партии большевиков.

5. Критика ленинской теории империализма на основе достижений немецкой левой социально-философской мысли XX в.

Теперь, после анализа внутрироссийских вопросов (связанных с устройством российского капиталистического общества и большевистской партии), перейдём к рассмотрению Дучке ленинской теории империализма как вкладе Ленина в мировую социально-философскую науку. Из этой теории вытекала подтвердившаяся на практике ленинская идея о возможности антикапиталистической революции в России как слабом звене мирового капитализма. Успех русской революции требовал подкрепления мировой революцией, а для её подготовки был создан Коминтерн,

[75] Krahl H.-J. Kritische Theorie und Praxis // Krahl H.-J. Konstitution und Klassenkampf. – Frankfurt am Main: Neue Kritik, 1971. S. 298 – 299. (Вся работа: S. 295–303). (Вся книга: 444 S.). URL: https://cominsitu.files.wordpress.com/2021/02/hans-jucc88rgen-krahl-konstitution-und-klassenkampf_-zur-historischen-dialektik-von-bucc88rgerlicher-emanzipation-und-proletarischer-revolution.-schriften-und-reden-1955-1970-neue-kritik.pdf (дата обращения: 05.07.2023 г.)

принципы деятельности которого также были разработаны Лениным, так что ленинская теория империализма и Коминтерна также находятся в тесной связке. Дучке предлагает некоторые идеи для альтернативной теории империализма применительно к Европе (особенно – к Германии), а также указывает на недостатки ленинской теории, развивает в этой связи идею о стагнирующем полуазиатском капитализме и показывает, что именно социально-экономические реалии российского капитализма и выражаются в ленинской теории империализма.

Смыслом последней, согласно Дучке, было обоснование возможности перехода к социализму в России как слабом звене мирового империализма. Однако в ней опять-таки происходит пренебрежение российской действительностью, так как отсутствует анализ азиатского государственного капитализма, стоящего за милитаризмом. Наоборот, Ленин был уверен в доминировании капиталистических отношений в России к 1914 г. на основе того, что у нас в стране сложились все признаки, характеризующие империализм – развитие международного капитала, картели, тресты и т.п.[76] (S. 133).

Однако если бы Ленин провёл анализ азиатского капитализма, то он увидел бы совсем другие процессы, стоящие за распространением данных феноменов, а именно – превращение полуазиатского капитализма в

[76] «Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». Цит. по: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 27: работы с августа 1915 по июнь 1916 года. – М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 386 – 387. (Вся работа: С. 299 – 426.)

государственный, следовательно – стагнирующий и могущий стать социалистическим (S. 134). Последнюю возможность Ленин, конечно, угадал верно. Однако, как считает Дучке, проблему стагнации и возможного упадка капитализма (что империализм есть капитализм «загнивающий и умирающий») Ленин выводил именно из российской действительности. Западноевропейский же капитализм развивается на основе своеобразной динамики капиталов, которая никогда не могла возникнуть в российских условиях.

Именно в этой связи Дучке предложил некоторые идеи к альтернативному социально-философскому анализу западноевропейского капитализма накануне и сразу же после Первой мировой войны, на основе которого он объясняет, почему тогда оказалось невозможным крушение этого общественного строя. К этому анализу мы перейдём ниже.

Что же касается революции в России, то для большевиков не было сомнения в том, что она может быть только буржуазно-демократической, с возможностью перехода к социалистической только в случае поддержки со стороны западноевропейского пролетариата, на основе его классовой борьбы (S. 134). Ленин в дискуссиях с Троцким высказал мысль о том, что империалистическая мировая война связала революционный кризис в нашей стране с растущей пролетарской революцией на Западе[77]. Социалистический интернационалист Ленин видел русскую революцию в качестве социалистической только в том случае, если буржуазно-демократическая её часть закончится свержением царизма, и только благодаря поддержке пролетарской революции в Западной Европе произойдёт переход к полноценной социалистической революции в России (хотя партия пролетариата после Февральской революции 1917 г. должна была стремиться захватить власть в стране самостоятельно)[78]. Именно так, по Дуч-

[77] Lenin W.I., Zinivowyev G.Yev. Gegen den Strom: Aufsätze aus den Jahren 1914–1916. – Petrograd – Hamburg: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1921. S. 267. (Всего: 536 S.) URL: https://archive.org/stream/gegendenstromauf00zino/gegendenstromauf00zino_djvu.txt (дата обращения: 05.07.2023 г.)

[78] «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Цит. по: Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции («Апрельские тезисы»). // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической

ке, надо в полной мере понимать революционные следствия ленинской теории империализма, а не только в смысле обоснования им возможности революции в России как слабом звене мирового капитала (S. 137).

Теперь о сути разногласий Дучке и Ленина по проблеме империализма. По мнению немецкого левого учёного, Ленин нечётко различает между различными типами капитализма – западноевропейским, который определяет мировой рынок, и азиатским стагнационного типа. Хотя он различает современные европейские державы вместе с США и отсталые типа России и Японии, критерии их различия у него – не социально-экономические, а политико-милитаристские. По этому поводу Дучке ссылается на Х. Нойзюса. Тот пишет, что, согласно Марксу, причина борьбы капиталистов друг с другом лежит в динамике реализации капитала: на стадии роста класс капиталистов совместно делит полученную прибыль, а на стадии кризиса члены этого класса начинают враждовать друг с другом, яростно борясь за уменьшающуюся прибыль и за самосохранение (спасения от поглощения конкурентами). Именно на стадии кризиса совершается процесс концентрации капитала и разорения части капиталистов, что обуславливает переход к насилию и имеет другой стороной рост самосознания рабочего класса[79].

Таков подход Нойзюса и заимствующего его Дучке. Однако Ленин выводит причины перехода к военному насилию не из этих процессов, а из общественной формы монополии, сплетающейся с национальными государствами, что ведёт к борьбе последних друг с другом на фронтах Первой мировой войны. Следовательно, вопрос о политико-общественных формах конкурентной борьбы национальных капиталов у Ленина оказывается отделённым от вопроса о динамике реализации капитала и от исследования трудностей этой реализации, ведущих к кризисам[80]. Ленинский подход понятен на основе отождествления всего возможного капитализма с полуазиатским капитализмом русского типа, в котором не может развиться конкуренция и очевидно монопольное положение цар-

литературы, 1969. Т. 31: работы марта – апреля 1917 г. С. 114 – 156. (Вся работа: С. 113 – 118.) См. также: Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. С. 154 – 156. (Вся работа: С. 149 – 186.)

[79] Neusüss C. Imperialismus und Weltmarktbewegung des Kapitals. – Erlangen: Politladen-Verlag, 1972. S. 52. (Всего: 254 S.)

[80] Ibidem. S. 31.

ской государственной машины в обществе. Ленин, по Дучке, не сумел перешагнуть через особый характер русских социально-экономических отношений, в которых доминирует стагнация, а структурные взаимосвязи западноевропейских кризисов не являются определяющими (S. 140).

Какой же может быть теория империализма и вытекающая отсюда – кризиса капитализма, предшествовавшего Первой мировой войне, более адекватная происходившим в то время процессам, намеченная Дучке хотя бы в общих контурах?

Ленинское понимание возникло путём анализа русского переворота, т.е. на основе его теории революции, которую мы уже затрагивали. Теперь рассмотрим то, что в его анализе мировой войны не играло большой роли: *движение капиталов в его циклическом характере*.

Дучке применяет к анализу этого кризиса Марксовы категории политэкономии, с помощью которых он анализировал современное буржуазное общество (S. 200).

Дучке согласен с Лениным, что монополистический капитализм есть новая историческая форма капитализма. Надо помнить, что смена исторической формы не ведёт к упразднению сущности капиталистического способа производства. Образование же капиталистических монополий является результатом открытия капиталистами новых способов получения прибыли, что субъективно проявляется как стремление монополистов получить прибыль больше остальных (хотя постигнутый Марксом и изложенный в 3-м томе «Капитала» закон усреднения нормы прибыли капиталистов, а также тесно связанная с ним тенденция к понижению этой нормы прибыли продолжают действовать[81]). То есть монополия – это форма проявления конкуренции и необъяснима без конкуренции (S. 201). Ключевым вопросом, согласно Дучке, является следующий: как осуществляется капиталистический закон стоимости, как конкретно происходит процесс реализации (Verwertung) капитала – на национальном уровне, но

[81] См.: Маркс К. Капитал. Т. 3. Отдел второй. Превращение прибыли в среднюю прибыль: С. 154 – 230. Отдел третий. Закон тенденции нормы прибыли к понижению: С. 231 – 292. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. на русск. яз. – Т. 25, часть 1: «Капитал», т. 3. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. (Вся работа: С. 26 – 505.) 3-й том «Капитала», как известно, был доработан Ф. Энгельсом после смерти К. Маркса на основе тех материалов, которые успел разработать сам К. Маркс, и выпущен в 1894 г., за год до смерти самого Ф. Энгельса.

в тесной связи с международным уровнем? Мировая война в результате такой постановки вопроса получит кажущийся общий исходный пункт, заключающийся в трудностях реализации капитала как в Европе, так и в России, несмотря на принципиальную разницу в устройстве капитализма (S. 201).

Общей для России и Европы была агрессия вовне и вовнутрь. Фундаментальные же отличия – устройство способа производства и способы решения кризиса. Проблемы в преумножении капитала в Европе имели принципиально иное основание, чем в России. У нас это было доминирование тенденции стагнации в развитии капитализма. В Европе же – *динамика развития* и возникающая в результате этого тенденция к перенакоплению капитала – специфические трудности в реализации капитала: «Прибавочной стоимости недостаточно для продолжения накопления»[82]. Ленин же не анализировал падение прибыльности капитала и развитие производительных сил в Европе, тем более в динамике взаимоотношений этих обоих процессов.

Развитие производительных сил в Европе накануне Первой мировой войны исследовал В.С. Войтынский[83]. Он показал, что для того времени

[82] Цит. по: Grossmann H. Die Akkumulations- und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems. – Leipzig: Hirschenfield-Verlag, 1929. – S. 178. (Всего: 628 S.) Генрих Гроссман был ведущим политэкономом на этапе образования Франкфуртской школы, в 20-х гг. XX в. – молодые Э. Фромм, Г. Маркузе, Т. Адорно и М. Хоркхаймер считали его своим учителем и во многом воспринимали экономическую теорию марксизма на основе его трудов и лекций.

[83] В.С. Войтынский (1885 – 1960) – активный деятель российской социал-демократии, долгое время – соратник Ленина, мастер нелегальной работы, политзаключённый в Сибири в 1914 – 16 гг. (в иркутской ссылке его переманил на свою сторону известный меньшевик И. Церетели). Во время революции 1917 г. он не согласился с «Апрельскими тезисами» вождя и стал одним из лидеров меньшевиков, успев даже войти в руководство Грузией во время правления меньшевиков в ходе Гражданской войны. После эмиграции в Германию в 1920 г. он стал видным немецким социал-демократом и в 1926 г. издал нашумевший в то время труд «Соединённые Штаты Европы». После прихода же Гитлера к власти он эмигрировал в США и даже был советником Президента Ф. Рузвельта, а после Второй мировой войны писал многотомные воспоминания о революционном движении в России и Европе. Дучке привлекает эту самую известную книгу В. Войтынского: Wojtinsky V. Die Vereinigten Staaten von Europa. – Berlin: Dietz-Verlag, 1926. (Всего: 185 S.)

была характерной тенденция нарастания темпов экономического и научно-технического прогресса, ссылаясь на проникновение в субатомные глубины материи благодаря открытию радиоактивности, а также на другие проявления продуктивности в экономике – массовое распространение электрических турбин, развитие органической химии, применение электролиза при обработке металлов и др. и приводя статистику, которой нет у Ленина. Проанализировав развитие производительных сил, Войтынский приходит к выводу о темпах их роста в предвоенный период более чем в 3–5% во всех отраслях индустрии[84].

В этой связи Дучке прямо спорит с Лениным, который писал о том, что империализм есть строй загнивающий. Он считает, что эта характеристика может быть верной только применительно к полуазиатскому русскому капитализму, в котором изначально господствует тенденция к стагнации. Что же касается Европы, то там империализм вовсе не загнивал, а становился агрессивным по другой причине: затруднения процесса реализации капитала в условиях его перенакопления, что вело к тенденции распада (S. 202). Здесь Дучке опять обращается к идеям Гроссмана. Согласно последнему, монополия находит средство увеличить прибыль путём повышения цен, но сама по себе есть лишь поверхностное явление, скрытая суть которого – недостаточное преумножение (Verwertung) капитала в ходе накопления капитала. Агрессивность империализма есть лишь результат стремления любой ценой увеличить преумножение капитала и противостоять тем самым тенденции распада[85]. Тенденция к стагнации была проблемой как раз азиатского капитализма в его российской особенности. В международном же масштабе речь шла о кризисе процесса реализации капитала на интернациональном уровне, в чём выражался циклический характер накопления капитала[86]. В конце же концов капиталистам в начале 20-х гг. XX в. удалось преодолеть кризис и восстановить бесперебойное накопление и применение капитала – за счёт чего, станет ясно ниже[87].

Пролетарские же партии и все классовые организации пролетариата не смогли верно (т.е. на основе марксистской политэкономии) осмыслить

[84] Wojtinsky V. Op. cit. S. 12 – 17.
[85] Grossmann H. Op. cit. S. 269.
[86] Neusüss C. Op. cit. S. 39.
[87] Grossmann H. Op. cit. S. 294.

весь ход кризиса капитализма в 1914 – 1921 гг. и его результаты. Они не поняли, что революционная волна 1917 – 1920 гг. в России и Европе была порождением хаотической фазы кризиса, но революционное планирование, которое особенно необходимо в странах конкурентного капитализма с его циклической кризисной динамикой, не сформировалось, несмотря на образование Коминтерна (эта тема будет рассмотрена в конце нашего текста). Дучке замечает, что и Ленина нельзя считать планомерным стратегом русской революции, так как он никогда не исследовал закономерности азиатского госкапитализма в его русской форме и не выводил отсюда стратегию революции. Он просто прекрасно приспосабливался к обстоятельствам, а без совместного плавания на революционной волне с партией эсеров большевики никогда не удержали бы власть (S. 203).

Теперь обратимся к тому, каким образом буржуазия Европы смогла преодолеть кризис капитализма в начале 20-х гг. XX в. По сути дела, ей удалось восстановить процесс реализации капитала, что привело к стабилизации всех капиталистических отношений на последней фазе кризисного цикла. Естественно, это произошло не само собой, а стало следствием ряда организационных мер, в результате которых произошла структурная перестройка экономики. Эти меры совершили энергичные силы как в среде буржуазии, так и рабочего класса (несмотря на то, что эти силы коммунистами воспринимались в качестве предателей интересов рабочего класса)[88].

Буржуазия пошла на серьёзный договор с пролетариатом и тем самым заложила основу практики социального партнёрства, а представители пролетариата посчитали, что именно этот договор больше соответствует их интересам (и интересам класса наёмных работников), чем борьба за свержение капитализма. Тем самым были заложены субъективные предпосылки для перехода ко второй фазе кризиса. На ней речь шла о том, чтобы повысилась прибыль и улучшились условия её получения, т.е. о восстановлении процесса реализации капитала, получившего новый импульс в своём развитии[89].

Решению этой задачи послужила германская милитаристски-бюрократическая машина, развившаяся во время войны и тесно связанная с индустриальной буржуазией, а также упрочившаяся в борьбе против

[88] Ibidem.

[89] Ibidem. – S. 295.

спонтанных акций пролетариата в классовой борьбе в 1918 – 1920 гг. Благодаря этой совместной деятельности бюрократии и капиталистов удалось провести структурную перестройку экономики, что выразилось в экономии энергоносителей, уменьшении себестоимости материалов и оборудования и расходов на его производство, получении лучшего доступа к мировому рынку благодаря международным картелям и открытиям новых источников дешёвого сырья, что повысило рентабельность. Наёмные же работники как члены профсоюзов начали заключать коллективные договоры с капиталистами и потому стали получать важные социальные гарантии – их уровень жизни, условия труда и вообще статус в немецком обществе стал неуклонно повышаться; поэтому они отказались от реализации революционных идей[90].

Дучке делает вывод, что кризис всегда является исходным пунктом нового творения, что в буржуазном обществе подразумевает также новую форму классового угнетения; и процесс преодоления кризиса, начавшись ещё до Первой мировой войны, продолжился в Германии после её окончания (S. 205). В этих исторических и социальных условиях началась история поражения радикальных слоёв немецкого рабочего класса, компартий и революционных организаций внутри Коминтерна. Для всемирной революции оказались несложившимися предпосылки, выделенные Марксом: универсальное развитие производительных сил, всемирное движение (Weltverkehr). Это значит, что в конце 10-х гг. XX в. был возможен лишь локальный социалистический переворот со всеми трудностями вследствие изоляции того государства, где он произойдёт (т.е. СССР – по этому поводу русский читатель вспоминает высказывание А. Зиновьева: «Странно не то, что СССР проиграл, а то, как долго он продержался!»), но была невозможна мировая революция! (S. 206)

Про этот вариант временного установления социализма, который предвидел Маркс, Дучке пишет следующим образом. Ещё в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали об опасности того, что после революции совершится только обобществление нужды и вновь возобновится спор об удовлетворении человеческих потребностей. Только универсальное развитие продуктивных сил, которое обеспечивается капитализмом, сделает универсальными формы общения и взаимодействия (Verkehr) в человечестве. Если же эти процессы не произойдут, то, как считают

[90] Ibidem.

Маркс и Энгельс, это будет иметь следующие следствия для возможного переворота, в котором к власти придут коммунисты: 1. коммунизм будет локальным; 2. формы общения и взаимодействия (Verkehr) не смогут развиться до всемирно-исторического уровня, а останутся в плену локальных обстоятельств; 3. любое расширение и углубление форм общения (Verkehr) упразднит локальный коммунизм[91] (S. 199).

Именно это и произошло в реальности, на примере советского социализма, как мы видим из XXI в. В этой связи проанализируем сущность локального переворота, который произошёл в России после Октябрьской революции, чтобы понять, почему, как считал Дучке, не произошло развитие подлинной социалистической демократии, и тем самым возможности прогрессивного преобразования российского общества после прихода к власти большевиков оказались реализованными лишь частично. В сноске на S. 178 Дучке говорит принципиальные слова: в результате Революции 1917 г. в России произошёл переход от полуазиатского государственного капитализма к полуазиатскому государственному социализму, в котором государственная машина ограничивает и эксплуатирует рабочих и крестьян. В этом и состоит сущность сталинизма. Осталась нерешённой задача реализации решающего конкретно-утопического момента социализма: диалектического снятия (Aufhebung – которое нельзя путать с голым упразднением) государственного аппарата, нагруженного в России деспотической традицией (S. 179). Дучке не является анархистом, как он иногда воспринимался в СССР в качестве одного из вождей Новых левых в ФРГ, а доказательством этого тезиса будет следующий раздел. Для этого мы должны понять: что же конкретно он подразумевает под диалектическим снятием?

Для ответа на этот вопрос проанализируем Советскую власть.

6. К вопросу о природе Советской власти: о коренных причинах того, что СССР требует радикального реформирования

Рассмотрим результаты анализа Дучке советского общества, чтобы понять, почему, как считал Дучке, не произошло развитие подлинной социалистической демократии.

[91] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3: работы 1845 – 1847 гг. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 33 – 34. (Вся работа: С. 7 – 454.)

По поводу захвата власти большевиками написано море книг, но до сих пор не хватает книг о том, что касается поражения Советов. Тезис Дучке был таков: поражение Советов тесно связано с подъёмом нового государственного аппарата (переплетённого с партийным аппаратом) (S. 164).

Дучке выделяет следующие основные причины поражения Советской власти, несмотря на победу большевиков. Прежде всего, не было создано институтов контроля трудящихся масс над партийными лидерами. Эти институты контроля могли бы вырасти на основе Советов, но для этого надо было расширить их социальный базис: включить в него крестьян и сельскохозяйственных пролетариев. И хотя мы знаем, что союз между рабочими и крестьянами и возник в ходе гражданской войны, и этот союз являлся одной из главных причин победы в ней большевиков, тем не менее в самой теоретической доктрине последних были существенные изъяны, которые не позволили им сохранить связи с трудящимися массами России после окончательного утверждения власти большевиков в начале 20-х гг. XX в. Ленин не сумел обосновать демократическую сторону централизма в силу того, что однозначно считал крестьянство классом, ведомым пролетариатом, вместо того, чтобы увидеть в общинной крестьянской культуре специфическую социалистическую традицию, а потому признать крестьянство способным организовывать особые социалистические институты[92] (S. 170 – 172).

[92] См. например: «Объективные условия доказывают, что крестьянство нужно вести; за пролетариатом оно пойдет». Ленин В.И. Выступления (29 октября 1917 г.). Протокольная запись. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34. С. 396. Также см.: «Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, – в силу экономической роли его в крупном производстве, – способен быть вождём всех трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетёт, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к самостоятельной борьбе за свое освобождение. Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение

Большевики хотели воспитать массы народа, но не понимали, что они сами должны быть воспитаны: со стороны «нецивилизованных». В таком случае можно было более точно определить равенство, продуктивность и культуру применительно к русским условиям, а не следовать западноевропейским образцам в их понимании. Это позволило бы им постепенно преодолеть скрытую враждебность по отношению к крестьянству, сохраняющуюся в социал-демократическом движении в целом, в чём в конце жизни признался Дьердь Лукач[93] (S. 131).

Также Ленин не переосмыслил свою теорию авангарда рабочего класса после завоевания власти, вместо того чтобы подвергнуть серьёзному анализу разницу между управленческим трудом партийно-хозяйственной интеллигенции и трудом рабочих на индустриальных предприятиях. В результате система подлинного рабочего контроля и самоуправления на производстве не смогла сложиться – большевики даже в самых общих контурах не понимали, каким может быть движение к социализму как строю самоуправляющихся ассоциаций трудящихся. Самодеятельность последних была подчинена тем целям, которые ставил партийно-государственный аппарат (S. 166 – 167, 173 – 174).

Конечно, Ленин после захвата власти рассматривал Советы как институт, позволяющий создать новое общество, и даже спустя 5 лет после победы Октябрьской революции понимал противоречие между частично сохраняющимся старым госаппаратом и новым устройством Советов.

буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплуатируемые массы». Цит. по: Ленин В.И. Государство и революция. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 26. Об этом см.: Dutschke Rudi. Op. cit. S. 160. Итак, крестьянство раздроблено и распылено (Ленин в этом месте даже не задумывался, что у него могут быть свои формы солидарности и вырастающая отсюда своя социалистическая культура), а власть в диктатуре пролетариата не должна быть разделена ни с кем (ни с крестьянством, ни с сельскохозяйственным пролетариатом, ни с интеллигенцией) – отсюда оставался только один шаг до того, чтобы такая власть превратилась во власть вождя и его окружения.

[93] Löwi A.G. Die Weltgeschichte in das Weltgericht. Bucharin: Vision des Kommunismus. – Wien – Frankfurt am Main – Zürich: Europa-Verlag, 1969. S. 221. Всего: 419 S.

Однако он не осознавал всю глубину этого противоречия. Поэтому Ленину было тяжело поставить в центр своей изменённой концепции госаппарата рабочий контроль. Он стоит рядом с диктатурой пролетариата и соединён с нею[94]. Рабочий контроль представляется Ленину критически-социалистической инстанцией в новом процессе производства и распределения. Но Ленин не видел, что рабочий класс и рабочая партия в этом слабом звене всеобщего производственного процесса сильнее всего сталкиваются друг с другом (S. 169).

Особенно явным противоречие между государственным учётом и пролетарским рабочим контролем выступало в индустриальной сфере. В ходе гражданской войны с целью преодоления разрухи в дезорганизации было введено единоначалие на предприятиях. Однако ни Ленин, ни остальные большевики не проанализировали характер индустриального труда и не увидели, каким образом в принципе возможна деятельность рабочего контроля при сохранении единоначалия. Им было важно прежде всего, чтобы не возникал хаос как на производстве, так и в деятельности госаппарата, руководящего обществом в целом[95]. Однако

[94] См. напр.: «Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела (Наркомата иностранных дел – С.Ш.), в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьёзным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата. И вот, чтобы поискать способ действительно обновить его, надо обратиться, мне кажется, за опытом к нашей гражданской войне. Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны? Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры. В этом же направлении нам следует, по моему убеждению, искать источник реорганизации Рабкрина (рабоче-крестьянской инспекции – органа контроля со стороны трудящихся за госаппаратом – С.Ш.)». Цит. по: Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин? (Предложение XII съезду партии). // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45: работы марта 1922 – марта 1923 гг. С. 383. (Вся работа: С. 383 – 388.)

[95] «Я предвижу одно возражение, исходящее либо прямо, либо косвенно из тех сфер, которые делают наш аппарат старым, т. е. от сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде, в каком он остается и посейчас (кстати сказать, мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для произ-

такая односторонняя постановка вопроса привела к огосударствлению отношений КПСС и рабочего класса и воспрепятствовала подлинному обобществлению, т.е. имела тенденцию редуцировать эмансипаторское содержание диктатуры пролетариата в большевистской форме. Не был раскрыт демократический потенциал принципа демократического централизма. В результате не смогла осуществиться пролетарская и крестьянская советская демократия, а произошло обособление партийной и государственной машины. Оказалась недостижимой конкретно-утопическая программа социального освобождения – обобществления труда и возвращения государства под контроль общества. Произошло возрождение бюрократии в изменившихся условиях: через правящую партию она совершала бойкот самодеятельности освобождённых масс (S. 175). Государственный и партийный аппарат образовали некий монстр, который сделал невозможным становление ни пролетарской демократии в городе и деревне, ни эффективно действующего рабочего контроля (S. 172).

Итак, институт Советов не смог стать тем органом, опосредующим партийно-государственный аппарат и трудящиеся классы (рабочих и крестьян), в который он мог бы развиться. Советы могли бы стать каналом коммуникации между ними, помогали бы трудящимися осознавать свои подлинные интересы и потребности и доносить их до аппарата, а также заставлять бы его с ними считаться и при постановке управленческих целей, и при организационных действиях в процессе их достижения (S. 174 – 175). Вместо этого Советская власть осталась скорее декларативным, а не реальным принципом устройства СССР, что и не позволяло Дучке считать общество реального социализма 70-х гг. подлинно социалистическим. Поэтому он был убеждён, что потребуется его радикальное реформирование, чтобы раскрыть эмансипаторский потенциал

водства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки). Возражение это состоит в том, что будто бы из предлагаемого мной преобразования получится один хаос. Члены ЦКК будут слоняться по всем учреждениям, не зная, куда, зачем и к кому им обратиться, внося повсюду дезорганизацию, отрывая служащих от их текущей работы, и т. д. и т. п. Я думаю, что злостный источник этого возражения так очевиден, что на него не требуется даже и ответа». Там же. С. 385. Между тем данный далее Лениным ответ касается чисто организационной стороны, но вождь и мыслитель даже не пытается поставить вопрос в концептуальном плане, как это делает Дучке.

формирующегося нового общественного строя, призванного преодолеть капитализм (S. 6, 178–179).

В связи с этим возникает вопрос о том, почему же это преодоление не удалось. Уже в 20-е гг. XX в. было ясно, что надеждам на всемирную революцию не было суждено сбыться. Дучке показывает, что германской буржуазии удалось провести серьёзную структурную перестройку капиталистическим отношениям, исключившую возможность социальной революции в стране с самым сильным европейским рабочим классом (S. 203–204). Но почему Коминтерну не удалось создать единый фронт против капитала? И какую альтернативную доктрину и организационную структуру антикапиталистического движения в общих контурах предлагает сам Дучке? Мы переходим тем самым к концовке текста, посвящённого книге Р. Дучке. Но предварительно автор анализирует деятельность молодого Д. Лукача.

7. К логике развития творческого пути молодого Д. Лукача

Здесь будут обозначены основные вехи пути Дьердя Лукача к коммунизму, поскольку фигура Лукача является, помимо её огромной значимости для венгерской мысли и культуры XX в. в целом, знаковой по двум причинам. Во-первых, на основе идей Лукача может быть проанализировано восприятие коммунистических идей западным интеллигентом, критически мыслящим и понимающим историческую обречённость капитализма в долгосрочной перспективе. Тем самым станет ясным, каким образом может быть создано широкое антикапиталистическое движение тех прогрессивных общественных сил, которые заинтересованы в перемене социального строя, причём при понимании принципов создания и деятельности этого движения будут учтены те ошибки в устройстве Коминтерна, вследствие которых такое движение сто лет назад не сумело добиться успеха. Во-вторых, Лукач является представителем прослойки интеллигенции, которая по своему положению в обществе, определяемом характером труда, отличается от положения рабочих индустриальных производств, хотя и стремится установить с ними связи. Лукач может быть выразителем взглядов интеллигенции, и через критику этих взглядов можно будет понять, каким образом образованные люди смогут лучше понять подлинные потребности и интересы трудящихся, чтобы проводить ту политику, которая более соответствовала бы им, и нау-

читься по-настоящему руководить массами (в союзе с лидерами, которых выдвинут сами массы).

В последнем разделе на основе достигнутых посредством анализа творчества Лукача результатов будут сделаны соответствующие выводы о Коминтерне: показаны фундаментальные теоретические изъяны в его целеполагании и практические недостатки в его организационном устройстве, а также исследованы причины, объясняющие особенности его деятельности в 20-е гг. XX в., укоренённые опять-таки в специфике общественного строя на этот раз уже Советской России, которой и после революции 1917 г. не удалось преодолеть свою полуазиатскую традицию.

Анализ творческого пути Лукача Дучке считает важным потому, что для многих молодых социалистов и коммунистов, происходящих из мелкобуржуазной среды, надо маршировать обоими ногами, а не левой, опираясь на Пекин (где ко времени написания книги Дучке ещё правил Мао Цзэдун – последний умер в 1976 г.), а правой – на Москву. Сначала же надо рассмотреть течения в западноевропейском рабочем классе, которые сподвигли Лукача на путь формирования коммунистической позиции и способов поведения.

Сам Лукач считал, что во время Первой мировой войны он находился под влиянием Розы Люксембург и её довоенных произведений, а с идеями В.И. Ленина познакомился только после поражения венгерской революции в эмиграции в Вене и Москве. Но имелись и другие источники, которые сформировали отношение Лукача к европейскому революционному процессу вообще, к русскому – в особенности, а к венгерскому – в его индивидуальности (S. 143).

Лукач был учеником Макса Вебера и оказался в изоляции: никто не понимал его антивоенную позицию во время Первой мировой войны, включительно самого учителя. В конце 1917 г. Лукач вернулся в Будапешт и создал Свободную школу наук о духе совместно с Фогарази, Ревайу, А. Хаузеру и К. Манхеймом. В этой школе было два лидера, молодой (Лукач) и старый (Сцабо), которые взаимно влияли друг на друга (S. 150).

Лукача и Сцабо объединяет антибюрократическая, или, говоря в позитивном смысле, демократическая сторона. Философские же позиции их были несколько различными. Во время Первой мировой войны Лукач испытал сильное влияние И.Г. Фихте и Розы Люксембург. И хотя они вместе с Сцабо вели дискуссии в кругах венгерских интеллигентов, высоко ценили патриотического поэта Сандора Петёфи (1823–1849), и

Лукач высоко оценивал штудии Сцабо про Венгрию, Сцабо стоял на материалистических позициях Дарвиновски-Спенсеровского эволюционного мировоззрения, а у Лукача очевидно наследие немецкого идеализма (S. 151). Впрочем, в конце 1917 г. Сцабо умер, и Лукач стал лидером демократической интеллигенции Венгрии.

В середине ноября 1918 г. из Советской России вернулся Бела Кун. Совместно с группой Руды и Корвина, которая сохраняла связь с венгерским рабочим классом и ещё в январе порвала с анархо-синдикалистами, они основали Компартию Венгрии. А потом эта группа установила союз с социал-демократической партией Венгрии и в марте 1919 г. пришла в составе коалиционного правительства к власти на б*о*льшей части венгерской территории – началась венгерская революция (закончившаяся неудачей и установлением авторитарного режима Ракоши в 1920 г.).

Что Лукач уже в 1918 г. был истинным социалистом, показывает его статья «Большевизм как этическая проблема», написанная в декабре 1918 г.[96] Размышления молодого социалиста над моральной проблематикой – больше, чем морализирование. Эта статья показывает сложный переход антикапиталистического сознания изолированного интеллигента к социалистическому сознанию (S. 180).

Лукач ставит вопрос о соотношении европейской буржуазной демократии и пролетарской диктатуры большевиков. Принцип демократии противопоставлен диктатуре меньшинства. И всё-таки большевики упраздняют демократию, что ставит перед ответственным социалистом сложную этическую проблему.

Для её решения Лукач обращается к учению Маркса. Он отмечает, что оно содержало в себе два аспекта: социологию и философию истории. Социология занимается классовой борьбой, она даёт необходимый понятийный аппарат для всех эпох развития общества. Философия же истории основывается на утопическом постулате – этическом целеполагании для будущего мирового порядка: упразднения классовой структуры и всевозможного угнетения (S. 181).

Дучке комментирует Лукача в этом месте, что ему удалось сохранить эмансипаторское содержание Марксовой теории, несмотря на ошибочную

[96] Lukatsch G. Der Bolschewismus als ethisches Problem. // Szabadgondolat: Zeitschrift für wissenschaftliche und politische Fragen. Sondernummer: Dezember 1918. / Übersetzung aus Ungarischen ins Deutsche von Th. Ehleiter. S. 1 – 4.

интерпретацию отношений между разными частями общей теории марксизма: политэкономической частью, анализирующей процессы движения капитала внутри «анатомии буржуазного общества», и частью, в которой совершается конкретный анализ классовой борьбы. Однако Лукач оперирует Кантовскими категориями долженствования и воли, но не Марксовой категорией труда. Поэтому ему не удалось совершить опосредование между отдалённой утопической целью – упразднением классовых отношений, и конкретной целью – политической классовой борьбой. По Дучке, это опосредование возможно на основе диктатуры пролетариата, т.е. диктатуры именно класса, но не партии (хотя бы и большевистской) (S. 182).

Лукач сближает Маркса и Гегеля, считая, что Маркс конструировал философию истории по способу Гегелевской хитрости разума, согласно которой пролетариат в борьбе за свои непосредственные классовые интересы борется за освобождение всего мира от угнетения. В момент решения совершить какое-то историческое деяние становится очевидной разница между бездуховной эмпирической действительностью и человеческой утопической и этической волей её изменить[97] .

Однако то, что Лукач приписывает Марксу конструкцию философии истории, подобную Гегелевской, показывает, что он ещё не отличает в принципе философскую конструкцию истории от анализа истории производства (S. 183). Только там, где, как у молодого Д. Лукача, человек ещё не воспринимает историю опредмечивания своей истинной сущности в производстве как обмене веществ между человеком и природой (как это понимал Маркс), возникает бездушная эмпирическая действительность, противостоящая человеческой – утопической и этической воле. Лукач не находит подхода к реальному производственному процессу, в ходе которого порождаются явления отчуждения и овеществления вообще, и возникает особая форма отчуждения – заработная плата наёмного работника «современного буржуазного общества». Абстрактно отрицая эмпиризм, Лукач не подозревает, что его воображаемые идеалистические акции с помощью «воли» есть только другая сторона абстрактного эмпиризма «бездушности» (S. 183–184).

Лукач считает, что цель подлинной политической деятельности социал-демократии – порождение такого общественного строя, в котором был бы даже немыслим смысл пролетарской классовой борьбы[98]. Однако

[97] Lukatsch G. Op. cit. Ibidem.

[98] Ibidem. S. 3.

эта конструкция абстрактного «смысла» (Sinn), лишённого конкретной ощутимости (Sinnlichkeit), приводит к дилемме (S. 184). Первый член дилеммы: использовать историческую возможность и создать диктатуру пролетариата (которую Лукач также считает «диктатурой меньшинства»), основанную на терроре, надеясь, что она позволит ликвидировать любое классовое господство, подобно мифу об изгнании Сатаны Вельзевулом. Тут, как комментирует Дучке, речь у Лукача идёт о последней борьбе, конечной цели и т.п., но нет понимания долгого и сложного процесса изменения людьми себя в классовой борьбе, особенно – после завоевания власти рабочих и крестьян. Второй член дилеммы: придерживаться цели создания нового мирового порядка посредством демократии, но понимать, что большинство человечества ещё не хочет его установления, а поскольку нельзя определять жизнь этого большинства за него, то следует ждать, обучая и миссионерствуя, пока не возникнет автономная воля человечества, о которой сознание издавна знает и понимает, что здесь лежит единственное решение[99]. Дучке спрашивает, что же это за сознание? «Осознанное бытие» исторически достигнутого – такую абстрактную формулировку Лукача он находит в ответ.

Лукач пишет, что моральная дилемма в делах революции состоит в том, что каждая точка зрения содержит в себе возможность чудовищных грехов и неизмеримых ошибок – и каждый, кто хочет принять решение, должен это осознавать и брать на себя ответственность[100].

Опасность компромиссов для субстанциональных социалистических целеполаганий в ситуации актуальных политических коалиций Лукач хорошо осознаёт – он лучше, чем Сцабо, различает между внешними и внутренними компромиссами: первые разрушают саму цель, вторые – предпосылка для реализации отношений социалистической демократии. Он считает правильным сотрудничество социалистов и буржуазных партий, если найдена форма, в которой может реализоваться «чистота целеполаганий и пафос воли» (S. 185). Поэтому подлинная дилемма, которую ставят перед социализмом требования демократии: заключать внешние компромиссы, не входя во внутренние компромиссы. В этом и заключается вывод Лукача[101].

[99] Ibidem.
[100] Ibidem.
[101] Ibidem.

Таким образом, Дучке своём анализе первой серьёзной работы Д. Лукача реконструирует систему взглядов интеллигента из буржуазной среды, пришедшего к социализму и становящегося политиком, служащим интересам рабочего класса. Для него борьба за социализм включает в себя неотъемлемый волевой момент, заключающийся в своего рода иррациональном, основанном на вере выборе в пользу социалистических взглядов. Этот иррациональный момент объясняется особенностью самого умственного труда, непосредственно не связанного с трудом индустриальных рабочих, и он может быть преодолён в случае таких изменений в самом характере труда, в ходе которых производственная деятельность всё больше станет подобной творчеству, что может произойти по мере коренного изменения технологий производства. Для конкретного же человека, помещённого в свою историческую эпоху, этот иррациональный момент может начать преодолеваться только посредством участия в классовой борьбе на стороне трудящихся масс. Но вследствие того, что пролетарские политики на Западе являются всё ещё оппозиционными, Лукач не видит никакого другого пути для них, кроме внешних компромиссов с буржуазными политическими силами.

Дучке комментирует, что социализм нельзя сводить только к предмету веры, как это часто делается и сегодня. Он выступает продуктом критически-материалистической теории общества, которая помогает правильно понять положение угнетённых классов и тех самым вооружает их знанием для классовой борьбы, а также, в свою очередь, осмысляет практику этой борьбы. Эта теория основывается на универсальном понимании истории опредмечивания, становления человека в процессе труда как обмена веществ между человеком и природой (S. 187).

Лукач же пишет, что надо вложить душу не в героические акты большевиков, а в длительную борьбу за социализм в рамках демократии. При этом человек жертвует чистотой убеждений (какая была у большевиков), но осуществляет социал-демократию в целом, а не часть, отколовшуюся от целого[102]. Что же касается большевизма, то Лукач считал, что он основывается на вере, что из плохого может возникнуть хорошее (как Разумихин убеждал Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского); демократия же требует только сверхчеловеческой готовности к самопожертвованию, но не несёт в себе неразрешимой этической проблемы[103].

[102] Lukatsch G. Op. cit. Ibidem.

[103] Lukatsch G. Op. cit. S. 4.

Оценивая эти мысли Лукача, Дучке считает, что в целом понятие социалистической демократии у Лукача не достигает понимания ни синдикалистской «прямой демократии», ни пролетарской демократии Советов. Им не понята взаимосвязь между социализмом и демократией. Он мифологически рассуждает о плохих средствах для хорошей цели. А пролетарскую революцию он сводит к проблеме психологической и индивидуальной трагедии (S. 188).

Здесь Д. Лукач близок Б. Савинкову, который ещё в вышедшем в 1914 г. (под псевдонимом В. Ропшин) романе писал, что надо чётко осознавать, что террор чудовищен, не спасает душу, но неизбежен[104]. Но у Савинкова в центре стоит индивидуальная судьба, а не конкретная, исторически обусловленная классовая борьба. Террористические акты изолированных интеллигентов обладают наступательным значением только на основе массовых революционных действий угнетённых классов. Массы не всегда нуждаются в советах интеллигентов, а последние не всегда пригодны для политической борьбы. Вместо того, чтобы осмыслять опыт русской революции 1905 – 07 гг. (Савинков закончил книгу к 1914 г. и потому ещё не знал о 1917 г.) и возникших в ней Советов как органов, позволивших угнетённым классам приобрести опыт самоуправления, Савинков и вслед за ним Лукач рассуждают о судьбе интеллигентного революционера и тем самым упускают возможность совершить важный исторический анализ. А по поводу насилия Роза Люксембург чётко говорила, что подлинным духом социализма является безраздельная революционная активность – глубочайшая человечность[105] (S. 189).

Молодой коммунист Д. Лукач видел в произошедшем в ходе уже венгерской революции 1919 г. объединении коммунистов и социал-демократов восстановление рабочего класса как тотальности (S. 191). Он пытался в первой фазе диктатуры Советов опосредовать своё лево-социал-демократическое понимание демократии с теоретическим подходом современных ему коммунистов. Дилемма, описанная Лукачем в работе

[104] Дучке ссылается вот на этот роман: Савинков Б. (Ропшин В.) То, чего не было. / Роман (1914). – М.: Художественная литература, 1990. 402 с. Немецкий перевод: Ropschin W. Als wäre es nie gewesen: Roman aus der russischen Revolution. Übersetzung ins Deutsch. Frankfurt am Main: Literarische Anstalt Rütten und Löning, 1913. S. 190. (Всего: 473 S.)

[105] Luxemburg R. Aus Symphonie der Menschenliebe. // Der Kampf. München, 07.11.1919.

«Большевизм как этическая проблема», им не была преодолена благодаря вступлению в партию венгерских коммунистов. Поэтому он написал работу «Тактика и этика», где он осмыслил революционное положение в Венгрии с точки зрения ставшего коммунистом философа[106].

В главах же данной работы «Что такое ортодоксальный марксизм» и «Партия и класс» выражен качественный шаг вперёд, состоящий в том, что Лукач осознал революционную подрывную силу гегелевской диалектики и теперь открыл революционный марксизм через Гегеля[107].

Лукач считал, что объединение социал-демократов и коммунистов был всемирно-историческим шагом, совершившим в Венгрии то, что не было достигнуто в Советской России в течение 18 месяцев гражданской войны (войны братьев) русским пролетариатом.

Лукач критикует вульгарных марксистов с субъективистски-моралистских позиций, но не приводит социально-экономических и исторических обоснований, а потому остаётся чуждым массам. Например, он поддержал требования развития национальной культуры венгров и считал, что это поможет преодолению феодальных пережитков, но при этом не видел, насколько сильно эти старые радикальные массовые стремления в венгерской революционной культуре были связаны с аграрным вопросом – со стремлением бедных крестьян и земельного пролетариата обрабатывать свой собственный земельный надел. Также и коллективизация должна была развиваться на основе потребностей масс, а не государственных и партийных принуждений, иначе ни о каком освобождении речи быть не может. Между тем попытки коммунистов в союзе с социал-демократами

106 Lukatsch G. Taktik und Ethik. // Lukatsch G. Werke. Bd. 2. Frühschriften: Taktik und Ethik; Geschichte und Klassenbewusstsein. – Neuwied und Berlin: Luchterhand Verlag, 1968. S. 45 – 54. (Вся работа: S. 43 – 77. Весь том: 368 S.) URL: https://coghnorti.files.wordpress.com/2010/08/geschichte-klassenbewusstsein.pdf (дата обращения: 08.07.2023 г.) На русском языке в переводе Д. Поцелуева эта статья почему-то опущена, переведена только помещённая в этот немецкоязычный том вторая работа («История и классовое сознание») – но она была написана спустя 4 года, в 1923.: Лукач Д. История и классовое сознание. / Пер. с нем. яз. с коммент. и вступит. ст. Д. Поцелуева. – М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2017. 608 с.

107 Lukatsch G. Was ist orthodoxer Marxismus. // Lukatsch G. Taktik und Ethik. S. 61 – 69, русский перевод: Лукач Д. История и классовое сознание. С. 90 – 115; Lukatsch G. Partei und Klasse. // Lukatsch G. Taktik und Ethik. S. 70 – 78 (в русском переводе Д. Поцелуева этой статьи нет).

провести поспешную коллективизацию в деревне сразу же после прихода в Венгрии к власти в марте 1919 г. привели к тому, что массы крестьян отшатнулись от пролетарских партий, а потому во время интервенции румынских войск в августе 1919 г., покончившей с венгерской революцией (и приведшей к расстрелу большинства революционеров), просто отказались защищать новую власть (что привело в конечном счёте в 1920 г. к установлению режима Миклоша Хорти в на основе армии, состоявшей из венгерских националистических отрядов, изгнавших румын – этот режим в 30-е гг. стал фашистским и вступил в союз с Гитлером) (S. 195 – 196).

Лукач же, продолжает комментировать Дучке, испытывал трудности в практическом понимании диктатуры пролетариата, о чём и свидетельствует вся работа «Тактика и этика» целиком – в ней «моральное самопознание» в стиле И.Г. Фихте появляется в форме «ответственности» и смешивается с Гегелевской диалектикой субъекта и объекта. Лукач доходит до утверждения, что «простой факт познания порождает сущностные изменения в познанном объекте», что и приводит к преодолению различия между теорией и практикой. Здесь опять появляется чистая теория, подкреплённая моралью, но без критического материализма. Гегелевская философия дополняет этику, но её революционная сила была потеряна (S. 197).

Поражение венгерской революции 1919 г. (состоявшей в том, что на территории около четверти довоенной Венгрии – вокруг Будапешта и к юго-западу от него – установилась Советская республика, просуществовавшая меньше 5-ти месяцев, с 21.03.1919 по 06.08.1919 гг.) Лукач так осмыслял в эмиграции (где он работал в Коминтерне и жил в Советском Союзе в 20-х гг. XX в.) самокритичным образом: те, кто надеялся на быстрое развитие революции, её плохо представляли. Они думали, что перевоспитание рабочего класса – его переход от социал-демократического сознания в коммунистическое, от маклерского – в революционное, может быть результатом простой пропаганды. В действительности же рабочие осознали, что капитализм может быть разрушен, только тогда, когда революции стали чинить препятствия не буржуазия, а социал-демократия, а при попытках революционных акций они увидели напротив себя социал-демократические пулемёты, защитившие капитализм. Но эти опыты поражения должны повторяться, прежде чем они станут фундаментом революционной акции[108] (S. 197–198).

[108] См.: Lukatsch G. Warum die ungarische Diktatur des Proletariats gestürzt? // Proletar. 29.07.1920.

Но в мыслях Лукача, по Дучке, нет ещё понимания крестьянского вопроса, а также его анализ причин поражения венгерской революции очень ограничен. У Лукача не в полной мере совершилась коммунистическая самокритика – *поиск конкретной истины*. Социал-демократы и коммунисты скрывали корни своего поражения. Дучке по этому поводу комментирует в сноске, что нет ничего более опасного для революции, чем то, что она затуманивает свои противоречия (S. 198). Чтобы же выйти на подлинные причины не просто поражения венгерских пролетарских революционных партий, а всего коммунистического движения в 20-е гг. XX в., необходимо проанализировать ошибки в деятельности Коминтерна, а также соотнести их с анализом структурной перестройки капитализма, приведшей к его обновлению и тем самым – преодолению опасности его диалектического снятия. Этот последний анализ был уже совершён в разделе 5 данного текста. К анализу Коминтерна же мы приступим в последнем разделе. А пока сделаем вывод к разделу о творчестве молодого Д. Лукача.

Таким образом, весь творческий путь Лукача до его вступления в Коминтерн в качестве одного из руководителей секции венгерских коммунистов, с чём была сопряжена также и необходимость его постоянного проживания в Москве, характеризуется стремлением найти путь для решения основополагающей дилеммы революционера, как он сам считает: либо, подобно большевикам, стремиться к бескомпромиссной победе и осуществлению своей программы ценой насилия и даже возможного противопоставления партии как вождя и рабочего класса как ведомого; либо заключать внешние компромиссы (не входя в компромиссы внутренние) с социал-демократическими и даже буржуазными партиями, при этом оказываясь в ситуации поражения и невозможности осуществления своих идей, прежде всего – потому, что социалистическим интеллигентам не удаётся установить прочные связи с трудящимися массами, а последние не до конца могут проникнуться антикапиталистическим сознанием и занимают самостоятельную (независимую от буржуазных пропагандистских влияний) позицию только в короткий период обострения всех капиталистических противоречий.

Эта дилемма во многом и характеризует положение компартий Европы в условиях структурной перестройки капитализма после Первой мировой войны, как её проанализировал Дучке. В этой связи Коминтерн, основываясь на теории Ленина, ориентированной на большевистский опыт, не сумел предложить её достойного решения и потому оказался

организацией, которая, по мнению Дучке, во многом тормозила подлинную антикапиталистическую борьбу после стабилизации капитализма. Почему это произошло и каким могло бы быть альтернативное решение – проанализируем в последнем разделе работы.

8. К проблеме доктрины и организационного устройства Коминтерна

Абстрактной целью основанного в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала (Коминтерна, КИ, 3-го Интернационала) была мировая революция. Для этого надо было использовать возможности, возникшие в результате Первой мировой войны, которая могла превратиться в освободительную гражданскую войну угнетённых классов против буржуазии и её сторонников. Учредители Коминтерна, российские большевики и европейские коммунисты, отрицали социал-демократический центризм и оппортунистский шовинизм, боролись за пролетарскую революцию у себя в стране с Советами как организационной формой рабочего класса, а также старались инициировать международную солидарность трудящихся в революционном движении.

Но Роза Люксембург, а после её убийства – Гуго Эберляйн и Лео Ёглихес как представители Германии в КИ выступали против 3-го Интернационала. Роза опасалась, что в конечной фазе порождённого мировой войной мирового кризиса капитализма (открывающего возможность для гражданской войны) при всей общности стратегии слишком разные конкретные интересы разных компартий, особенно – германской и российской, приведут к принятию проблематичных политически-организационных решений. Надо было сначала прояснить путь русской революции и международное положение, а без этого анализа в КИ будут доминировать определённые интересы – советских большевиков.

Роза Люксембург (находясь в тюрьме) ещё в 1918 г. написала критику большевистской политики, хотя и с позиции солидарности, но после давления руководства Германской компартии из тактических соображений отказалась публиковать свои тексты[109]. Дучке считает, что это было ошибкой (S. 207).

[109] См.: Weber H. Der Gründungsparteitag der KPD. Protokolle und Materialien. – Frankfurt am Main: Europäische Verlag – Wien: Europa-Verlag, 1969. S. 44 и далее. (Всего: 356 S.)

Но большевики воспрепятствовали этой позиции немецких коммунистов. Г. Зиновьев говорил, что мы неизбежно должны основать 3-й Интернационал[110]. Но почему, спрашивает Дучке? Потому, что в этом стремлении выражается старое опасение российских пролетарских политиков, свойственное и большевикам, и меньшевикам: без поддержки русской революции со стороны западноевропейской, особенно – немецкой, неизбежным последствием будет поражение революции и реставрация ненавистной азиатчины.

Зиновьеву и другим русским большевикам удалось продавить свою позицию, несмотря на возражения немецких коммунистов, ещё и по причине слабости последних. Ведь убийство реакционерами руководителей немецких коммунистов (К. Либкнехта и Р. Люксембург) было не только важной причиной поражения немецкой революции 1918 г., но и чрезвычайно осложнило дискуссию между представителями успешной Октябрьской революции и всё ещё разгоравшейся в 1919 г. революции в Центральной Европе (S. 208).

Классовые и партийные интересы, вытекающие из специфики производственных отношений в разных капиталистических странах, должны были привести к революционной автономии отдельных членов Коминтерна как организации, призванной развернуть международную классовую борьбу. Но вместо этого они были затушёваны идеалистической целью всемирной революции. Поэтому удачные формы борьбы в немецких общественно-исторических условиях оказались не осознанными и не осуществимыми. Разные секции Коминтерна оказались зависимыми от Исполкома, а в основу организационной структуры была положена русско-советская теория партии как авангарда трудящихся. Сам факт победы Октябрьской революции казался подтверждением старой Ленинской гипотезы о доминировании капиталистических отношений в России, а тактика большевиков и организационная структура их партии – применимыми к Западной Европе и совершенно корректными для мировой революции (S. 208).

Это верно, что большевизм – новое качество революционной организации. Так как партия работала в крупных городах, положение рабочего класса России казалось идентичным положению пролетариата в Запад-

[110] См.: Протоколы 8 съезда ВКП(б) в марте 1919 г. – М.: Госполитиздат, 1959. С. 135 – 136. (Всего: 602 с.)

ной Европе. Но полуазиатский стагнирующий капитализм, не идентичен динамичному капитализму Западной Европы. Поэтому революционные организации последней должны были найти свой оригинальный путь в планировании и в руководстве антикапиталистического движения в них, что предполагает также и особую организационную форму, основанную на автономии компартий и пролетарских организаций разных стран. Ленинское революционное наследие надо было диалектически усвоить и снять в условиях европейских общественных отношений. А иначе получалось, что те, кто ещё не имел опыта революции и уж тем более – её победы, должен был некритично внимать тем, кто уже испытал такой опыт – русским большевикам (S. 209 – 210).

Именно это диалектическое снятие ленинского наследия и не было сделано в Коминтерне. Теоретической основой его деятельности стала идея Ленина о двух тактиках для стран высокоразвитого капитализма (Западная Европа и Америка) и недоразвитых обществ (колониальные и полуколониальные зоны). В 1-м случае главным является завоевание большинства рабочего класса, во 2-м – союз пролетариата и крестьянства[111]. Однако поскольку социально-экономическое положение России и Европы принципиально различно, универсальная тактика (даже и в двойственном её варианте) могла возникнуть только на высокой ступени абстракции и не могла стать практически действенной. А ведь Маркс и Энгельс предлагали пролетариату только постепенно приходить к общей теоретической программе, а реальная борьба за права трудящихся должны происходить в разных организационных формах, определяемых спецификой развития каждой страны[112]. Поскольку диалектический подход классиков марксизма не был

[111] Ленин В.И. Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 44: работы июня 1921 – марта 1922 гг. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 23, 32. (Вся работа: С. 23 – 34); Ленин В.И. Предложения к проекту «Тезисов по вопросу о тактике». // Там же. С. 55 – 56.

[112] «Поскольку различные отряды рабочего класса в каждой стране находятся в различных условиях развития, то неизбежным образом их теоретические взгляды, являющиеся отражением действительного движения, также отличаются друг от друга. Однако общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы.

реализован, в результате Коминтерн стал исполнять функции, аналогичные той, что делал правящий класс бюрократии в дореволюционной послепетровской России: Коминтерн стал органом влияния господствующей в Советской России партийно-государственной бюрократии на Европу и США, а не организацией, которая действительно боролась за освобождение трудящихся во всём мире (S. 210–211).

Заключение

Таким образом, Руди Дучке создал оригинальный труд, в котором предложил анализ причин невозможности социалистических идеалов быть осуществимыми в XX веке, несмотря на героические попытки большевиков и западных радикальных социалистов их реализовать. Революция произошла в стране полуазиатского стагнирующего капитализма и не была поддержана европейской антикапиталистической революцией. В результате после победы большевиков у нас возродился общественный строй с господством государственной бюрократии в лице сросшегося партийно-государственного аппарата над обществом. Не возникло универсальных форм общественного движения (Verkehr), что привело к тому, что социализм стал локальным, что создавало опасность его упразднения, пророчески предупреждал Дучке в 1974 г. с опорой на работы Маркса и Энгельса. Следовательно, Дучке стремился честно осмыслить причины неудачи первой героической попытки достижения посткапиталистического общества и найти оригинальные способы для новой попытки. При этом, согласно Дучке, именно *равноправный* союз между прогрессивной интеллигенцией и трудящимися массами может открыть новые пути перехода от общества необходимости к обществу свободы, при условии отказа интеллигенции от вождизма (в эту ошибку вождизма и впали большевики). Поэтому именно фигура Дьердя Лукача является наиболее важной для Дучке, поскольку исследование его творческого пути позволит осознать основные принципы такого равноправного союза.

Таким образом, в функции Генерального Совета не входит критическое рассмотрение программы Альянса». Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. – Т. 18: произведения, написанные с марта 1872 по апрель 1875 гг. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 12. (Вся работа: С. 1 – 46).

Сам Дучке по своему реальному положению в обществе, а также по выполненной им миссии одного из лидеров движения Новых левых в Германии во многом напоминал молодого Лукача. Этим и обуславливается его интерес к этой исторической фигуре. Также Дучке ощущал своё идейное родство и с российскими большевиками, так как он воспринимал их как буржуазных интеллигентов, разочаровавшихся в своём классе (вследствие понимания логики социального прогресса) и перешедших на позиции лидеров пролетариата. Намереваясь продолжить их дело, Дучке стремился по сути дела заложить основы научной теории посткапиталистической революции для будущих поколений, в чём и заключается высшее намерение (говоря языком К.С. Станиславского – сверхзадача) его творческой деятельности.

Очевидно, что такой интеллигент должен установить надёжные связи с народными трудящимися массами, чего всё же не удалось сделать Р. Дучке в силу того, что он был насильственным образом выброшен на периферию общественной жизни: путём покушения в 1968 г. и далее – посредством неформального остракизма со стороны буржуазных учёных Западной Германии в конце 70-х гг., в период краткосрочного улучшения его здоровья. После смерти Р. Дучке остракизм, хотя и ослабел, продолжился. В Германии это выражается в том, что к его интересной книге поддерживается недостаточно внимания. В России же ситуация до последнего времени была вообще вопиющая – кроме короткой статьи в Википедии, о Дучке не было известно ничего, не говоря уже и о его книге (которая в данном тексте была изложена далеко не в полном объёме – вероятно, потребуется небольшая монография в будущем, чтобы передать русскоязычным читателям остальные важные идеи Дучке, причём выраженные не только в рассмотренной книге – он ещё является автором целого ряда интересных статей).

На современной фазе развития капитализма (вновь вошедшего в состояние общего кризиса) представляется, что таким надёжным способом установления связей интеллигента с народом для является деятельность просветителя, причём желательно – не в элитарных учебных заведениях, и также на разных уровнях образования, от среднего до высшего. Это предохранит интеллигента по крайней мере от опасности превращения в кабинетного теоретика, а также будет способствовать улучшению стиля его текстов до состояния понятности любому образованному человеку (вплоть до уровня ученика 7-го класса с незатуманенными мозгами). Естественно,

просветительская деятельность должна смыкаться с постоянной научной работой, чтобы быть на высоте интеллектуального прогресса. И в таком случае сама жизнь откроет пути реализации стремления прогрессивного человека – содействовать становлению посткапиталистического общества, свободного от насилия и угнетения человека человеком.

Список литературы

1. Делягин М. «Закрывающие технологии» – золотой ключик к будущему. // Завтра.ру: Авторские блоги. Блог М. Делягина. URL: https://zavtra.ru/blogs/zakrivayushie_tehnologii_-_zolotoj_klyuchik_k_budushemu (дата обращения: 04.07.2023).
2. Ленин В.И. Выступления (29 октября 1917 г.). Протокольная запись. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34. С. 396.
3. Ленин В.И. Государство и революция. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений (в дальнейшем – ПСС). 5-е изд. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33: «Государство и революция» и подготовительные материалы к нему. С. 1 – 120.
4. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. // Ленин, В. И. ПСС. Т. 11: работы с июля по октябрь 1905 г. – М.: Издательство политической литературы, 1960. С. 1–131.
5. Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции. // Ленин В.И. ПСС – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 31: работы с марта по апрель 1917 г. С. 149 – 186.
6. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. // Ленин В.И. ПСС. Т. 27: работы с августа 1915 по июнь 1916 года. – М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 299 – 426.
7. Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин? (Предложение XII съезду партии). // Ленин В.И. ПСС. Т. 45: работы марта 1922 – марта 1923 гг. – М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 383 – 388.
8. Ленин В.И. Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». // Ленин В.И. ПСС. Т. 26: работы с июля 1914 по июль 1915 гг. – М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 13 – 25.
9. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции («Апрельские тезисы»). // Ленин В.И. ПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 31: работы марта – апреля 1917 г. С. 113 – 118.

10. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. // Ленин, В.И. ПСС. Т. 3: работа «Развитие капитализма в России» (1899). – М.: Политиздат, 1971. С. 1 – 609.
11. Ленин В.И. Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала. // Ленин В.И. ПСС. – Т. 44: работы июня 1921 – марта 1922 гг. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 23 – 34.
12. Ленин В.И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах. // Ленин В.И. ПСС. – Т. 7: работы, написанные в сентябре 1902 – сентябре 1903 гг. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 1 – 32.
13. Ленин В.И. Предложения к проекту «Тезисов по вопросу о тактике». // Ленин В.И. ПСС. – Т. 44: работы июня 1921 – марта 1922 гг. – М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 55 – 56.
14. Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. ПСС. – Т. 6: Работа «Что делать?» (1902) и произведения, написанные в январе – августе 1902 г. – М.: Издательство политической литературы, 1963. С. 1 – 192.
15. Лукач Д. История и классовое сознание. / Пер. с нем. яз. с коммент. и вступит. ст. Д. Поцелуева. – М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2017. 608 с.
16. Лукач Д. Что такое ортодоксальный марксизм? // Лукач Д. История и классовое сознание. С. 90 – 115.
17. Маркс К. Британское владычество в Индии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. (в дальнейшем: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.) – Т. 9: работы марта-декабря 1853 г. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1957. С. 130 – 136.
18. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 12: работы, написанные с апреля 1856 по январь 1859 года. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1958. С. 709 – 738.
19. Маркс К. Господин Фогт. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 14: работы, написанные в июле 1857 – ноябре 1860 гг. – М.: Гос. изд-во политич. литры, 1959. С. 395 – 691.
20. Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19: работы, написанные в марте 1875 – мае 1883 гг. С. 422 – 441.
21. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23: «Капитал», т. 1. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1960. С. 5 – 900.
22. Маркс К. Капитал. Книга вторая. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 24: «Капитал», т. 2. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 31 – 604.

23. Маркс К. Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50-ти тт. на русск. яз. – Т. 25. Часть 1: «Капитал», т. 3 и работы Ф. Энгельса, с ним связанные. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 26 – 505.
24. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. / Пер. на русский язык с английского языка. // Вопросы истории. 1989. №№ 1 – 4.
25. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 19: работы, написанные в марте 1875 – мае 1883 гг. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 116 – 121.
26. Маркс К. Письмо Н.Ф. Даниельсону в Петербург 10.04.1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34: письма К. Маркса и Ф. Энгельса за 1875 – 1880 гг. М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1964. С. 287 – 293.
27. Маркс К. Письмо Ф. Зорге в Хобокен 27.09.1877 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 34: письма К. Маркса и Ф. Энгельса за 1875 – 1880 гг. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1964. С. 227 – 230.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 18: работы, написанные в марте 1872 – апреле 1875 гг. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 1 – 46.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3: работы 1845 – 1847 гг. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 7 – 454.
30. Протоколы VIII-го съезда ВКП(б) в марте 1919 г. – М.: Госполитиздат, 1959. 602 с.
31. Савинков Б. (Ропшин В.) То, чего не было. / Роман (1914). – М.: Художественная литература, 1990. 402 с.
32. Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 06.06.1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 28: письма К. Маркса и Ф. Энгельса (1852 – 1855 гг.). – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1962. С. 216 – 223.
33. Энгельс Ф. Предисловие к III-му тому «Капитала» от 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 25. Часть 1: «Капитал», т. 3 и работы Ф. Энгельса, с ним связанные. – М.: Гос. изд-во политич. лит-ры, 1961. С. 3 – 26.
34. Bergmann U., Dutschke R., Lefèvre W., Rabehl B. Rebellion der Studenten oder die neue Opposition: Eine Analyse. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1968. 184 S.
35. Die Briefe von Karl Marx und Friedrich Engels an Danielson. / Hrsg. von K. Mandelbaum. Leipzig, 1929. URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/Marx_Engels_Correspondence.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

36. Dutschke (2009) – Full Movie. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wS82Z2zSHPU (дата обращения: 01.07.2023).
37. Dutschke R. Versuch, Lenin auf die Füße zu stellen. Über den halbasiatischen und den westeuropäischen Weg zum Sozialismus. Lenin, Lukacs und die Dritte Internationale. – Berlin: Claus Wagenbach Verlag, 1974. 349 S.
38. Dutschke-Klotze G. Wir hatten ein barbarisches, schönes Leben. Köln: Kiepenheuer and Witsch-Verlag, 1996. 512 S.
39. Engels F. Die auswärtige Politik des russischen Zarentums. // Die Neue Zeit, 1890. S. 183.
40. Grossmann H. Die Akkumulations- und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems. – Leipzig, 1929. 628 S.
41. Günter Gauss im Gespräch mit Rudi Dutschke: SWF, Zu Protokoll, Sendung vom 3. Dezember 1967. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SeIsyuoNfOg (дата обращения: 01.07.2023).
42. Hans-Jürgen-Krahl-Institut. URL: http://www.hjki.de/ (дата обращения: 14.07.2023).
43. Könen G. Der transzendental Obdachlose – Hans-Jürgen Krahl. // Zeitschrift für Ideengeschichte, Heft II/3. Herbst 2008. URL: https://gerd-koenen.eu/media/filer_public/c8/9e/c89ebc6b-cef5-4a4c-9f88-9af38c4fc832/der_transzendentale_obdachlose-krahl.pdf (дата обращения: 14.07.2023).
44. Krahl H-J. Erfahrung des Bewusstseins: Kommentare zu Hegels Einleitung der Phänomenologie des Geistes und Exkurse zur materialistischen Erkenntnistheorie. – Frankfurt am Main: Materialist-Verlag, 1979. 146 S.
45. Krahl H.-J. Kritische Theorie und Praxis // Krahl H.-J. Konstitution und Klassenkampf. – Frankfurt am Main: Neue Kritik, 1971. S. 295 – 303. (Вся книга: 444 S.). URL: https://cominsitu.files.wordpress.com/2021/02/hans-jucc88rgen-krahl-konstitution-und-klassenkampf_-zur-historischen-dialektik-von-bucc88rgerlicher-emanzipation-und-proletarischer-revolution.-schriften-und-reden-1955-1970-neue-kritik.pdf (дата обращения: 05.07.2023 г.)
46. Kramer F. Kollektivwirtschaftliche Ursprünge des Sozialismus in China und Russland. // Gesellschaftsstrukturen. / Hrsg. von Meschkat/Negt. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1973. 318 S.
47. Kramer F. Über den Sozialismus in China und Russland und die Marxsche Theorie der Geschichte. // Rotes Forum. Heft 3. S. 19.
48. Lenin W.I., Zinivowyev G.Yev. Gegen den Strom: Aufsätze aus den Jahren 1914 – 1916. – Petrograd – Hamburg: Verlag der Kommunistischen Internatio-

nale, 1921. 536 S.) URL: https://archive.org/stream/gegendenstromauf00zino/gegendenstromauf00zino_djvu.txt (дата обращения: 05.07.2023 г.)
49. Löwi A.G. Die Weltgeschichte in das Weltgericht. Bucharin: Vision des Kommunismus. – Wien – Frankfurt am Main – Zürich: Europa-Verlag, 1969. 419 S.
50. Lukatsch G. Der Bolschewismus als ethisches Problem. // Szabadgondolat: Zeitschrift für wissenschaftliche und politische Fragen. Sondernummer: Dezember 1918. / Übersetzung aus Ungarischen ins Deutsche von Th. Ehleiter. S. 1 – 4.
51. Lukatsch G. Partei und Klasse. // Lukatsch G. Taktik und Ethik. In: Lukatsch G. Werke. Bd. 2. Frühschriften: Taktik und Ethik; Geschichte und Klassenbewusstsein. – Neuwied und Berlin: Luchterhand Verlag, 1968. S. 70 – 78.
52. Lukatsch G. Taktik und Ethik. // Lukatsch G. Werke. Bd. 2. Frühschriften: Taktik und Ethik; Geschichte und Klassenbewusstsein. – Neuwied und Berlin: Luchterhand Verlag, 1968. S. 45 – 54. (Вся работа: S. 43 – 77. Весь том: 368 S.) URL: https://coghnorti.files.wordpress.com/2010/08/geschichte-klassenbewusstsein.pdf (дата обращения: 08.07.2023 г.)
53. Lukatsch G. Warum die ungarische Diktatur des Proletariats gestürzt? // Proletar. 29.07.1920.
54. Lukatsch G. Was ist orthodoxer Marxismus. // Lukatsch G. Taktik und Ethik. In: Lukatsch G. Werke. Bd. 2. Frühschriften: Taktik und Ethik; Geschichte und Klassenbewusstsein. – Neuwied und Berlin: Luchterhand Verlag, 1968. S. 61 – 69.
55. Luxemburg R. Aus Symphonie der Menschenliebe. // Der Kampf. München, 07.11.1919.
56. Marx K. Diplomatic History of the Eighteenth Century. – London: Free Presse, 1857.
57. Neusüss C. Imperialismus und Weltmarktbewegung des Kapitals. – Erlangen: Politladen-Verlag, 1972. 254 S.
58. Rjasanov D. Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. Ergänzungshefte zur Neuen Zeit. – Stuttgart: Dietz-Verlag, 1909. 64 S.
59. Ropschin W. Als wäre es nie gewesen: Roman aus der russischen Revolution. / Übersetzung ins Deutsch. Frankfurt am Main: Literarische Anstalt Rütten und Löning, 1913. 473 S.
60. Weber H. Der Gründungsparteitag der KPD. Protokolle und Materialien. – Frankfurt am Main: Europäische Verlag – Wien: Europa-Verlag, 1969. 356 S.

Раздел 3

ДИАЛОГИ ПОВЕРХ ГРАНИЦ

Лайош Андраш Киш
Университет Ниредьхазы, Ньиредьхаза, Венгрия

Терез Йенеи
Университет Ниредьхазы, Ньиредьхаза, Венгрия

РУССКИЕ ИДЕОКРАТИЯ И ДЕМОТИЗМ. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н. АЛЕКСЕЕВА

Аннотация. *В статье исследуются особенности русской государственной теории XX века, в первую очередь, через анализ работ Николая Алексеева по теории государства и философии права. В центре работы лежит анализ понятий идеократии, демотизма, гарантийного государства и органической демократии, которые, вероятно, малоизвестны западноевропейскому читателю. В настоящее время мы переживаем период кризиса либеральной демократии, именно поэтому при попытках обновления существующих социальных, политических и организационно-государственных моделей, творчество этого ученого может преподать много уроков.*

Ключевые слова: *государство, демотизм, идеократия, органическая демократия.*

Lajos András Kiss
University of Nyíregyháza, Nyíregyháza, Hungary

Teréz Jenei
College of Nyíregyháza Nyíregyháza, Hungary

RUSSIAN IDEOCRACY AND DEMOTISM. THEORY OF THE STATE IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF N. ALEKSEEV

Abstract. *The article examines the features of Russian state theory of the twentieth century, first of all, through an analysis of the Nikolai Alekseev's works on*

the theory of state and philosophy of law. The article centers on an investigation of the concepts of ideocracy, demotism, guarantee state and organic democracy, which are probably little known to Western European readers. Currently, we are experiencing a period of crisis in liberal democracy, which is why when trying to update existing social, political and organizational-state models, the work of this scientist can teach many lessons.

***Keywords**: state, demotism, ideocracy, organic democracy.*

Общеизвестно, что в годы, последовавшие за революциями 1917 года в России, значительная часть русской интеллигенции либо замолкла, либо была вынуждена эмигрировать (Николай Бердяев, Семен Франк, Лев Шестов, Федор Степун и другие). Особенную группу интеллектуалов-эмигрантов составляли ученые, обладающие философско-правовой и теоретико-государственной грамотностью, которые пытались разработать альтернативы системе власти советского типа, готовясь, тем самым, к возможному «лучшему будущему». Альтернативные теории государства, в большей части, интересовались типом государства, который можно описать в терминах демотизма и идеократии, одно из лучших описаний чего можно найти в статье Николая Николаевича Алексеева Евразийцы и государство, первоначально опубликованной в 1927 г.[113]

Николай Алексеев (1879-1964) родился в семье юристов, имеющем большие традиции. В начале XX века он получил диплом первой степени юридического факультета Московского университета. Как профессор философии и теории государства, в 1922 году Алексеев был приглашен в Карлов университет в Праге. Начиная с 1927 года регулярно публикуется в изданиях движения Евразийства. С этого времени он играет видную роль в разработке государственной теории Евразийства. Тщательно изучает организационно-правовую структуру молодого советского государства и не гнушается даже тем, чтобы позаимствовать ряд элементов принципа функционирования большевистского государства (абсолютизация роли государства и т. д.). Вместе с Савицким он остается верным движению даже на его закате (в 1930-е годы), однако от активного участия уходит. После 1945 года постепенно приближается к Советскому Союзу, даже принимает советское гражданство. Затем он несколько лет

[113] Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С.169-185.

живет в Югославии, но через год после разрыва отношений между Сталиным и Тито (1948) эмигрирует в Швейцарию.

Любому, кто возьмет в руки упомянутую работу Алексеева под заголовком «Евразийцы и государство», уже после прочтения первых страниц становится ясно: этот автор действительно имеет серьезную подготовку по теории права и по политической философии. Алексеев во введении статьи задается следующими очевидными вопросами: что это, собственно, за организация – Евразийское движение, и какие политические идеи движут его сторонниками? Можно ли это движение рассматривать, как партию? Если да, то есть ли необходимость в том, чтобы она проявляла себя в политическом театре, как некая однородная единица, или может дать платформу и для многообразия политических взглядов? „Должны ли мы стремиться к образованию единой партии? Если нет, то кто же мы? И каково наше место в государстве, которое мы считаем своим, нормальным, евразийским государством, так же, как и в государстве современном, в условиях текущей политики?”[114]

Чтобы ответить на заданные им же самим вопросы, Алексеев вкратце представляет существенные черты политической системы так называемых либеральных демократий, а также говорит об «альтернативной» концепции государства, свойственной только еще формирующемуся итальянскому фашизму. По мнению автора, политические партии в современном понимании были рождены свободной волей партийцев и сочувствующих (а не были созданы волей государства). Среди лиц, принадлежащих к партии, существует консенсус либо относительно общей цели, либо относительно средств, необходимых для достижения целей. Например, в случае с большевиками и меньшевиками разница между двумя партиями заключается только в средствах, необходимых для достижения цели, в то время как социалистические и буржуазные партии ставят перед собой радикально отличающиеся цели. „Ближайшей задачей всякой политической партии является завладение аппаратом государственной власти с тем, чтобы провести в жизнь свои основные цели (будем называть это «политическим действием»)”.[115]

В то же время, в современной политической жизни наблюдается и такое, когда не все парламентские партии ставят целью завоевание полити-

[114] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 169.

[115] Там же. С. 170.

ческой власти. Отдельные довольствуются «ролью вечной оппозиции», например, некоторые из западноевропейских социал-демократических партий. Эта роль весьма удобна: партии, которые постоянно находятся в оппозиции, могут с чистой совестью критиковать актуальную власть, ведь за свои решения они не несут никакой ответственности. В многопартийной демократической системе партия (или партии), получившие наибольшее количество голосов, приходят к власти, а другие партии должны подчиняться воле победителей, и мириться с этой ситуацией до тех пор, пока политическое настроение не изменится. Бывают партии, которым не хватает терпения «выждать нормального хода вещей», а хотят прийти к власти путем переворотного диктата. Это тот случай, когда некая партия приходит к власти, и хочет реализовать свою программу, не имея для этого парламентского большинства. „Диктатура может быть или «мягкой», – пишет Алексеев, – когда захватившая власть партия не уничтожает другие, допуская в известных пределах их деятельность; или же «жесткой», когда захватившая власть партия просто уничтожает остальное и становится единственно господствующей группой в государстве (например, фашизм в первой и в последней стадиях своего развития).”[116]

Исторически сложилось так, что западные демократические режимы сформировали два типа партийных систем, границы которых иногда сходятся. Первый вариант, в основном, характеризуется тем, что члены партии организованы в «действующее сообщество» не хорошо разработанной социально-политической доктриной (идеологией) или системой догм, а схожестью ответов на некий практический политический вопрос (например, какими быть системе налогообложения, избирательному праву или, хотя бы, сельскохозяйственной политике и т. д.). Эти партии, по Алексееву, можно назвать платформенными партиями или лигами. Лучшим примером такого является действующая в США партийная система, хотя английская тоже незначительно отличается от нее. Другой тип современной партийной системы представлен «чисто идеократическими партиями», особенно социалистическими: „Основой современных социалистических партий является известная общественная доктрина, известная концепция социально-политической жизни, даже некоторая философия. Таков, например, марксизм.”[117] То, что является целью по-

[116] Там же. С. 171.

[117] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 171.

литических действий для «платформенных партий», для «программных партий» является не более чем одним из возможных средств достижения идеологических целей. Было время, когда социалистические партии только «производили идеи», но не принимали участия в парламентской политической борьбе. Это отношение, со времен Лассаля и Маркса, изменилось. Правда, конечно, что занятие парламентской политикой представляет для этих партий лишь второстепенный интерес, потому что они видят свою настоящую задачу в переформировании общественного мышления, то есть хотят распространить в массах свою социально-политическую/идеологическую доктрину как новый вид «религии». Это – своего рода «социальная религия», которая, как видно, становится все более популярной в среде членов западного общества, особенно «пролетариата».

Но вопрос о партийной системе стоит рассмотреть и с социологической точки зрения, считает автор. Глядя на это таким образом, обнаруживаем, что иногда название партии (рабочая партия) и общественно-социологический статус членов и сторонников партии, во многом совпадают. Так обстоит дело, например, в Великобритании (особенно с британской Лейбористской – Рабочей – партией). Однако у большинства современных политических партий мы не находим такого совпадения. Особенно в случае с российской социалистической (большевистской) партией, где можно увидеть, что, хотя она и позиционирует себя как «представитель пролетариата», на самом деле ее реальной базой является «потерявшая свое место городская интеллигенция». Эта партия хочет взять на себя также представительство крестьянства, хотя сельское население не составляет даже десяти процентов членов партии. Все это можно подытожить так, говорит автор, что современная политическая партия, это некая «ассоциация», которая – в отличие от профсоюзов, трейд-юнионов и различных профессиональных организаций – в первую очередь не представлять хотела бы тот или иной социальный класс, прослойку, а стремится к тому, чтобы достичь своих собственных «автономных» политических целей. Отдельной категорией являются церкви (в основном, католическая) и различные тайные или полусекретные общества, как, например, масоны. Эти организации также ставят политические цели, однако эти цели являются лишь переходным этапом или промежуточной ступенью на пути к достижению «более высокого ранга», так называемой, трансцендентной цели. „Основные задачи масонства отнюдь не покрывают-

ся решением общественных проблем. Масоны имеют и религиозные, и нравственные задания, почерпнутые ими из довольно старых исторических традиций, и политика является только одним из частных планов их общей деятельности."[118]

После этого, Алексеев задается вопросом: исходя из только что изложенных концептуальных рамок, к какому «типу партий» на самом деле принадлежит Евразийское движение? Изначально ясно, говорит автор, что это не платформа и не лига, поскольку движение было организовано для представления некой идеологической системы взглядов. „У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, совокупность догм, целое миросозерцание, целая философия."[119] В этом отношении, евразийская идеологическая система очень близка к марксизму, по крайней мере формально. В то же время, в отличие от западных социалистических движений, Евразийское движение не рассматривает себя как некую «социальную религию», оно не считает, что какая-либо социальная система идей может решить основные проблемы человечества, то есть создать своего рода земной рай. Хотя попытки решить социальные проблемы, существующие в «земном мире», не являются совершенно никчемным занятием, на этой «платформе» можно добиться лишь частичного успеха. Следовательно, евразийский идейный мир, по крайней мере формально, намного ближе к миру религиозных институций (орденов) или масонства, чем к политическим партиям Западной Европы. С другой стороны, это движение также значительно отличается от антидогматических и «приватизированных» религиозных движений иезуитов или протестантских вольнодумцев (например, Якоба Бёме, Валентина Вайгеля и т. д). «Евразийская политическая идея» уходит корнями в восточное христианство, и, так по крайней мере считает Алексеев, истоки движения можно было бы обнаружить в «культуре старчества». В конечном итоге можно заявить, что это движение скорее следует рассматривать как своего рода (религиозный) орден, нежели как современную политическую партию. Затем Алексеев размышляет о том, какие возможности открываются перед Россией, возглавляемой большевистской партией, и как в этом возможном будущем может меняться политическая роль Евразийского движения. Один из возможных вариантов может заключаться в том, что – пройдя по медленному эволю-

[118] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 173.

[119] Там же. С. 173.

ционному пути – советская система трансформируется в многопартийную демократию и легализует меньшевиков, эсеров и др. Конечно, эта демократия была бы такой «второразрядной», как ныне можно наблюдать в Сербии и Болгарии. В такой ситуации у сторонников демотизма не было бы непосредственных задач, поскольку сформированная таким образом политическая система не пришлась бы им по вкусу, потому их задачей было бы скорее только пристальное слежение за событиями и неустанная организационная работа – аналогично католическому и социалистическому движениям. „Думается, что в умении приспособляться к нему мы должны многому научиться и у католиков, и у социалистов. И те и другие не являются поклонниками буржуазной демократии, которую, однако, весьма умело используют в своих целях."[120]

Возможно, однако, и то, что большевистская революция скоро задохнется, и наступит эпоха пустоты. Но даже в этом случае Евразийскому движению необязательно сразу сформировать партию и вступить в повседневные политические баталии. Движение должно строить планы не на краткосрочную перспективу, а на многие десятилетия вперед, и стремиться к постепенному изменению общественного мышления.[121] Другой возможностью могло бы быть насильственное свержение большевистского режима (внутренними силами). Однако и в этом случае Евразийскому движению не обязательно становиться активным участником событий. Такой поворот был бы сродни некоему коллективному бонапартизму, который сохранил бы фразеологию и основные элементы идеологии прежней системы. „Наконец, можно предположить, что переворот будет совершен или группой, близкой к евразийству, или самими евразийцами. Это ставит нас перед необходимостью немедленного построения по нашему собственному плану. В каком отношении мы будем стоять тогда к партийному началу? Будем ли «партией» в процессе построения своего государства и сохраним ли форму партии, когда государство это будет построено?"[122]

[120] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 176.

[121] Нам кажется, что эти мысли Алексеева недалеки от теории гегемонии Антонио Грамши, которую итальянский мыслитель разработал именно в этот период. Конечно, здесь и сейчас мы не имеем возможности провести более основательный сравнительный анализ.

[122] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 177-178.

Марлен Ларюэль говорит, что демотическое государство – это прежде всего духовное образование, которое не только соответствует характеру нации и исповедуемой нацией религиозной системе, но и само является, можно сказать, религиозным явлением.[123] В соответствии с толкованием Алексеева: „Евразийское государство является политическим образованием, как мы говорим, демотической природы. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует «народной воле».”[124] Алексеев говорит, что если бы понятие народного суверенитета не была дискредитирована западными демократиями, то даже этим понятием можно было бы описать евразийский демотизм. Однако же его дискредитировали, потому что западные демократии теперь уже ничего общего не имеют с органической волей народа! Такие политические системы представляют собой суверенитет дезорганизованных и анархических сил, механическое агрегатирование различных частичных устремлений. Западная демократия подменяет истинную волю народа опасной иллюзией «аморфной массы». „Мы считаем «народом» или «нацией» не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры.”[125] Марлен Ларюэль видит в этих взглядах поразительное сходство с итальянским фашизмом и тогдашними концепциями государства у французских ультраправых (Баррес и Моррас).[126] Принадлежность к нации выражается не абстрактной правовой связью гражданскости (citoyenneté), а географической, исторической и генетической трансмиссией «земли и мертвых». Для представителей Евразийской идеи существует также четко определяемая иерархия сфер культуры. В самом низу находится материальная культура, выше – государство, а в самом верху – сфера духовных благ. Тем не менее, государство находится на вершине общественного здания, потому что истинное государство выражает сущность нации, как божественный принцип. Ларюэль видит в евразийском демотизме выражение

[123] Marlène Laruelle, L’ideologie eurasiste russe ou comment penser l’empire. Paris: L’Harmattan, 1999. P. 126.

[124] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 178-179.

[125] Там же. С. 179.

[126] Laruelle M. Op. cit. P. 126.

своего рода крайне этатисткой позиции. Заодно, абсолютизации государства можно ставить в соответствие доктрину правового монизма. Это означает, что евразийское государство пытается объединить или «синтезировать» правовую, моральную и религиозную сферы. «Понятие монизма – что так любит использовать Алексеев – предлагает своего рода юридическую формулу для органицистской философии. Если политика органична, это означает, что она возникает спонтанно, регулируется сама собой; она рождена внутренним динамизмом, и является она свободной, а не искусственно созданной вещью. В то же время она сингулярна, то есть выражает себя саму, и обладает тотализирующей силой в своих проявлениях».[127] Ларюэль говорит, что эти идеи, частично, были заимствованы представителями евразийской теории у представителей немецкого романтизма (например, у Мюллера). Согласно этому, государство – это идеальная сфера, теоретическое поле чистой тотальности, всеобъемлющая и обществом не дифференцированная сфера. Индивид не может выйти из этой сферы; человека нельзя даже представить как существо вне государства, с другой стороны, государство, в любом случае, не поддается вмешательству человека. В евразийском органицизме религия, общество и политика тесно взаимосвязаны, они отделимы друг от друга разве лишь для аналитического рассмотрения. Как мы видели выше, демократическое государство – это как раз наоборот: различные партии и организации хотят привести в действие собственные «особые истины».

После этих промежуточных замечаний я хотел бы вернуться к вопросу, который был задан Алексеевым о том, что думают представители Евразийской идеи о будущем партий в той демотической системе, которую они себе представляют. „Новый же тип государства требует, чтобы тот общественный слой, который является носителем стабилизированного общественного мнения, из политической партии в европейском смысле этого слова превратился бы в органическую часть государства. Мы видели уже, что такими частями являются территориальные элементы республики, ее профессиональные и национальные клетки. Правящая партия должна быть поставлена наряду с ними, как носительница органической государственной идеи.”[128] Из всего этого следует, что партии, существующие в западных демократиях, в демотическом государстве становятся лишними. Западная

[127] Laruelle M. Op. cit. P. 127.

[128] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 183-184.

демократия, в сущности, является «презентократией». А именно потому, что поколение актуального электората приписывает себе всю власть, то есть оно хочет одинаково господствовать над «живыми и мертвыми». В добавок, в западных демократиях «общественное мнение» – довольно изменчивое явление. Под влиянием политической пропаганды и рекламы (сегодня мы бы сказали СМИ) люди готовы голосовать за что угодно и за отрицание чего угодно. Ничего хорошего из бесконечных баталий партий не выходит, поэтому лучше всего было бы бросить все это. Вот этот поворот и происходит в демотизме, ведь здесь управление государством принимает на себя уже именно «элита, обладающая коллективной мудростью». Евразийская партия, по сути, управляет государством, как своего рода «партия, стоящая вне партий». Но как же выбирается элита, которая стоит над партиями? Легко видеть, что этим вопросом мы как раз и попали в ахиллесову пяту демотизма. Однако теория демотизма даже на этом скользком поле находит искусный выход. Если мы попытаемся дать определение правящему классу, то это определение не должно иметь политической ставки, по крайней мере так считают представители Евразийского движения. Потому что, как говорит Алексеев, мысли, решения и выбор индивидов всегда коренятся в каком-то сверхиндивидуальном сознании и воле. И это верно в отношении семьи, племени, некоторой социальной группы или даже нации. Своего рода органическая связь объединяет население. Вот почему сама вера в сплоченность сообщества работает как принцип отбора при создании ведущей элиты!(?) «Ведомые», которые, каким-то образом, все-таки «одной сущности» с членами правящей элиты, принимают этот «естественный отбор», поскольку сбалансированное функционирование демотического государства оправдывает полезность отбора, и, с другой стороны, коллективная гармония, которая может зародиться таким образом, (если опираться на набор понятий, используемых евразийскими теоретиками, то термин «симфоническая гармония» был бы более уместным) частично даже массы поднимет на высоту ведущего слоя. Одна из менее известных фигур движения, Яков Садовский, вне сомнений элегантно формулирует суть этого парадокса: «Правящий Слой, как организованное меньшинство, воплощает волю бессознательного Целого.»[129]

[129] Цит. по: Stefan Wiederkehr: Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Köln-Weimar-Wien, Böhlau Verlag, p. 136.

Один из особых, но очень даже существенных вопросов построения будущего евразийского государства, связан с установлением новых отношений собственности. Каким должно быть будущее государственной собственности, созданной большевистской системой? В своей обширной статье, опубликованной в 2000 году, немецкий историк права, который изучал историю российской и византийской правовых систем, Фридрих фон Халем, уделяет первостепенное внимание анализу исследований Николая Алексеева по этому вопросу.[130] В одной публикации 1926 года по философско-правовым воззрениям, свойственным евразийской идеи, есть статья, вероятно, из-под пера Алексеева, в которой можем прочитать следующее: «В России, несмотря на все усилия царских университетов, римское право не могло по-настоящему прижиться. Основные постулаты римского права весьма далеки от духа русского правосознания. Наилучшим образом видно это в очень важной области проблем, а именно в вопросе собственности (…). Фанатизм, с которым выступают защитники постулата о том, что 'русский мир', на самом деле, является анахронизмом, или, скорее, просто сфабрикованной теорией, и что русский крестьянин, в действительности, по самой своей особой природе является эгоистичным частным собственником, в действительности, свидетельствует лишь об идеологическом предубеждении, но не о фактах (…). В русском правосознании (как этот факт лучше всего, притом безо всяких предубеждений, все время и сформулировали представители рассматриваемой точки зрения, и как он поныне существует, как живая реальность в современном крестьянском обществе) собственность существует исключительно связанной с обязательством перед целым, и только в этом случае и обладает функциональным значением. Конечно, можно проводить сравнения с Древним Римом и со средневековой феодальной Европой, однако, если заниматься такими параллелями, то особо подчеркнуть требуется именно различия».[131]

Далее Алексеев разъясняет, что в средневековой Европе все было основано на межличностных отношениях, и что государство также распоряжалось своей землей и своими правами, как если бы оно и было человеком. Все же, при таком сравнении следует иметь в виду, что «в

[130] Halem, Friedrich von: Die Rechtsansichten der Eurasier – Rechtsordnung oder Wertordnung? In: Studies in East European Thought, 52 , 2000. Pp. 7-47.

[131] Halem, Friedrich von. Op.cit. P. 28.

Риме и Европе понятие ’собственность’ конституировалось исходя из личности, и что все права симфонической личности, государства или сообщества развились из концепции частной собственности в личностном имущественном праве».[132] В дальнейшем, результаты этого развития и были зафиксированы в виде права на святость собственности и на неприкосновенность личности. А если государство все же ограничивало бы это право, то это следовало бы рассматривать, как особую государственную необходимость, которая с своей основе содержит нарушение некого правового положения (Rechtsposition). Даже социалисты не говорят, что здесь государство делает какой-то законный шаг, а что оно «экспроприирует», то есть, в конечном итоге нарушает существующее правовое положение. «Социализм только переводит собственность, как понятие личностного права, в противоположное, поскольку оно развилось из нормального европейского правосознания в применении к личности. В России собственность всегда рассматривалась с точки зрения государства, и, исходя из этого, она интерпретировалась в морально-религиозном измерении».[133]

Затем Алексеев связывает проблему евразийской «интерпретации собственности» с тем фактом, что большевистская революция вновь подняла роль государства в центр внимания, хотя – в отличие от евразийского подхода – она и основывала ее на социалистических, то есть, в конечном счете, европейских принципах мышления. Тем не менее, этот «государственно-центричный поворот» отчасти выгоден особым чаяниям Евразийского движения, поскольку большевистская революция вновь передала лицензирование частной собственности в компетенции государства, – т.е. собственность стало возможным отобрать в любой момент – и связала факт владения с обязанностью перед государством. С другой стороны, говорит Алексеев, современная экономика требует также правовой безопасности, то есть государство обязано защищать собственность от

[132] Ibid. P. 28. Как Халем и сам отмечает, «симфоническая личность» – сложное понятие из философии религии. «Если существенно упростить, смысл его можно резюмировать, как означение того, что понятие ’симфоническая личность’ находит свое место в сообществе, в котором доминирует определенный набор ценностей, что используется на Западе как понятие ’юридическое лицо’. От последнего оно отличается главным образом тем, что ’симфоническая’ личность предполагает наличие коммунального сообщества». (Ibid. P. 46.)

[133] Halem, Friedrich von. Op.cit. P. 29.

внешних нападений. Однако, в обмен на безопасность, которую ему обеспечивают, предприниматель постоянно должен ощущать на себе «бдительный взгляд» государства. Тем не менее: «Условность частной собственности не должна приводить к некой постоянной, неопределенной угрозе: условия должны быть оговорены в пределах четко определенных законных рамок, и эти законы должны содержать как можно меньше ограничений (…)»[134] Имея дело с этими проблемами, государству полагается показать себя осторожным, и терпеливо выждать, как будут стабилизироваться дела через несколько поколений.[135]

В основе только что изложенных идей «государственного права» лежат также некоторые геополитические соображения: сторонники Евразийского движения предполагали создание евразийской «самодостаточной континентальной экономики» таким образом, что координацию между отдельными отраслями выполнит разделение труда между великими территориями, и что эта задача, естественно, должна быть организована «централизованно и по-государственному». Потому, как об этом пишет Видеркер, представители Евразийского движения, в первую очередь, критиковали не советскую плановую экономику, а лишь ту односторонность советской экономической философии, которая была направлена исключительно на индустриализацию любой ценой. «Потому что это стремление нарушило один из важнейших принципов евразийской экономической политики, а именно 'гармонию частей'. Евразийцы на самом деле не хотели ликвидировать частную хозяйственную деятельность. Их цель, скорее состояла в том, чтобы поставить индивидуальную творческую энергию на службу плановой экономики в рамках смешанной 'государственно-частной системы хозяйства'. Иными словами, они считали, что личные интересы отдельных людей следует рассматривать как двигатель экономики, но эти интересы должны быть направлены государственным планом в правильную сторону.»[136] Поскольку идеократическая система основана на взаимозависимости частей и целого, представителям движения даже не приходило в голову, что в сотрудничестве индивидов и сообщества могут возникнуть непреодолимые противоречия. Таким образом, сторонники Евразийского движения пристально следили за проис-

[134] Цит. по: Halem, Friedrich von. Op.cit. P. 29.
[135] См.: Halem, Friedrich von. Op.cit. P. 29.
[136] Wiederkehr S. Op.cit. Pp. 142-143.

ходящим в Советском Союзе, и реагировали на то, как там развивались события. «Капитализм, как продукт западноевропейской истории, они последовательно отвергали. А идея плановой экономики, с момента ее рождения, то есть с начала первой пятилетки, играла центральную роль и в их идеях.»[137] Хотя и критиковали вредные отростки советской плановой экономики, тем не менее они сделали ее наиболее важные видения частью своей собственной идеологии. Исходя из всего этого, я считаю, что классическую Евразийскую идею можно рассматривать не как чисто тоталитарную, а как архео-современную, квазитоталитарную идеологию.

В 1937 году Алексеев опубликовал еще одну важную статью под заголовком «О гарантийном государстве», в которой кратко резюмировал структуру и функционирование государственной организации, которую он считал идеальной.[138] Алексеев приводит аргументы, что, вопреки хорошо известным анархистским и социалистическим взглядам, сегодня не обнаруживается никаких признаков «смерти государства». Напротив, повсеместно исследуются возможности новых моделей государственного строительства. „Образ нового государства ассоциируется у автора настоящей статьи с идеей государства гарантийного. Она была не раз названа в евразийской литературе. Попытаемся более детально раскрыть ее содержание и ее смысл.”[139] Автор, качестве первого шага, следуя правилам апофатического рассуждения, не о том говорит, каково гарантийное государство, а о том, каким оно не является. Гарантийным является не государство, которое не ставит перед собой никаких положительных целей, это не такое государство, у которого нет никакой программы, и не государство, которое любой ценой хочет релятивизировать значение различия между добром и злом. Формальные демократии систематически стремятся отстаивать релятивизм, и все это обосновывают ссылкой на конфликтующие интересы партий. Однако, такого рода концепция государства обязательно ведет к созданию доктринального государства, поскольку каждая из различных партий стремится навязать гражданам собственные политические, идеологические и религиозные убеждения. „Гарантийное государство отличается от доктринального тем, что в нем

[137] Ibid. P. 143.

[138] Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 372-385.

[139] Там же. С. 372.

обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая может рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений."[140] Поскольку религиозные и философские убеждения являются в высокой степени интимными, кажется благоприятнее оставить их в мире частной сферы, потому что их политическое использование в утилитарных целях приводит исключительно к массовому лицемерию.

Если осмыслить гарантийное государство с точки зрения философии права, наиболее очевидной его чертой является то, что оно закрепляет, в первую очередь, не права граждан, а обязанности государства. „Гарантийное государство не отрицает «прав граждан», которые провозглашались в буржуазно-демократических декларациях, но оно считает, что права эти висят в воздухе, если они не гарантированы обязанностями государственного целого."[141] Алексеев резюмирует необходимые государственные гарантии в пяти пунктах.

Во-первых, гарантийное государство ставит целью освобождение граждан от материальной нищеты и бедности, а также гарантирование каждому наличие финансовой базы, необходимой для ведения нормальной жизни. Во-вторых, гарантийное государство предоставляет доступ к важнейшим культурным ценностям. Далее, оно не отрицает «негативной» внутренней свободы индивидов, и считает естественным для граждан формирование своей личной идентичности в соответствии со своими собственными вкусами. В то же время противостоит нивелирующим усилиям, которые исключили бы возможность формирования национальной и иной групповой идентичности. Гарантийное государство не только регулирует различные сферы общественной жизни, но при этом поддерживает активное участие граждан в политической, экономической и культурной жизни страны с тем, чтобы государство могло опереться на максимально широкую легитимность (это – основной принцип демотизма). „Пункты эти отделяют принципы гарантийного государства от различных политических тенденций современной жизни, определяющих государственные образования иного стиля и иной природы. Гарантийному государству чужд всякого рода экономический романтизм, стремящий-

[140] Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве. С. 373.

[141] Там же. С. 374.

ся к реставрации отживших и технически низших форм хозяйства. Ему чужд в то же время и экономический материализм, который на экономику смотрит как на некоторую «цель в себе». Оно не разделяет предрассудков либерализма, считающего, что свобода в государстве возможна без организации экономической и социальной. Оно одинаково чуждо и нивелирующему интернационализму и всякому политическому, принудительно проводимому национализму."[142] С другой стороны, бесспорно и то, что каждое государство для достижения своих целей также использует средства принуждения. Гарантийное государство – не исключение. Для принуждения существуют «внешние средства», такие как физическое принуждение, что в гарантийном государстве может использоваться только в исключительных случаях. Правление и подчинение уже сами предполагают наличие физического насилия, хотя существует также своего рода духовная натуральная связь между носителями власти и покоренными. На самом деле властные отношения всегда иррациональны, потому что в них есть некая гипнотическая магическая сила. И не случайно, что уже на заре истории были шаманы и колдуны, которые убедили членов сообщества принять необходимость асимметричных отношений. Сегодня эту роль исполняют средства массовой информации и пропаганда. Хотя во многом понятны, однако очень опасны стремления устранить всякую асимметрию социальной жизни во имя какого-то утопического будущего. Теория гарантийного государства строится больше на законах и авторитетных лидерах. В гарантийном государстве лидеры должны завоевать авторитет своей контролируемой профессиональной деятельностью.

Однако, дойдя до этого, обязательно возникнет следующий важный вопрос: какова гарантия того, что гарантийное государство действительно выполнит обещания, которые оно «гарантирует»? Западные демократии, обычно, подходя к этой проблеме, описывают граждан и государство, как две противоположные, «враждебные» группы, где граждане – как правило, через избранный парламент – постоянно контролируют функционирование государственной власти. „Эти и им подобные представления возникли оттого, что в буржуазно-капиталистическом строе государство действительно отражало противоположности классовых интересов богатых и бедных. Властвующими и правящими были представители интересов имущих, подвластным «народом» – неимущие

[142] Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве. С. 376.

и трудящиеся."[143] Гарантийное государство построено по противоположной логике: в этом мире миссия народа состоит не в том, чтобы организовывать противоборствующие группы внутри государства, а именно в том, чтобы защитить государство от враждебных действий, которые, конечно же, всегда проявляются в новом обличье. „Нужно понять, что «оппозиция» не есть принцип государства, но только тактика, применяемая в некоторых исторических государственных формах в государстве монархическом, перерождающемся в буржуазную демократию, и в государстве буржуазно-демократическом, испытывающем постепенную ломку своих социально-экономических отношений. Там, где этот строй уничтожен, тактика эта превращается в противоположную. Народ перестает чувствовать себя враждебным государству и стремится концентрировать свои силы в защиту и поддержку государства."[144] Гарантом в этой новой ситуации будет формирующееся демотическое руководство, которое серьезно относится к ценности и достоинствам своей ответственности перед народом в целом. Гарантийное государство не отрицает целиком исторически оправданное наследие либеральных демократий, как, например, важность народного представительства. Гарантийное государство обращает внимание на чаяния и потребности народа, и стремится их удовлетворить. Статика и динамика этого государства представляют собой такой режим, который можно было бы назвать демотической идеократией или идеократической демократией.

Другим вопросом звучит: можно ли назвать гарантийное государство демократией? Во-первых, стоит различать демократии в абсолютном и более узком смысле, говорит Алексеев. Первая версия воплощена в прикловой интерпретации демократии, которая дает каждому отдельному человеку одинаковые права, и не обеспечивает преимуществ меньшинству. Права на льготы могут быть получены только за дополнительные услуги, предоставляемые государству. Но существует и более узкое толкование демократии, которое можно назвать «народным управлением самим собой». В принципе и здесь достигается полное равенство, так как каждый имеет «право» занимать любую должность в управлении государством. В действительности, однако, имеется только «равное право» голосовать на выборах, потому что конкретное управление функционированием государ-

[143] Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве. С. 379.

[144] Там же. С. 379-380.

ства осуществляется уже партиями и отдельными лицами, получившими большинство голосов. „Народ голосует только при выборе депутатов, а эти последние уже именем народа голосуют государственные дела и выбирают от себя ответственную исполнительную власть."[145] В перикловой демократии нет привилегий, потому что такие стремления легко разоблачаются. Иная ситуация в случае представительной демократии. Здесь государство выбирает косвенные средства для достижения своих целей, которые, из-за случайностей в референдумах, часто дают «результаты, противоречащие интересам народа». Вот почему необходимо терминологическое уточнение: определенную Периклом демократию лучше было бы называть не демократией, а демотизмом. Ведь в этом государстве одинаково „дело идет о социальном содержании государства, о его истинно «народном» характере. Во втором дело идет именно о народоправстве, о самоуправлении народном – и ему мы оставляем наименование демократии, что вполне соответствует и филологическому составу этого слова."[146] Теперь можно и ответить на вопрос об отношении гарантии и демократии, говорит Алексеев. „(...)гарантийное государство не может не быть государством демотическим, что же касается элементов народоправства, то они должны в нем присутствовать, но не могут быть абсолютизированы. В нормальном порядке государство должно стремиться к самоуправлению, но из парламента, референдума, плебисцита, депутатских полномочий, выборов, избирательных систем народ не должен делать каких-то идолов. Нужно помнить, что демократия есть только средство для упрочения демотического порядка и там, где эти средства впадают в конфликт с идеей демотии, там они становятся непригодными и отменяются".[147] Наконец, последний вопрос: должно ли гарантийное государство быть республикой или монархией? Это, конечно, такой же бесполезный вопрос, как о том, является ли человек существом с черными или рыжими волосами? А он вполне может быть и блондином. Суть в том, что гарантирующим государством не может быть диктатура, не может быть тирания ни отдельного индивида, ни коллектива. А вот если мы возьмем за основу цицероновское толкование выражения *res publica*, то мы можем сказать, что гарантийное государство действительно должно быть государством Общего Дела.

[145] Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве. С. 382.
[146] Там же. С. 383.
[147] Там же. С. 383.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
2. Laruelle M. L'ideologie eurasiste russe ou comment penser l'empire. Paris, L'Harmattan, 1999.
3. Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2007.
4. von Halem, F. Die Rechtsansichten der Eurasier – Rechtsordnung oder Wertordnung? In: Studies in East European Thought, 52, 7–47 (2000). https://doi.org/10.1023/A:1026432620537

Анна Юрьевна Шачина,
независимый исследователь
Мурманск, Россия

К ВОПРОСУ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И. КАНТА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Аннотация. *В главе раскрывается суть политического образования в русле философской педагогики Канта и его последователей, синтезированной с философией диалога М.М. Бахтина. Ориентиром политического образования является развитие в гражданах способностей участвовать в дискуссиях о коллективных целях, о всеобщем интересе, который будет осуществляться в результате деятельности демократического правового государства.*

Этот интерес конкретизируется через коллективные целеполагания на всех уровнях, а затем наступает процесс целедостижения на основе демократического самоуправления. При этом граждане государства будут сознательным образом следовать принципам общественного договора, лежащим в основе правового устройства государства, так как будут воспринимать государство как результат деятельности разума, и в свою очередь будут соучаствовать в этой деятельности, обогащая содержание правовых норм, лежащих в основе институциональной системы своего общества.

Свобода оказывается возможной в форме взаимной зависимости и деятельности по достижению взаимопонимания. Именно поэтому содержание патриотизма не может быть определено извне и навязано гражданам, а может быть только выражением реального опыта реализации идеалов разума в политической действительности.

Ключевые слова: *патриотизм, всеобщий интерес, космополитизм, социальная свобода, демократическое самоуправление.*

Anna Shachina,
independent researcher
Murmansk, Russia

TO THE ISSUE OF THE POSSIBILITY AND NECESSITY OF POLITICAL EDUCATION (BASED ON THE PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL THOUGHT OF I. KANT AND HIS FOLLOWERS)

Abstract. *The chapter reveals the essence of political education in tradition of the philosophical pedagogy of I. Kant and his followers, synthesized with the philosophy of dialogue by M.M. Bakhtin. The focus of political education is the development in citizens of the ability to participate in discussions about collective goals, about the general interest that will be realized as a result of the activities of a democratic rule of law state. This interest is concretized through collective goal setting at all levels, and then the process of goal achievement begins on the basis of democratic self-government. At the same time, citizens of the state will consciously follow the principles of the social contract underlying the legal structure of the state, since they will perceive the state as the result of the activity of reason, and in turn will participate in this activity, enriching the content of the legal norms underlying the institutional system of their society. Freedom turns out to be possible in the form of mutual dependence and activities to achieve mutual understanding. That is why the content of patriotism cannot be determined from the outside and imposed on citizens, but can only be an expression of the real experience of realizing the ideals of reason in political reality.*

Keywords: *patriotism, general interest, cosmopolitanism, social freedom, democratic self-government.*

Введение: к вопросу о необходимости переосмысления понятий демократии и политического образования в ситуации всемирного кризиса

В условиях глобального кризиса возможность разумного социального устройства как такового ставится под сомнение. С точки зрения большинства, демократии себя не оправдали, но полагаться на соблазнитель-

ные идеи технократии и экспертократии вряд ли можно. В связи с этим настало время для критического рассмотрения понятия демократии и связанного с ним понятия политического образования, чтобы избежать опасностей, вытекающих из неправильного толкования этого понятия.

Идеи мыслителей Франкфуртской школы: Т. Адорно, А. Хоннета, Р. Форста и др., продолжающие в том числе философию И. Канта и его последователей; идеи ведущих педагогов Германии второй половины XX – первой четверти XXI вв., а также идеи М. Бахтина (на которого философия И. Канта оказала большое влияние), дают нам методологию понимания возможности свободного и разумного общественного заказ. Инструментализация человека ради интересов государства идет вразрез с реализацией личностью своего потенциала в интересах человечества и своих собственных, со свободным применением сил, т. е. производительностью. В то же время государство является гарантом возможности реализации свободы каждого гражданина, а само понятие гражданина предполагает заинтересованность каждого в успехе функционирования государства. Следовательно, цели государства могут быть реализованы только в том случае, если они созвучны целям граждан.[148]

Диалектика индивидуальной свободы заключается в том, что её полное развитие невозможно только на основе индивидуальных усилий. Неолиберализм не принимает во внимание изначальную социальность каждого субъекта, укоренённость личности в сообществе других разумных существ. Поэтому разрыв связи с целым приводит к патологиям, которые могут проявляться вплоть до потери смысла индивидуального развития. Подлинное целеполагание предполагает такое отношение к другим, при котором субъект рассматривает реализацию планов деятельности каждого члена сообщества и всех вместе как предпосылку успеха реализации своих целей и интересов. Это значит, что люди будут действовать не вопреки друг другу, а вместе друг с другом и друг для друга. В этом состоит суть социальной свободы, осуществление которой, по мнению Акселя Хоннета, является главной характеристикой социализма и одним из трёх компонентов в его определении понятия свободы. Представляется необходимым уточнить, что, по А. Хоннету, свобода состоит именно из трёх компонентов: негативной сво-

[148] По этому поводу см.: Шачина А.Ю., Шачин С.В. Государство как гарант свободы и деятельность как ее реализация. // Государственная служба: научный журнал. М.: Изд-во РАНХиГС, 2019. № 5. С. 17–23.

боды (Т. Гоббс), рефлексивной свободы (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Гердер) и социальной свободы (Г. Гегель, К. Маркс). Игнорирование одной из составляющих свободы неизбежно ведет к патологиям личности и общества. При полноценном осуществлении свободы цели каждого смогут реализовываться именно потому, что они будут иметь опору в рационально устроенной социальной реальности[149].

Актуальность идей педагогической мысли России и Германии во второй половине XX в.

Вторая половина XX века предоставила педагогам много материалов для размышлений о возможности и необходимости нового обоснования систематической педагогики, в основу которой должна была быть положена теория образования. Это было время развития таких педагогических направлений, как гуманистическая и скептическая трансцендентально-критическая педагогика в Германии, в России же знаниевую парадигму в образовании сменил личностно-ориентированный подход (С.В. Бондаревская, В.В. Сериков и мн. др.). Эти направления столкнулись с вызовом, обусловленным необходимостью переосмысления роли политического в образовании и обучении. Учёные-педагоги осознали важность философии для обоснования педагогики в её теоретической и практической субстанциях, для постижения её принципов и критериев значимости, которые, как оказалось, не могут претендовать на истинность только лишь благодаря эмпирическим фактам и доказательствам. Не отрицая важности эмпирического для педагогики, учёные в сфере воспитания поняли непреложную истину, что педагогика не может и не должна быть эмпирической, подобно естественно-научным дисциплинам. Те, кто признавал необходимость критического мышления, выходящего за пределы опыта, в поисках опоры в трансцендентальных обоснованиях обратились к философским трудам Иммануила Канта, запрещающих любую объективацию и, тем более, ин-

[149] По этому поводу см.: Шачина А.Ю., Шачин С.В. Обзор книги Хоннет А. Право свободы: Очерк демократической нравственности. // Кантовский сборник. Калининград, 2012. № 1 (39). С. 91–101. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/4b5/wrjhqxqtuteo%20be._91-100.pdf (дата обращения: 08.08.2023); Шачин С.В., Шачина А.Ю. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета. // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб.: Изд-во СПб филиала Института социологии РАН, 2022. № 1 (25). С. 52–69. URL: http://jourssa.ru/files/volumes/2022_1/Shachin_Shachina_2022_1.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

струментализацию человека. Очевидно, что педагогика становится систематической наукой, на формирование оснований которой (даже если не все это знают и осознают) огромное влияние оказала критическая философия кёнигсбергского мыслителя; и его работы по антропологии и педагогике, помимо собственно «Критик…», так же важны для того, чтобы реконструировать его педагогическую систему (столь необходимую для понимания нынешней и возможных будущих изменений), которая вдохновила многих выдающихся мыслителей, внёсших существенный вклад в развитие данной научной дисциплины.

Дискуссии о роли политического в воспитании в педагогической мысли Германии второй половины XX в.

В связи с этим обратимся к истории послевоенной Германии, поскольку она сумела освободиться от ложной модели политического образования и образования вообще, но затем в результате огромной работы и теоретиков, и практиков педагогики сумела найти истинную модель – и этот опыт, как и содержание такой модели политического образования, будут интересны российским читателям.

После Второй мировой войны речь шла о самоопределении человеческой личности как главной цели образования, о требовании «оторваться от всего, что препятствует самоопределению или вовсе делает его невозможным», о «сомнительности проектирования какого бы то ни было образа человека»[150]. Это объяснялось тем, что жестокие последствиях дискредитированного национал-социализмом образа человека еще были живы в памяти. Лейтмотивом образования стал призыв Т. Адорно: все меры направить на то, чтобы не повторился Освенцим. Каждая мысль, претендующая на значимость для педагогической науки, проходила контроль на отсутствие потенциала к насилию над человеческой личностью, а первым неэмпирическим критерием в образовании провозглашался отказ от всего бесчеловечного (Х. фон Хентиг). Автономию субъекта надлежало рассматривать как защиту от возможного угнетения со стороны государства, как противодействие диктатуре[151]. В обосновании провоз-

[150] Ср.: Heitger, Marian: Systematische Pädagogik. – Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2003. – S. 56 – 57.

[151] Ср.: Heitger, Marian: Bildung als Selbstbestimmung. / Hrsg. von Winfried Böhm und Volker Ladenthin. – Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2004. – S. 20.

глашённого принципа пластичности – как восприимчивости к воспитанию и обучению – речь шла о достоинстве человеческой личности, которая была бы свободна от сообщаемых извне эмпирических ценностей.

Также речь шла о педагогической деятельности, что стремится не к установлению зависимости воспитанника от педагога согласно логике причин и следствий, а нацелена на диалог воспитанника и педагога, который позволяет его участникам понять себя, своего визави и ситуацию и принять таким образом решение, что становилось бы продуктом обоюдного согласия[152]. Политическое отвергалось постольку, поскольку оно содержит в себе потенциал некритичного следования тем ценностям, что задаёт избранный круг политических лидеров. Напротив, способность критического мышления считается одной из предпосылкой для самоопределения личности. В этом контексте речь идёт не об оценках, ценностях, а о способности к оцениванию, которое проверяет поступок или решение согласно критерию непротиворечия категорическому императиву или его требованию[153].

Значение ценностей у Канта объясняет Теодор Адорно в своей книге «Проблемы философии морали», где он подчеркивает, что ценности для Канта не важны, потому что они гетерономны. Адорно описывает культ ценностей как реакцию на деморализацию и деструктуризацию обществ[154].

В книге по систематической педагогике Мариан Хайтгер (представитель трансцендентально-критической педагогической школы Альфреда Петцельта, вдохновлённой трудами Канта) утверждает: «Воспитание не рассматривает человека как средство для достижения социальных целей, но видит в нём цель для самого себя; оно не меняет своего содержания и намерений в связи с тем, что их так или иначе диктуют социальные потребности»[155].

Сам Альфред Петцельт, который пережил преследования и со стороны нацистов в Третьем рейхе, и со стороны коммунистов в ГДР, решительно отказался вынести политическое образование за рамки «так называемого общего образования». Но он, так же как Теодор Литт (известный представитель гуманистической педагогики), предостерегал от

[152] Ср.: Heitger, Marian: Systematische Pädagogik. – S. 63.

[153] Ср.: Ibidem. – S. 102.

[154] См.: Adorno, Th.W.: Probleme der Moralphilosophie. – Berlin: Suhrkamp-Verlag, 2010.

[155] Ср.: Heitger, Marian: Systematische Pädagogik. – S. 140.

смешения в одном понятии «политического воспитания и политической деятельности»[156].

Утверждается, что мысль о воспитании исключает всякие попытки производства мировоззрения и ориентации на заданные извне моральные ценности[157]. Речь идёт об индивидуализации – другой наделяется признанием как Alter-Ego, то есть как другое Я своего Я[158]. Важную роль здесь играет диалог: «В диалоге люди связаны друг с другом, не будучи зависимы друг от друга»[159]. Диалог в представлении этих учёных-педагогов – это уже нечто политическое. Эта важная тема будет развита в последнем разделе работы, где философия И. Канта будет дополнена идеями М. Бахтина, чтобы найти пути решения проблем миграции как результата кризиса глобализации.

Было понятно, что человек может стать человеком только среди людей. Нам нужны другие люди, визави, чтобы мы могли развить наш личностный потенциал, который, согласно Канту, опять-таки не будет полной реализацией назначения человека, ибо последний может реализовать себя только в роде.

Кантовский подход к идее политического воспитания

Сам Кант указывает в своём «Трактате о педагогике», что самопознание, интерес к тем, с кем мы выросли, и интерес к возможности содействия общему благу заложены в человеческой природе. Выдающемуся кёнигсбергскому мыслителю удалось привлечь «самый сильный человеческий мотив, а именно – интерес к самому себе, для объяснения динамики моральных намерений»[160]. Очевидно, что этот интерес должен поддерживаться и развиваться в процессе космополитического гражданского воспитания – Кант мыслил себя гражданином мира.

[156] Ср.: Fischer, Wolfgang: Einige Bemerkungen über die (Un-)Verträglichkeit von Pädagogik und Politik (1991) // Skepsis und Widerstand. Neue Beiträge zur skeptisch- und transzendentalkritischen Pädagogik. / Hrsg. von Wolfgang Fischer und Jörg Ruhloff. – Sankt Augustin: Academia-Verlag, 1993. – S. 201. (Вся статья: S. 191 – 207. Вся книга: 221 S.)

[157] Ср.: Heitger, Marian: Systematische Pädagogik. – S. 143.

[158] См.: Heitger, Marian: Bildung als Selbstbestimmung. – S. 132.

[159] См.: Ibidem. – S. 78.

[160] Ср.: Gerhardt, Volker: Immanuel Kant. Vernunft und Leben. – Stuttgart: Reclam-Verlag, 2002. S. 227. (Всего: 380 S.)

По Канту, дети должны радоваться общему благу, даже если это противоречит их собственным интересам, а также интересам их Отечества. Эти тезисы особенно актуальны сегодня, потому что экологические катастрофы и войны вызывают волны миграции, и те, кому повезёт больше – кто у себя дома, должны испытывать «внезапный разрушительный ущерб собственному себялюбию», словами самого Канта – любовь к себе должна уступить место любви к подобным себе (согласно философии Канта, так всегда бывает в процессе уважения или признания кого-то другого[161]), и они должны разделять с ближними хлеб и кров.

В работе Канта «Антропология с прагматической точки зрения» мы обнаруживаем прямое указание на космополитическое в воспитании: «Воспитание человеческого рода в целом, т. е. взятого коллективно (universonun), а не всех в отдельности (singulorum), когда толпа составляет не систему, а только собранный в кучу агрегат; воспитания, которое имеет в виду стремление к гражданскому устройству, основывающемуся на принципе свободы, но вместе с тем и на принципе законосообразного принуждения, – такого воспитания человек ожидает только от Провидения, т. е. от мудрости, которая есть не его мудрость, но всё же бессильная (по его собственной вине) идея его собственного разума…»[162].

Итак, философ обвиняет человека в том, что тот не в состоянии понять и реализовать идею своего собственного разума: идею царства целей, от которого мы остаёмся далеки, и которая требует не только воспитания гражданина государства, но воспитания гражданина мира.

Возникает ряд вопросов: что первично, а что вторично? В чём отличие воспитания гражданина государства от воспитания гражданина

[161] По Канту, в момент признания другого возникает моральное самоограничение, т. е. каждый участник акта признания испытывает внезапный сокрушительный удар по самолюбию и начинает уважать другого. См.: Кант, И. Основоположения к метафизике нравов. // Кант И. Соч.: в 4-х тт. (на рус. и нем. языках) – Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. – С. 83. (Вся работа: С. 39 – 276.) Интересно, что в русских переводах Канта эти слова «смазаны», сказано о необходимости «поступиться своим самолюбием», немецкий же оригинал чётче: Кант пишет о том, что с необходимостью наносится удар по самолюбию, приводящий к его «прекращению» (Abbruch tun).

[162] Кант И. Характер рода. § 108. // Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2002. С. 441. (Вся работа: 471 с.)

мира? Понятно, что каждый, когда слышит песню «С чего начинается Родина?», в первую очередь думает о берёзке или черемухе под своим окном, и эта любовь простирается в бесконечность, но неизбежно начинается в той точке отсчёта, что называется домом или родиной, и всё же очень зависима от общей экологической обстановки и немыслима вне этой обстановки. Все мы – земляне. Так возможен ли вообще истинный патриотизм без космополитизма? Ясно, что граждан без гражданства не бывает. Но возможен ли подлинный патриотизм без космополитизма? И какова роль государства, если в идеях описанных гуманистических педагогов ему отказано в том, чтобы воздействовать на нас воспитательно в интересах своего самосохранения? Имеет ли для нас ценность самосохранение и самоидентичность отдельных государств: больших и малых?

Ответ очевиден. Воспитание и достижения в сфере образования имеют какое-то значение только в государстве, так как только в государстве предполагается, что индивидуальность во всех её непротиворечащих закону проявлениях защищена законом. В книге «Научный характер педагогики» Э. Хуфнагель чётко выразил эту мысль: «Как и каждая отдельная личность, государство должно выполнять свой долг ради совершенствования человеческого рода. Оно не должно во что бы то ни стало сосредотачиваться на цели сохранения собственной власти, подчиняя главенствующему аппарату всех в государстве и за его пределами, но всегда должно иметь целью культурно-нравственное совершенствование человеческого рода»[163]. Отсюда следует, что педагогика и политика имеет одну и ту же главную цель – способствовать прогрессу человечества, т. е. призваны обеспечить людям возможность максимальной свободы и индивидуальности. Работа «К вечному миру» самого Канта ясно и недвусмысленно говорит о том, что право человека считается священным, даже если это будет стоить власть имущим потери власти. Конечно, важно учитывать, что Кант разводит понятия государства как идеи, закреплённой в законе, и государства как факта, и второе остаётся далекой от идеала, как это всегда и было на протяжении всей истории[164]. Очевидно, что каждый гражданин обязан соблю-

[163] Hufnagel, Erwin: Der Wissenschaftscharakter der Pädagogik: Studien zur pädagogischen Grundlehre von Kant, Natorp und Hönigswald. – Würzburg: Königshausen & Neumann Verlag, 1990. – S. 96 – 97. Всего: 412 S.

[164] Ср.: Heitger, Marian: Bildung als Selbstbestimmung. / Hrsg. von Winfried Böhm

дать законы государства в том случае, если эти законы не противоречат трансцендентно-обоснованной идее закона[165].

Государство – это, фактически, его граждане. И когда граждане просвещены в кантианском смысле, тогда у государства больше шансов на нравственное и культурное развитие. А тут важная роль отводится воспитанию, а именно – демократическому образованию.

О путях развития политического воспитания в современной немецкой мысли

Один из современных лидеров Франкфуртской школы А. Хоннет убедительно обосновывает возможности демократического образования, ссылаясь при этом на известный читателям «Трактат о педагогике» И. Канта.

Требование Хоннета здесь вполне правомерно: дети должны через практику рефлексивного отношения (к себе и другим) и поведения прокладывать путь к участию в принятии общественных решений. Ребёнок может получить опыт защищённости и вовлечённости в процессе социализации. Следуя мыслям И. Канта, высказанным в «Трактате о педагогике», Хоннет берёт под защиту общественные образовательные учреждения и, вслед за Кантом, отдаёт им приоритет перед домашним обучением. Сам Кант ясно показывает в своей «Антропологии», что эгоизм должен быть заменен плюрализмом: «Следующие максимы … можно сделать незыблемыми законами для класса мыслителей: 1) Думать *самому*. 2) Мыслить себя (в общении с людьми) на месте любого *другого*. 3) Всегда мыслить *в согласии с самим собой*. Первый принцип – негативный (nullius addictus iurare in verba magistri – «Клятвы слова повторять за учителем не присуждённый»[166]) – принцип образа мыслей, свободного от *принуждения*; второй положительный – принцип *широкого* образа мышления, сообразующегося с понятиями других; третий – принцип *последовательного* образа мышления; для каждого

und Volker Ladenthin. – Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2004; Hufnagel, Erwin. Globalisierung: Zu ihrer Geschichte und rechtsphilosophischen Systematik. // Globalisierung: Probleme der Postmoderne // Hrsg. von Erwin Hufnagel und Jure Zovko. – Berlin: Parerga-Verlag, 2006. – (Вся работа: S. 17 – 68.)

[165] Ср.: Gerhardt, Volker: Immanuel Kant. Vernunft und Leben. – S. 238.

[166] Цит. по: Гораций. Полн. собр. соч. / Пер. с лат. – М.-Л.: Academia, 1936. С. 285. (Всего: 472 с.)

из них, а еще больше для противоположного ему, антропология может привести много примеров»[167].

Требование первого пункта, очевидно, может быть выполненным только в рамках государственных учреждений. Люди, согласно Канту, должны иметь возможность публично высказывать мысли. Аргументы важны, и в этой связи Ю. Хабермас даёт определение свободному поступку как поступку, совершённому в результате непринуждённого принуждения лучшего аргумента.

Для Хоннета, как для Канта и Хабермаса, общественное образование является центральным органом самовоспроизводства демократий. Подчёркивается, что механические (профессиональные) навыки, прагматическая смекалка (знание профессии и закономерностей гражданского общества) и моральное самоопределение (моральные принципы) важны только в качестве подчинённых моментов в универсальной среде социальных коммуникации, где формируются отношения взаимного признания. Они подчинены, согласно Хоннету, ссылающемуся на Канта, «первоочередным целям – развитию самоуважения и чувства собственного достоинства, которые, вместе взятые, обеспечат молодому человеку осознанное вступление в ряды граждан республики». Признавая собственную ценность в качестве гражданина, молодой человек должен испытывать «уважение» в отношении и со стороны «всего человеческого рода»[168].

Заслуга Хоннета, с точки зрения автора главы, состоит в описании самого подходящего метода демократического образования. В прошлом самоорганизация подростков считалась лучшей формой политического воспитания подростков. В отличие от своих предшественников, современный философ начинает с идеи социализма, когда «индивидуальная свобода осуществляется и процветает не за счёт, а с помощью солидарности», когда все работают вместе и друг для друга[169]. Соответственно,

[167] Кант И. Об оригинальности познавательной способности, или о Гении. § 58. // Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. С. 293.

[168] См.: Honneth, Axel. Erziehung und demokratische Öffentlichkeit: Ein vernachlässigtes Kapitel der politischen Philosophie // Deutsche Zeitschrift für Erziehungswissenschaften. – 2012, № 15. – S. 435 – 436. (Вся работа: S. 429 – 442.). Ср.: Шачина А.Ю., Шачин С.В. К вопросу о демократической основе нравственности в образовании. // Педагогика: научно-теоретич. журнал. – М., 2018. № 9. С. 19 – 23.

[169] Honneth, Axel: Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung. Berlin: Suhrkamp, 2015. S. 166. (Всего: 168 S.).

групповая проектная работа в школе очень важна, и школьный предмет здесь не играет большой роли: «Чем меньше ученики будут на занятиях адресатами в качестве изолированных, выдающих достижения, субъектов, чем сильнее они будут вовлечены в работу обучающегося скооперированного сообщества, тем скорее среди них возникнут формы коммуникации, когда культурные отличия станут пониматься как шансы взаимного обогащения, и формы признания, характерные для демократической нравственности»[170]. Эта мысль сейчас особенно актуальна в условиях глобализации (особенно вследствие массовой миграции) и мультикультурализма.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на проблему толерантности. Она рассматривается лишь как переходный этап к признанию, и сама по себе в конечном счёте означает отказ другому в признании, а потому и не может признаваться в качестве цели образования. Настоящее же признание всегда включает в себя способность к принятию универсальной перспективы, без чего, согласно тому же Ю. Хабермасу, опирающемуся здесь на Дж.Г. Мида, невозможно участие в дискурсивных практиках выработки коллективных норм и правил поведения (находящих своё выражение в юридическом языке законов) [171]. Политическое образование как раз и предполагает развитие этой способности во взрослеющих личностях.

В этом контексте также можно сказать, что любая форма воспитания патриотична, если в ней присутствует также и космополитичное содержание, и наоборот – всё, что полезно для индивидуального и общего самочувствия, имеет в себе патриотичное и космополитичное содержание: семейное воспитание (бытовая культура), ведущее к экологическому воспитанию; воспитание критического и правильного мышления – благодаря всему этому возникает продуктивный характер (как его понимал Эрих Фромм), которому свойственен интерес к познанию и творческому развитию.

---

[170] Honneth, Axel. Erziehung und demokratische Öffentlichkeit. – S. 440.

[171] См.: Forst, Rainer: Toleranz im Konflikt. Geschichte, Gehalt und Gegenwart eines umstrittenen Begriffs. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003. – S. 31, 41 – 46. (Вся книга: 816 S.) Ср.: Шачина А.Ю., Шачин С.В. Признание как альтернатива толерантности, или К вопросу о статусе толерантности в системе целей и ценностей образования. // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 112 – 126.

Поэтому Иммануила Канта можно по праву назвать основоположником продуктивного направления в научной педагогике – он не только осознал важность проектной деятельности в процессе обучения, но и заложил фундамент политического образования, вне которого нельзя говорить о совершеннолетии человека и гражданина.

Для того, чтобы прояснить суть Кантовской философии политического образования, которая предложила направляющие идеи и для современной немецкой педагогической мысли, необходимо детально разобрать суть Кантовской теории правового государства и межгосударственных отношений.

О связи правовой свободы с нравственностью

Для реализации наших укоренённых в разуме целей нам необходима разумно организованная действительность. Не зря Кант считал, что человек может полностью реализовать себя как разумное существо только в роде[172]. Личность должна обогащать человечество. Таким образом, нравственность каждого в отдельности обретает смысл только с учётом предназначения человечества в целом. Мы действуем не во враждебном или равнодушном к нашим поступкам мире, но у нас есть все основания полагать, что историю человечества надо рассматривать в её прогрессе к нравственно лучшему. При этом важно подчеркнуть, что если цель образования каждой отдельной личности – это нравственное самоопределение, то для человечества в целом самоопределение приобретает правовую форму.[173]

В претендующем на непреходящую значимость произведении Канта «К вечному миру» впервые в истории высказана надежда на прекра-

[172] «Прежде всего следует заметить, что у всех остальных животных, предоставленных самим себе, каждая особь полностью достигает того, что ей предназначено, у людей же этого достигает только род; так что человеческий род может выполнить предназначенное ему только продвижением в непрерывном ряду необозримого числа поколений; при этом цель остаётся для него всё время в перспективе, но тенденция, направленная к этой конечной цели, перед которой часто, правда, могут возникать препятствия, никогда не поворачивает вспять». Цит. по: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Часть 2. Антропологическая характеристика. Е. Характер рода. § 106. // Кант И. Соч.: в 8-ми тт. – Т. 7. – М.: Чоро, 1994. С. 365. (Вся работа: С. 137 – 375.) (Вся книга: 495 с.)

[173] Brandt, Reinhardt. Die Bestimmung des Menschen bei Kant. – 2. Aufl. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2009. – S. 179. (Всего 628 S.)

щение всяких войн благодаря осознанию идеи правового государства и всемирного союза государств – идеи, которая постулируется разумом и, следовательно, подлежит не основанному на эмпирических аргументациях, а трансцендентальному обоснованию.

Как известно, главное открытие философии Канта заключалось в его субъекте, который постигает отношение к миру, к Богу, к обществу и к бессмертию исключительно из себя самого как прояснённое самопонимание. Что есть правда, добро и красота – субъект с необходимостью и всеобще определяет исходя из своего самоопределения, а не наоборот – определяется извне этими объектами[174].

Право и мораль, по Канту, составляют наше назначение, о чём он пишет в начале второго раздела работы «Спор факультетов»: «Мыслить себя согласно гражданскому государственному праву членом мирового сообщества – это самая возвышенная идея, которую может осознать человек о своём назначении и которую нельзя помыслить без энтузиазма»[175].

Учреждение правового государства в изначальном, то есть, абсолютно обосновывающем договоре гарантирует гражданскую свободу в зависимости всех от общего закона. Смутному пафосу революционной формулы свободы, равенства и братства Кант противопоставляет ясный анализ импликаций понятия республики, а именно – понятий свободы, зависимости и равенства в их систематической неразрывной связи.[176]

Правовое государство есть выражение *свободы* и неразрывно связанной с ней *зависимости*. Свобода существует только в форме порядка, к которому я сам себя принципиально обязал. Свобода в смысле Канта вообще есть причинность по неизменным законам, то есть причинность особого рода, разумная причинность. Такая свобода доступна только существу, причастному интеллигибельному миру, каковым является человек; однако, поскольку человек также является природным существом и подвластен склонностям, то побуждение к свободе для человека принимает форму категорического императива, который на уровне общества приобретает форму правового императива.

---

[174] Brandt, Reinhardt. Op. cit. – S. 129, 131.

[175] Кант И. Спор факультетов. Цит. по: Brandt, Reinhardt. Op. cit. – S. 123. Перевод этой цитаты дан по тексту оригинала из работы И. Канта, приведённому в книге Р. Брандта.

[176] Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 46.

Как человек или существо разумное, я есть свобода благодаря отношению к разумным принципам. Свобода, равенство, зависимость: таковы принадлежащие друг другу априорные перспективы правового разума, по Канту. Не: «Обнимитесь, миллионы!», как с энтузиазмом восклицал Шиллер, но: «Обдумайте и примите во внимание, что все люди есть разумные существа и тем самым существа соотнесённой с принципами свободы», как писал Кант в «Вечном мире»[177]. Равенство всех граждан государства заложено в логике и, соответственно, в саморазвитии разума; братство же – наоборот, проистекает из совершенно иных, а именно – идеологически-мировоззренческих (христианских) контекстов. Зависимость существует в изначальном легитимном смысле только как зависимость от принципов, с которыми граждане согласились при учреждении государства. (Имеется в виду акт учреждения правового государства, в котором потенциально соучаствовали все его граждане и который фактически означает новое начало в Кантовском смысле, то есть запускает с нуля новую цепочку причинно-следственных связей в эмпирическом мире – именно человеку как разумному существу доступна эта способность как на уровне личности, так и на уровне общества, то есть коллективного субъекта в Кантовском смысле.) В конечном итоге, зависимость всегда означает зависимость от себя самого, поскольку каждый из нас потенциально или актуально является участником этого акта учреждения правового государства. В следовании и подчинении законам мы остаёмся верными изначальному договору, которым было сформировано устройство и, соответственно, государство. Человек, по Канту, не может быть зависим ни от каких устанавливающих неправовые законы светских или клерикальных господ. Только от основанного им самим, от изначально желанного им самим господства права в государстве он остаётся зависимым в качестве разумного существа. Обоснование права со ссылкой на божественное так же неразумно, как и узурпаторская власть фактического.[178]

[177] Ibidem. Перевод этой цитаты из работы И. Канта «К вечному миру» дан по тексту оригинала из работы И. Канта, приведённому в статье Э. Хуфнагеля. См. также: Саликов А. Н. Кант и современная теория международных отношений. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград, 2013. Вып. 12. С. 97 – 103.

[178] Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 46 – 47.

Этот изначальный договор Кант называет республиканским устройством. Оно есть состояние разума, который способен осуществлять нормативно-критические функции в отношении соответствующих исторических образований. Только трансцендентальная идея государства может быть критической в строгом окончательно-значимом смысле. Только она благодаря своим регулятивным функциям способна содействовать вечному миру[179]. Таким образом, государство является априорной идеей практического разума, и каждое фактическое государство призвано стремиться соответствовать ей; к этой идее можно только приближаться, но полностью достигнуть её воплощения так же невозможно, как и достигнуть полного господства практического разума в человеческом мире. Однако правовое государство подразумевает именно *легитимное господство* – в этом и состоит его разумность в данном эмпирическом контексте.[180]

Легитимное господство основывается на (идеальном и, соответственно, априорном) согласии всех, кто свободно конституирует государство. И именно *заслуга и, соответственно, достижение* в правовом государстве могут быть обоснованием господства – контролируемого, ограниченного во времени, получившего согласие всех граждан. Следовательно, правовое государство подразумевает выработку таких механизмов отбора личностей во власть, чтобы туда попадали бы (или же хотя бы соучаствовали в осуществлении властных функций) *самые достойные члены общества. Достижение как критерий господства* находит согласие всех, так как *сущность разума есть достижение и, соответственно, деятельность.* Понятие происхождения, в противоположность этому, имеет в виду нечто не универсальное, а в высшей степени случайное. Отсюда недалеко до ассоциации, что такие случайности вызывают конфликты, а не мир.[181]

Кант не видит ценности ни в познании как таковом, если оно индифферентно конечным (последним) вопросам разума, ни в технике, но только в практически-нравственном культивировании и цивилизировании, которое упражняет человека в способности самообладания в отношении

[179] О республиканском устройстве см.: Кант И. К вечному миру. // Кант И. Соч. в 4-х тт. на русск. и нем. языках. Т. 1. Трактаты и письма. – М.: Ками, 1994. С. 359, 373 – 385. (Вся работа: С. 353 – 479.)

[180] Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 47.

[181] Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 48.

к себе самому и к другим людям. При этом, по Канту, улучшение должно настать не с низов, а с верхов. Республиканское государство должно организовать учебные заведения для своих граждан, но не может быть наоборот – что изменившееся воспитание стало бы зародышем нового человечества.[182]

Кант видит в государстве модус абсолютного человеческого самоопределения. Только автономное государство абсолютно. При этом кантовское правовое государство представляет собой факт разума, который невозможно понять в достаточной мере на основе только институциональной теории и теории организации до тех пор, пока они оперируют всего лишь эмпирическими аргументами.[183]

Делая вывод к этому разделу, можно вместе с Эрвиным Хуфнагелем заметить, что *философия разума революционнее, чем любое обременённое затаённой враждебностью и завистью политическое революционёрство* (politisch-ressentimentgeladene Revoluzzertum). Трансцендентальная философия призвана изменить мир в направлении вечного мира. Только мышление изменяет мир без зависти, скрытой злобы и свирепой жестокости. Человечество должно научиться думать ради своей собственной истории. Нет ничего более мирного и надёжного, чем объединяющий всех людей разум, который на уровне коллективного субъекта выражается в трансцендентальной идее правового государства, а в эмпирическом мире эта идея воплощается в форме легитимного господства в конкретных государствах.[184]

О межгосударственных отношениях
в форме взаимного наблюдения

Теперь мы должны совершить переход от философии права, применимой к отдельным государствам, к межгосударственным отношениям. Мы помним, что у Канта речь идёт об этическом самоопределении человека и о правовом самоопределении человечества. Но как последнее возможно в глобальном масштабе?

Прежде всего никакое государство не имеет право насильственно вмешиваться в процесс самостоятельного правового конституирования

[182] Brandt, Reinhardt. Op. cit. – S. 184.
[183] Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 34.
[184] Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 48.

другого государства. Обо всём этом говорит статья из преамбулы Вечного мира в работе Канта, о которой идёт речь. Насилие извне и правовая законность исключают друг друга. Соответствующее правовой форме насилие имеет место только ***внутри*** государства в виде монополии на применение насилия. Но это простое, высшее ограничивающее условие межгосударственных отношений так преподнесено Кантом, что в поле рассмотрения попадают другие межгосударственные формы взаимовлияния и восприятия друг друга. И в этой связи Кант высказывает важную мысль о *глобальном наблюдении государствами* друг за другом. Конечно, об актуальных возможностях глобального наблюдения и влияния друг на друга через медийные средства он ещё не подозревал – влиянии как на уровне элит, так и на уровне простых людей, благодаря многообразным Интернет-технологиям. Однако он, как и все трезвые мыслители XVIII столетия, видел, что история превратилась во всемирную историю. Люди наблюдают друг друга, оценивают себя в сравнении с оценкой других и тем самым создают свою идентичность. Кант верил в исцеляющее влияние глобального наблюдения.[185]

Государства, как и люди, могут учиться друг у друга. Кант надеется, что в век аномально выросшей научной и социальной публичности возникнет глобальный процесс обучения, в котором человечество и его институты станут человечнее. Охватывающая весь земной шар и оснащенная технически общественность может возвести человечность государств на более высокий уровень. Социальный контроль благодаря информационным технологиям становится универсальным. Наблюдение может повлечь глубокие и далеко идущие изменения. Насильственные же интервенции не только неоправданны с правовой точки зрения, так как они противоречат идее государства как автономной, самостоятельно формирующейся системы, но и остаются в узком секторе политических институтов. В глубинное измерение этоса они не проникают. Изменения образа мыслей не происходит.[186]

Суть же Кантовского подхода можно выразить вот в какой мысли, цитируя того же Эрвина Хуфнагеля: *«Государство, которое в глазах общественности является правовым, в морально-культурном отношении делает больше, чем любая военная интервенция,* что борется с беззако-

[185] Ссылка ко всему абзацу: Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 34.

[186] Ссылка ко всему абзацу: Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 35.

нием при помощи беззакония»[187]. Кант надеется на глобальное расширение морального сознания. Мировое сообщество становится сообществом непрестанно обучающихся людей, в котором постепенно вырабатываются стандарты политически-социальных оценок и применяются ко всем спорным случаям, особенно в периоды кризиса государств и смены формы правления, сопряжённых с ростом хаоса и беззакония в обществе. Наблюдение, как и взгляд человека, подразумевает одновременно близость и дистанцию. Интервенции же, напротив, беззастенчиво снимают дистанцию, как и любой империализм.[188]

В наблюдаемой несправедливости в других государствах заложена *провокация* – сделать своё собственное государство ещё справедливее. В результате данное государство оказывает косвенное влияние на соседние государства, путём содействия процессу формирования в них общественности, которая постепенно начнёт оказывать всё большее влияние на институциональную систему и преобразовывать её в направлении б*о*льшей разумности и человечности. Только изменения в образе мыслей людей послужат надёжной предпосылкой формирования более совершенного правового строя. Эти процессы будут совершаться в течение длительного срока, но только в этом случае можно надеяться на надёжный результат; краткосрочные же интервенции создадут временный эффект, не больший, чем период вторжения, после чего всё чаще всего возвращается на круги своя (за исключением невосполнимых людских и материальных потерь от подобного рода конфликтов…)[189].

Таким образом, культура наблюдения должна, согласно Канту, занять место насильственных интервенций. Дело в том, что, как пишет Кант в 5-й статье Преамбулы к работе «К вечному миру», в заключительной части пояснения, исторический телос народа – это формирование (Konstitution) правового государства, своеобразного в своей фактичности. Эту историческую работу другие государства вправе только наблюдать и воспринимать как напоминание о своей собственной исторической задаче.

При территориальных же спорах правовых субъектов помощь извне может быть оказана в форме консультации и политического анализа,

[187] Цит. по: Ibidem. Курсив авторов данной статьи.

[188] Ссылка ко всему абзацу: Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 35 – 36.

[189] Ссылка ко всему абзацу: Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 36.

безо всякого возможного нарушения их автономии. Оба конфликтующих государства могут выиграть от этой помощи советами со стороны. Их самостоятельная политико-правовая система остаётся при этом не нарушенной, или даже эти государства окажутся в выигрыше благодаря сбрасыванию с них бремени самостоятельных действий. Ведь без советов третьей стороны (или большего количества сторон) наступает угроза анархии, то есть угроза впасть в беззаконную вражду и внеправовые состояния.[190]

Эстетическая философия Бахтина в её соотношении с Кантовским проектом вечного мира

И эта Кантовская методология взаимного наблюдения государств друг за другом и их косвенного взаимовлияния позволяет провести интересные параллели с эстетикой Бахтина, как она изложена в его ранней (но тем не менее одной из важнейших) работе «Автор и герой в эстетической деятельности»[191]. На базе методологии Бахтина можно обосновать эстетически красивую внешнюю политику государств, особенно в кризисных ситуациях, которая в отдалённой перспективе будет более эффективной, чем возможные прямые или косвенные вмешательства во внутренние дела соседей. При этом ключевая идея Бахтина состоит в том, что именно позиция вненаходимости позволяет испытать неповторимый эстетический опыт авторства, который будет означать восполнение *принципиальной недостаточности* того процесса или того субъекта, который становится предметом эстетического любования (или даже «милования», как пишет Бахтин).

Принципиально важно при этом, что на место опыта насилия здесь становится опыт любви. Именно любовь не только порождает установку на невмешательство, но ещё и переводит активное содействие другому в совершенно иное русло: я как автор могу восполнить то, чего недостаёт другому, за счёт постижения принципиальной ограниченности моего партнёра по диалогу, той ограниченности, которая ему не дана и не может быть дана во внутреннем опыте – причём ограниченности как в пространственном аспекте, так и во временном. Речь в последнем случае идёт уже о

[190] Ссылка ко всему абзацу: Hufnagel, Ervin. Op. cit. – S. 37.

[191] Бахтин, Михаил. Автор и герой в эстетической деятельности. // Бахтин, Михаил. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9 – 226.

судьбе, то есть о постижении логики развития процессов, которые моему партнёру кажутся продуктом *только* его собственной активности, но мне благодаря моей позиции *вненаходимости* становится понятным, что результат только частично подвластен этой активности, но в остальных своих аспектах возникает под влиянием *иных* факторов, как внутренних, так и внешних, которые другому (активно действующему) не были понятными и иногда даже заметными. В конечном счёте я могу постигнуть неповторимый ритм его активности, который ему также не очевиден, и совершить нечто вроде завершения его деятельности – в форме выражения открывшегося мне ритма его активности в каком-либо моём произведении искусства. (Применительно к межгосударственным отношениям это может означать создание привлекательного образа своего государства и оказание влияния на своих соседей через «мягкую силу», то есть культурный идеал. Для начала же можно попытаться символически отобразить «их» процессы уже в «нашем» государстве, например, в форме театрального представления, или оживлённых дискуссий, или выслушивания исповеди участников, или пламенной молитвы о соседях – в любом случае надо снять драматизм и превратить чужую трагедию в «наш» катарсис.)

Однако позиция Бахтина является ещё более сильной, ибо он пишет: «Душа и все формы эстетического выражения внутреннего мира … принципиально не могут быть формами чистого самовыражения, выражения себя и для себя, но являются формами отношения к другому и к его самовыражению»[192]. То есть все мы – и индивидуальные, и коллективные субъекты – в своей активности зависим от суждения о нас со стороны другого. Однако этот акт приятия и восприятия в эстетической форме совершается только при условии того, что другой находится полностью вне нас и совершает целостное созерцание: «… бытие предстанет как нуждающееся, слабое и хрупкое, как одинокий и беззащитный ребёнок, пассивное и наивное»[193]. Итак, каждый из нас способен совершить эстетическое преображение другого, постигнуть красоту его деяний, совершить относительно него акт признания и выразить уникальную сущность («тонкую плоть», как пишет Бахтин) другого в своём эстетическом опыте.

Следовательно, эстетически красивая внешняя политика позволит постигнуть *правоту* другого государства в его борьбе с хаосом и принци-

[192] Бахтин М. Ук. соч. – С. 156.

[193] Там же. – С. 157.

пиальную *недостаточность актуальной формы,* которую оно приняло (особенно в кризисной стадии своего развития). Однако и моё государство также несовершенно в плане реализации своего телоса в кантовском смысле, о чём уже говорилось. Следовательно, и моё государство должно быть открытым для такой эстетически-завершающей деятельности другого! *Мы (как представители общественности разных государств) должны взаимно совершить обмен своими точками зрения путём приобщения к опыту* ***другого о нас самих.*** А отсюда можно надеяться на созидание прочного межгосударственного сотрудничества, ведущего к вечному миру, причём именно искусство в своей универсальной миссии может заложить для него надёжный фундамент.

Делая предварительный вывод, можно констатировать, что политическое образование в русле философской педагогики Канта и его последователей подразумевает развитие способностей к участию в разумных дискуссиях относительно общественного идеала и способов его достижения внутри граждан правового государства. Далее эти идеалы конкретизируются через коллективные целеполагания на всех уровнях, а затем наступает процесс целедостижения на основе демократического самоуправления. При этом граждане государства будут сознательным образом следовать принципам общественного договора, лежащим в основе правового устройства государства, так как будут воспринимать государство как результат деятельности разума, и в свою очередь будут соучаствовать в этой деятельности, обогащая содержание правовых норм, лежащих в основе институциональной системы своего общества. Свобода оказывается возможной в форме взаимной зависимости и деятельности по достижению взаимопонимания. Именно поэтому какие-либо ценности, например, патриотизма, не могут быть внушены извне, а могут быть только результатом сознательной разумной работы граждан государства и выражением реального опыта демократического самоуправления – опыта реализации идеалов разума в политической действительности.

Однако пока ещё не разобран аспект космополитизма, приобретающий особое значение в условиях глобализации. Тот вариант, который предложен в работе «К вечному миру» и только что рассмотрен в нашей главе, касается межгосударственных отношений. Однако в условиях кризисов в последних, накладывающихся на кризис существующих экономических глобальных институтов, а также экологический кризис

(ведущий к нарастанию дефицита природных ресурсов для человеческой жизнедеятельности), возникают совсем другие формы глобальных взаимовлияний граждан разных государств – например, массовая миграция и появление мультинациональных сообществ, члены которого будут обладать двойным гражданством. Все эти процессы мы наблюдаем воочию. Каким же образом политическая философия и философия политического образования И. Канта и их последователей могут помочь в решении проблемы разумного устроения политической действительности в нашем мире, вышедшем из равновесия и проходящем через хаос?

К вопросу о двойном гражданстве и будущем человечества в философии И. Канта в контексте проблем современного политического образования

Когда мы говорим о двойном гражданстве в контексте философии И. Канта, то сразу понимаем, что это понятие, употребляемое не в прямом, а в переносном смысле, пронизывает всю его философскую систему, хотя и проблема гражданства как таковая также занимала великого мыслителя.

Итак, вся философия Канта основывается на утверждении, что человек есть гражданин одновременно двух миров: природного и интеллигибельного. Это утверждение есть основа для педагогической системы Канта, которая позволяет себя реконструировать на базе его критической философии, а также лекций по антропологии и «Трактата о педагогике» (представляется необходимым отметить, что данный трактат вышел в свет под редакцией ученика Канта Теодора Ринка, который систематизировал записи лекций философа по педагогике, и хотя полагают, что Ринк внёс туда и собственные мысли, выдавая их за кантовские, дух Канта, по справедливому замечанию О.-Ф. Больнова, живёт в этом произведении, что даёт право нам учитывать его для воссоздания педагогической системы этого мыслителя).

Принадлежность человека к интеллигибельному миру позволяет Канту формулировать основную цель образования, а именно – воспитание к совершеннолетию: «Имей мужество пользоваться собственным рассудком!»[194]. При этом воспитанник, по Канту, должен в итоге уметь выбирать среди добрых целей и руководствоваться нравственным чувством

[194] Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение. // Кант И. Соч. в 4-х тт. на русск. и нем. языках. Т. 1. Трактаты и письма. – М.: Ками, 1994. С. С. 127. (Вся работа: С. 127 – 147.)

как мотивом своих поступков и решений. Важно, что нравственное чувство в философии Канта – это производное чистого практического разума, то есть разумное чувство уважения к нравственному закону (в отличие от нравственного чувства Руссо, которое характеризует именно чувство, основанное на сострадании). Этика Канта – этика максим, субъективных принципов: если наша максима не противоречит категорическому императиву, значит, она может служить обоснованием для нашего поступка, претендующего на значимость в качестве нравственного. При этом заданные извне ценности, ценности, как таковые, не имеют никакого значения. Это можно прочитать также в часто цитируемой в России немецкоязычной книге Теодора Адорно, в книге-сборнике его лекций о философии Канта, которая называется «Проблемы философии морали» (она уже упоминалась в начале главы). Очевидно, что воспитание личности и формирование заданных извне ценностей, если мы основываемся на философии Канта, это в основе своей – противоречие. Личность, свобода личности и интеллигибельность для Канта – синонимы, так же как, разум и человечество. Стать личностью мы, как граждане двух миров, только ещё должны, словами М.К. Мамардашвили, «каждый раз заново».

Так, смысл «коперниканской революции» Канта в сфере практической философии заключается во внутренней сущности воления: «Здесь уместно объяснить парадокс метода в критике практического разума, а именно – то, что *понятие доброго и злого должно быть определено не до морального закона (в основе которого оно даже должно, как нам кажется, лежать), а только … согласно ему и им же»*[195]. Имеется в виду, что добро заключается в действии из субъективных принципов (максим), которые подчинены условию их законосообразности (то есть, категорическому императиву). Таким образом, нет моральных «ценностей», которые мерцали бы над нами на нравственном звёздном небе, и которые нужно было бы только «снять»[196]. Поэтому формирование ценностей не может быть, согласно Канту, целью воспитания личности. «Это вовсе не

[195] Кант И. Критика практического разума. // Кант И. Соч. в 4-х тт. на русск. и нем. языках. Т. 3. Основоположения к метафизике нравов. Критика практического разума. – М.: Ками, 1997. С. 438 – 439. (Вся работа: С. 277 – 733.)

[196] Pädagogik und Politik. / Hrsg. von Lutz Koch und Christian Schönherr. Würzburg: ERGON, 2005. – S. 15. (Всего: 145 S.) См. также: *Koch L.* Kants *ethische Didaktik*. – Würzburg: Ergon 2003. 441 S.

подразумевает нигилизм, согласно которому ничто для нас не имеет ценности, а означает, что мы сами всё и постоянно должны оценивать: речь должна идти не о передаче ценностей или о формировании ценностных установок, а о способности к оцениванию, о развитии способности суждения в самом человеке»[197].

Итак, способность действовать из долга, руководствуясь осознанием категорического императива, нравственным чувством, свидетельствует, согласно Канту, о нашем гражданстве в мире добра, в царстве целей. Хотя тот же категорический императив, его возможность и необходимость для нас, указывает нам на нашу принадлежность к миру природы, к миру чувств, а вместе с тем, природных склонностей, с которыми мы должны считаться как граждане природного мира, чтобы наши два гражданства не вступали в бесконечное противоречие.

Для этого Кант считает необходимым дисциплинирование (укрощение) и культивирование человеческой природы. И его «Трактат о педагогике» есть не что иное, как чувственная подготовка к нравственности. Это и есть воспитание извне, когда педагог является сперва представителем разума своего воспитанника, а потом «повивальной бабкой» его мыслей. Кант ограничивает такое воспитание 16-ю годами. Задача такого воспитания – содействовать становлению человека, способного к осуществлению цели, которая есть в то же время долг, а именно – к самосовершенствованию: самовоспитанию и саморазвитию.

Из вышеизложенного очевидно, почему Ёрг Рулофф заявляет, что образование без Канта можно представить только как карикатуру[198]. По сути, мы учим, сообразуясь с философией Канта, обоснованию своих действий и поступков, более того, обоснованию мотивов действий и поступков, полагаясь на собственное критическое мышление, на собственную способность суждения. Сегодня это практикуется уже в хороших дошкольных образовательных учреждениях, где одна из основных задач – научить детей

[197] Heitger M. Systematische Pädagogik – wozu? – Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2004. S. 100. (Всего: 162 S.) Также см.:

[198] Ruhloff, Jörg. Auch Moralisierung? Bemerkungen zur Aktualität von Kants Gliederung der Erziehungsaufgabe. // Kant – Pädagogik und Politik. / Hrsg. von Lutz Koch und Christian Schönherr. – Würzburg: ERGON, 2005. – S. 28. (Вся работа: S. 23 – 32.) См. также: Ruhloff J. Pädagogik ohne praktisch-philosophisches Fundament? // Kant und Pädagogik: Pädagogik und praktische Philosophie. / Hrsg. von Jürgen-Eckard Pleines. – Würzburg: Königshausen und Neumann, 1985. – S. 52 – 54.

без насилия решать конфликтные ситуации, а это возможно, только научив аргументировать, обосновывать. Конечно, в раннем возрасте эти аргументы основываются на знании правил и прав, например, что нельзя разрушать игру другого ребёнка, словами Канта, на знании морального катехизиса. Здесь мы сталкиваемся с главной проблемой воспитания, как её видит Кант: как можно объединить подчинение под принуждением со свободой. «Как взращу я чувство свободы рядом с принуждением?» «Принуждение необходимо! Как я культивирую свободу при принуждении? Я должен приучить моего воспитанника терпеть ограничение его свободы и в то же время должен привести его к тому, чтобы он [научился] пользоваться своей свободой»[199]. Понятно, что принуждение, а позже – самопринуждение, необходимо, чтобы культивировать нашу чувственную природу, чтобы она не мешала, а напротив, способствовала нашему личностному росту.

Данные общие соображения по поводу педагогической системы И. Канта позволяют применить их к проблеме двойного гражданства. Этот вопрос остаётся актуальным в связи с современной ситуацией в образовании, когда речь идёт об интеграции детей граждан, сменивших страну жительства.

Так, проблема Германии зачастую заключается в том, что национальные общины выходцев из других стран мешают своей молодёжи полноценно интегрироваться в современное немецкое общество. Об этом рассказывают документальные фильмы на телевидении Германии.

Также и художественный кинематограф ФРГ затрагивает такого рода отношения. Недавно на экраны вышел фильм «Das Unwort». Эта драматическая комедия раскрывает конфликт между детьми – евреями и арабами, выходцами из Палестины, которые учатся в одной из лучших берлинских школ. Родившиеся в Германии, возможно, даже никогда не бывавшие на своей исторической родине, эти дети сохраняют неприязнь к людям национальности, чьи представители стали причиной несчастий их соотечественников. Таким образом они как граждане Германии вступают в противоречие с ведущими ценностями немецкой культуры как изначально граждане своей первой родины. И нужны неимоверные усилия со стороны педагогов и родителей, чтобы снять эти противоречия.

[199] Кант И. Трактат о педагогике. // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 458. (Вся работа: С. 445 – 504.) В основном немецком издании Прусской академии наук, на которую принято ссылаться немецким кантоведам, эта цитата находится здесь: [Päd, AA 09: 453]

Конечно, сегодня есть и более счастливые случаи, в данном случае мы имеем в виду билингвальные (где мама и папа – носители разных языков) и бикультурные семьи (где семьи разговаривают на родном языке, но прекрасно знают и другой язык, в силу, например, долгого проживания в другой стране). Конечно, эти счастливые случаи имеют место до тех пор, пока государства находятся в состоянии мира и взаимного сотрудничества. Конфронтация стран делает затруднительным или почти невозможным двойное гражданство, что опять-таки влечёт за собой личные трагедии.

Что касается Канта, то из произведения «К вечному миру» для него очевидно, что человек должен иметь гражданство и перенимать все связанные с этим налагаемые на него обязательства. Человек может поменять гражданство, но не может не иметь гражданства. Если рассуждать согласно философии Канта, то, переехав, например, в Германию, граждане какого-либо государства, принимая гражданство Германии, должны по крайней мере считаться с её базовыми культурными ценностями, оставляя за собой право сохранения собственной идентичности, с уважением относиться к согражданам, которые так же, как и они, по каким-то причинам вынуждены были оставить свою историческую родину, и с которыми у них общее новое гражданство.

В целом произведению И. Канта «К вечному миру» обладает столь большой значимостью в нашей работе потому, что оно поднимает проблемы не только морали, но и трансцендентального обоснования права и гражданства (внешней свободы), что сегодня актуально как никогда, потому что мы живём не просто в эпоху глобализации, но в эпоху массового переселения некоторых народов, что вызвано войнами в их государствах. Причём это – не временная эвакуация, а для многих осознанный выбор эмигрировать в поиске перспектив лучшей жизни, интегрироваться в новое общество. По оценкам современных учёных, мир больше никогда не будет таким, как 10 лет назад, мир будет меняться, люди будут меняться (от внешности до культуры). Изменение климата может вызвать новые явления миграции. Такое Кант не мог себе и помыслить, хотя предвидел глобализацию, но представлял её себе по-другому – в смысле постепенного становления космополитической правовой идеи[200].

[200] «А раз более или менее тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других, идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или неле-

Мигранты не питают иллюзий относительно будущего (после окончания военных действий в их стране) объединения своей страны с принимающей стороной, они часто готовы принять другое гражданство (принимающей страны). Это также понимал Кант, и подтвердила история: люди решительно не хотят объединяться в государство народов, «отвергая тем самым in hypothesi то, что верно in thesi», но осознают, что для достижения мира необходимо не только прекращение вражды и войн, но желателен союз народов[201].

Приезжая на постоянное место жительство в какое-то государство, согласно Канту, разумно принимать гражданство данного государства (если власти, конечно, не возражают), в ином случае надо ожидать отношение к себе или как к гостю (гостеприимство в представлении Канта восходит к античной традиции) или как к посетителю. Длительное время быть только гостем и быть только посетителем (причём, по убеждению Канта, каждый обладает правом не на гостеприимство, что накладывает определённые обязательства на принимающую сторону, а только лишь на посещение другого государства) означает занимать пассивную жизненную позицию и отказывать себе в праве свободы. Таким образом, настоящим мигрантам остаётся либо оставаться гостями, либо интегрироваться в новое общество.

Конечно, мигранты – не туристы, и они заявляют право не на посещение, а на гостеприимство и помощь в интеграции в новую для них культуру. При этом европейцы стараются оставаться верными идеалам Просвещения. Согласно ним, помочь в интеграции не означает заставлять мигрантов соответствовать определённым образцам поведения или некритично присоединяться к бытующим мнениям и установкам, это противоречило бы их праву на самоопределение, праву свободы (согласно Канту, это – право, врождённое человеку): «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти»[202].

пое представление о праве, а необходимое дополнение неписанного кодекса как государственного, так и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру. И только при этом условии можно льстить себя надеждой, что мы постепенно приближаемся к нему». Цит. по: Кант И. К вечному миру. // Кант И. Соч. в 4-х тт. на русск. и нем. языках. Т. 1. Трактаты и письма. – М.: Ками, 1994. С. 403.

[201] Там же. С. 395. Здесь же находится и цитата.

[202] Там же. – С. 461.

Помощь должна заключаться в развитии их способности суждения, в их способности к диалогу, так как развитие способности суждения осуществляется в процессе обмена эмпирическими аргументами и попытками поиска философских оснований. Последнее намного труднее, но эффективнее, если учитывать перспективу на будущее с учётом совместного гражданства, ибо благодаря принципам свободы «только и возможно устойчивое в правовом отношении государственное устройство»[203].

Проблема, конечно, состоит в изоляции мигрантов от основного населения, что грозит тем, что они предпочтут жить своим сообществом, руководствуясь своими ценностями, и так и не смогут полноценно интегрироваться. В 10-е гг. XXI в. провозглашалась идея построения мультикультурного общества, но идея себя не оправдала, более того, привела к б*о*льшему расслоению западноевропейского общества.

Поэтому сегодня необходимо признать, что если люди хотят совместно принадлежать какому-то обществу, государству, то они должны договориться о нормах и правах, с которыми все они могли бы согласиться (общая воля народа, со времён Руссо, есть принцип всех прав). Здесь Кант предвосхищает коммуникативную этику Юргена Хабермаса: «Дефиниция моей внешней (правовой) свободы должна, скорее, гласить так: эта свобода есть правомочие не повиноваться никаким внешним законам, кроме тех, на которые я мог бы дать своё согласие»[204].

Сегодня европейские страны, например, Германия, со своей стороны, заинтересованы в увеличении молодого населения своей страны, политики делают ставки на иммигрирующих молодых людей, которым надлежит строить будущее Германии, и которые должны приумножить, а не расточить достигнутое. Понятны страхи и беспокойства, и мыслители, задача которых, заключается сейчас в ясности мышления, снова могут найти ободрение в философии Канта в его требовании: «“Стремитесь, прежде всего, к царству чистого практического разума и к его справедливости, таким путём ваша цель (благодеяние вечного мира) приложится сама собой”. Это происходит от того, что только общая воля, данная a priori, определяет, что такое право у людей. … Так, … основоположение моральной политики заключается в том, что народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только понятиями свободы и

[203] Там же. – С. 443.
[204] Там же. – С. 375.

равенства (перед законом), и этот принцип основан не на благоразумии, а на долге»[205].

Прийти к такому пониманию прав и свобод граждан и потенциальных граждан возможно только благодаря диалогу. Диалог подразумевает открытость, то есть умение децентрироваться и услышать аргументы визави, готовность изменить свою точку зрения, что подразумевает знание о незнании результата диалога, в противном случае диалог деградирует до практик манипулирования.

Кант понимает значение диалога для выработки норм совместного общежития, он пишет о гласности и предлагает формулу трансцендентального принципа публичного права: «Все максимы, которые нуждаются в гласности (чтобы достигнуть своей цели), согласуются и с правом, и с политикой». И далее: «В самом деле, если эти максимы могут достигнуть своей цели только благодаря гласности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) – истинная задача политики. Соединение целей всех возможно только в праве»[206]. Более того: «без гласности не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только в качестве публично объясняемой), стало быть, и никакое право, которое исходит только от неё»[207].

Конечно, принимая мигрантов, государство, в лице правительства и граждан, должно осознавать весь риск и всю ответственность. Сегодня речь идёт не только об открытости диалога, но и (даже несмотря на космополитическое мировоззрение) о закрытости и нерушимости государственных границ. Государство должно чётко понимать: кого оно готово принять и в каком количестве без ущерба для тех граждан, которые там живут в силу этнической принадлежности или давно. И если государства, принимающие беженцев (в числе которых много молодых людей, с кем связано будущее процветание этих государств), не хотят разочаровываться, то надо исходить из того, что, словами Канта, «… не от моральности надо ожидать хорошего государственного устройства, а скорее, наоборот, от последнего – хорошего морального воспитания народа»[208]. Ибо

[205] Там же. – С. 453.
[206] Там же. – С. 477.
[207] Там же. – С. 461.
[208] Там же. – С. 421.

«в неправильной жизни не может быть жизни правильной», спустя почти 200 лет будет утверждать, на основании личного опыта в нацистской Германии и своих социологических исследований в Америке, знаменитый философ Франкфуртской школы Теодор Адорно.

Таким образом, следует подчеркнуть, что философия Канта апеллирует к разуму, то есть имеет общечеловеческое значение, и как таковая способна примирить всех представителей человеческого рода вне зависимости от их гражданства и вероисповедания. Но при этом уместно дополнить её философией М. Бахтина в тех аспектах, которые касаются понимания качественного перехода в процессе образования по-настоящему мультикультурного общества. Имеется в виду – не такого, в котором имеются взаимно отграничивающие друг друга разные сообщества, а в котором возникает настоящий «плавильный котёл», из которого может выйти обновлённый народ. Вероятно, человечеству в условиях кризиса глобализации придётся испытать опыты таких трансформаций, которые оно пока даже не может себе представить.

М. Бахтин о подлинном диалоге как формировании «полилога»: на пути к подлинному политическому образованию

Поэтому идеи М.М. Бахтина могут быть органично применены к проблеме политического образования по вопросу о том, как надо по-настоящему решать проблему двойного гражданства. При этом надо правильно понимать субъектность человека, как её рассматривал М. Бахтин. Субъект есть тот, кто имеет источник активности в самом себе и способен к самостоятельному целеполаганию – так понимала новоевропейская философия. М. Бахтин добавил к этому изначальную диалогичность: субъект есть тот, кто способен на поступок, а поступок есть то, что невозможно объяснить полностью исходя из логики природных и социальных отношений: поступок всегда вносит в мир нечто, не поддающееся сухому расчёту и превосходящее ожидания участников определённой социальной ситуации. Уже в этом месте очевидно, что поступок всегда предполагает других, но не в качестве фона, а в качестве зрителей или соучастников (соавторов) поступка. Дело в том, что поступок есть развёртывание потенциальных возможностей его автора, выступающего в роли героя, однако сам автор не может знать о своих границах (более того: его активность как изливающаяся из центра его субъективности

может представляться ему неисчерпаемой). И только сторонний наблюдатель, выступающий в роли зрителя, осознаёт эти границы в силу того, что его субъективный мир имеет другое внутреннее наполнение, а потому он способен к альтернативным поступкам. (Эти идеи М. Бахтин развивает в книге «К философии поступка».)

Следующий шаг в анализе субъективности, прямо выводящий на диалогичность, можно сделать, привлекая работы М. Бахтина «Эстетика словесного творчества» и «Проблемы поэтики Достоевского». Этот шаг состоит в том, что поступок выражается в высказывании человека, а высказывание может быть проявлением какого-то сложного текста, развернуть который, превратив его в речь, и стремится каждый из нас как существо, одарённое разумом и речью. Поступки могут быть выражением высказываний, или наоборот – высказывания могут предварять поступок и сопровождать их. Однако каждый из нас несёт в себе свой собственный текст.

Здесь также необходимо отметить также, что полноценный поступок предполагает вынесение на себе ответственности за судьбу всего мира, и только тогда у героя может зазвучать свой собственный голос, а самозванство, в терминологии М. Бахтина, будет предполагать стремление избежать ответственности и потому порождать неполноценные высказывания (герой будет как бы петь с чужого голоса). Поэтому каждое высказывание доступно интерпретации, которая может быть осуществлена исходя из всего текста (смысл которого становится ясен герою поступка лишь постепенно), так и контекста взаимоотношений с другими героями. И эти взаимоотношения являются изначально диалогическими, то есть они развёртываются на границах, в тех семантических полях, которые ещё пока не нашли своего взаимопроникновения.

Каждый поступок требует своего завершения, что может быть совершено только исходя из позиции вненаходимости. Это завершение совершает другой герой с позиции зрителя, после чего он совершает свой собственный поступок. Однако последний оказывается происходящим не в безвоздушном пространстве, а с учётом высказывания исходного героя, исходного говорящего. Поэтому речь второго героя несёт на себе отпечаток тех смыслов, что породил первый, однако она несёт в себе также некое *добавочное содержание*, что позволяет увидеть совсем новый смысл, недоступный первому говорящему. Особенно чётко этот процесс можно наблюдать в романах Ф. Достоевского, как отмечает М. Бахтин.

Ещё более глубокий уровень взаимоотношений между действующими лицами возникает тогда, когда они прибегают к так называемой «лазейке», как пишет М. Бахтин. Говорящий высказывает нечто, что может получить неодобрение слушателя, однако в результате дальнейшего развёртывания взаимоотношений между всеми остальными героями романа именно это неодобрение и будет нести в себе высшее одобрение, поскольку только так перед действующим субъектом открывается шанс раскрыть свой потенциал, который был не осознан им самим. Если же бы он, наоборот, получил бы одобрение, то его голос не состоялся бы, поэтому на более глубоком смысловом уровне это означало бы неодобрение[209].

Поэтому применение такой более сложной методологии позволяет понять, что диалог на самом деле есть проявление полилога, который М. Бахтин сравнивает с хором: каждый исполняет свою партию и в то же время оказывается настроенным на некую высшую мелодию, что приходит из интеллигибельного мира (в связи с этим Бахтин пишет о христианских истоках вдохновения Ф. Достоевского, хотя в советских условиях он и не мог подробно развить эту тему). Дело в том, что, только исполняя своё предназначение, определяемое авторским замыслом, герой и оказывается способным на самостоятельный голос, поступок, и тем самым оказывает косвенное влияние на остальных героев, также приглашая их к поступкам и к осмысленной речи, выражающей и сопровождающей поступки. И если в романе носителем такого высшего голоса выступает автор, то в жизни он имеет метафизическое происхождение и связан с проникновением в загадочность жизни и смерти.[210]

Эту проблему М. Бахтин анализирует в своём третьем известном сочинении, которое здесь будет нами привлекаться – «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Бахтин показывает, что в каждой культуре существуют особые символические практики, посредством которых снимаются существующие неподлинные социальные иерархии, и их участники переживают свою тождественность с коллективным народным телом, формирующимся в процессе карнавала. В целостности этого тела снимается граница между прошлым, настоящим

[209] Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М. – Аугсбург: Im Werden-Verlag, 2002. URl: www.imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf С. 138 – 140, 143 (дата обращения: 08.08.2023).

[210] Там же. С. 36, 39 – 40, 157 – 158.

и будущим, и в нём нет места страху (так как страх может проникнуть только в отмирающую часть), так как символически воспроизводится смерть и новое рождение в виде смены клеточек этого народного тела.[211]

Итак, только из глубинных, экзистенциальных опытов, по Бахтину, и рождается осознание каждым своей изначальной субъектности, постигается свой неповторимый замысел, который может быть развёрнут в поступках и выражен в высказываниях. А в этих опытах происходит переживание исходной диалогической связи, позволяющей каждому осознать, что истоки моего сознания лежат в сообществе, и я придаю этой общности самосознаний своё неповторимое выражение, для чего и совершаю поступки. Таким образом эта связь с уровня простого переживания переходит на уровень взаимной осознанности, условием чего является сохранение настроенности на некую высшую мелодию, что выводит диалог в полилог[212]. В результате в самом процессе диалога могут зазвучать новые голоса, непредусмотренные никем из участников, и именно на этом пути и могут быть найдены пути к синтезу различных символических пространств, в том числе и различных культур: когда образуется нечто третье, дополняющее обе культуры и придающее им обоим новый импульс к развитию. Вот так и появится тот искомый плавильный котёл, благодаря которому может возникнуть обновлённое посткризисное человечество. И в пространстве этого качественного перехода могут быть на новом уровне поставлены и разрешены вопросы политического образования, глобализации и двойного гражданства. Данный текст послужил обозначению того пути, на котором можно ожидать появление объяснений этого качественного перехода.

Заключение

Таким образом, на уровне национального государства политическое образование, в русле философии И. Канта (дополненное некоторыми идеями М. Бахтина и современных европейских мыслителей) позволяет содействовать становлению граждан государства. Они будут прежде всего способны к нравственному самоопределению и к самостоятельному мышлению. Далее у них будут опыты участия в политических дискур-

[211] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 273 – 275, 282 – 283, 350 – 352, 448 – 451. (Всего: 543 с.)

[212] Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 36, 39 – 40, 157 – 158.

сах, ведущих к формированию общей воли. Также они будут получать опыты самоуправления, для чего должна быть соответствующим образом трансформирована институциональная действительность.

В современную эпоху возникают межгосударственные конфликты страшной интенсивности. В ходе этих конфликтов необходимо договориться о принципах международного права, на основе которых будет возможен мир. В частности, подлинное влияние на соседей возможно только с позиции мягкой силы, а применение насилия не может принести надёжный результаты в долгосрочной перспективе.

Однако, если весь международный политико-правовой строй расстраивается, и возникает массовая миграция, то на первое место встаёт проблема двойного гражданства. Она не может быть адекватно выражена в русле идеи мультикультурализма, поскольку хотя и апеллирует к необходимости диалога между представителями различных сообществ, образующих государство, но при этом не учитывает возможность качественного преображения – превращения этого диалога в «полилог».

Именно в этом месте И. Канта органично дополняет философия М. Бахтина. Полилог наступит тогда, когда участники диалога обратятся к поиску ответов на основополагающие вопросы человеческого бытия, поставят под вопрос загадочность жизни и смерти и попробуют найти хотя бы символически образом её решение. В результате в диалоге могут зазвучать совсем иные голоса, которые никто не предвидел заранее. А на этом уровне может начаться поиск выхода и из универсального кризиса современного человечества на основе общего для всех людей разума. Следовательно, политическое образование несёт в себе диалектическое единство патриотизма и космополитизма, что можно осознать только на базе диалектического мышления (развиваемого долгой философской подготовкой). Роль учёных (педагогов, философов) заключается в разъяснении сути такого мышления и просвещении масс, чтобы они захотели солидарно работать над становлением разумной действительности, осуществляющей принцип единства в многообразии.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9 – 226.

2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М. – Аугсбург: Im Werden-Verlag, 2002. URl: www.imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Гораций. Полн. собр. соч. / Пер. с лат. – М.-Л.: Academia, 1936. 472 с.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2002. 471 с.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения (другое издание работы). / Пер. с нем. // Кант И. Соч.: В 8-ми тт. – Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – С. 137 – 375.
7. Кант И. К вечному миру. / Русскоязычный вариант двуязычного текста. Пер. с нем. // Кант И. Соч. в 4-х тт. на русск. и нем. языках. Т. 1. Трактаты и письма. – М.: Ками, 1994. С. 353 – 479.
8. Кант И. Критика практического разума. / Русскоязычный вариант двуязычного текста. Пер. с нем. // Кант И. Соч.: в 4-х тт. на русск. и нем. языках. – Т. 3. Основоположения к метафизике нравов. Критика практического разума. – М.: Ками, 1997. С. 277 – 733.
9. Кант И. Основоположения к метафизике нравов. / Русскоязычный вариант двуязычного текста. Пер. с нем. // Кант И. Соч.: в 4-х тт. на русск. и нем. языках. – Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. –С. 39 – 276.
10. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение. / Русскоязычный вариант двуязычного текста. Пер. с нем. // Кант И. Соч.: в 4-х тт. на русск. и нем. языках. – Т. 1. Трактаты и письма. – М.: Ками, 1994. С. 127 – 147.
11. Кант И. Трактат о педагогике. / Пер. с нем. // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 445 – 504.
12. Саликов А. Н. Кант и современная теория международных отношений. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2013. Вып. 12. С. 97 – 103.
13. Шачин С.В., Шачина А.Ю. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета. // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб.: Изд-во СПб филиала Ин-та социологии РАН, 2022. № 1 (25). С. 52 – 69. URL: http://journssa.ru/files/volumes/2022_1/Shachin_Shachina_2022_1.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
14. Шачина А.Ю., Шачин С.В. Государство как гарант свободы и деятельность как ее реализация. // Государственная служба: научный журнал. М.: Изд-во РАНХиГС, 2019. № 5. С. 17 – 23.

15. Шачина А.Ю., Шачин С.В. К вопросу о демократической основе нравственности в образовании. // Педагогика: научно-теоретич. журнал. – М., 2018. № 9. С. 19 – 23.
16. Шачина А.Ю., Шачин С.В. Обзор книги Хоннет А. Право свободы: Очерк демократической нравственности. // Кантовский сборник: научный журнал. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2012. № 1 (39). С. 91 – 101. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/4b5/wrjhqxqtuteo%20be._91-100.pdf (дата обращения: 08.08.2023).
17. Шачина А.Ю., Шачин С.В. Признание как альтернатива толерантности, или К вопросу о статусе толерантности в системе целей и ценностей образования. // Ценности и смыслы: научный журнал. – М.: Изд-во Ин-та стратегии развития образования, 2018. № 2 (54). С. 112 – 126.
18. Adorno Theodor W. Probleme der Moralphilosophie. – Berlin: Suhrkamp-Verlag, 2010. 317 S.
19. Brandt Reinhardt. Die Bestimmung des Menschen bei Kant. – 2. Aufl. – Hamburg: Felix Meiner-Verlag, 2009. 628 S.
20. Fischer Wolfgang. Einige Bemerkungen über die (Un-)Verträglichkeit von Pädagogik und Politik. // Skepsis und Widerstand. Neue Beiträge zur skeptisch- und transzendentalkritischen Pädagogik. / Hrsg. von Wolfgang Fischer und Jörg Ruhloff. – Sankt Augustin: Academia-Verlag, 1993. – S. 191 – 207.
21. Forst Rainer. Toleranz im Konflikt. Geschichte, Gehalt und Gegenwart eines umstrittenen Begriffs. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2003. 816 S.
22. Gerhardt Volker. Immanuel Kant. Vernunft und Leben. – Stuttgart: Reclam-Verlag, 2002. 380 S.
23. Heitger Marian. Bildung als Selbstbestimmung. / Hrsg. von Winfried Böhm und Volker Ladenthin. – Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2004. 218 S.
24. Heitger Marian. Systematische Pädagogik – wozu? – Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2003. 162 S.
25. Honneth Axel. Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung. Berlin: Suhrkamp-Verlag, 2015. 168 S.
26. Honneth Axel. Erziehung und demokratische Öffentlichkeit: Ein vernachlässigtes Kapitel der politischen Philosophie // Deutsche Zeitschrift für Erziehungswissenschaften. – Berlin, 2012. № 15. – S. 429 – 442. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11618-012-0285-9 (дата обращения: 08.08.2023).

27. Hufnagel Erwin. Der Wissenschaftscharakter der Pädagogik: Studien zur pädagogischen Grundlehre von Kant, Natorp und Hönigswald. – Würzburg: Königshausen & Neumann Verlag, 1990. 412 S.
28. Hufnagel Erwin. Globalisierung: Zu ihrer Geschichte und rechtsphilosophischen Systematik. // Globalisierung: Probleme der Postmoderne // Hrsg. von Erwin Hufnagel und Jure Zovko. – Berlin: Parerga-Verlag, 2006. – S. 17 – 68.
29. Kant Immanuel. Päd, AA 09: 453
30. Kant – Pädagogik und Politik. / Hrsg. von Lutz Koch und Christian Schönherr. – Würzburg: ERGON, 2005. 145 S.
31. *Koch Lutz.* Kants *ethische Didaktik.* – Würzburg: Ergon 2003. 441 S.
32. Ruhloff Jörg. Auch Moralisierung? Bemerkungen zur Aktualität von Kants Gliederung der Erziehungsaufgabe. // Kant – Pädagogik und Politik. / Hrsg. von Lutz Koch und Christian Schönherr. – Würzburg: Ergon, 2005. – S. 23 – 32.
33. Ruhloff Jörg. Pädagogik ohne praktisch-philosophisches Fundament? // Kant und Pädagogik: Pädagogik und praktische Philosophie. / Hrsg. von Jürgen-Eckard Pleines. – Würzburg: Königshausen und Neumann, 1985. – S. 52 – 54.
34. Skepsis und Widerstand. Neue Beiträge zur skeptisch- und transzendentalkritischen Pädagogik. / Hrsg. von Wolfgang Fischer und Jörg Ruhloff. – Sankt Augustin: Academia-Verlag, 1993. – 221 S.

Елена Владимировна Филиппова
независимый исследователь
Мурманск, Россия

О ЧЁМ РАССКАЗАЛИ ДЕЛЬФИНЫ? ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЛЕО СИЛАРДА КАК ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. *В статье исследуется литературное наследие Лео Силарда (1898 – 1964), выдающегося физика-ядерщика и общественного деятеля, одного из самых известных американцев венгерского происхождения. Непростая жизненная траектория ученого-эмигранта была типичной для европейских интеллектуалов его поколения. И по происхождению, и по сфере интересов Лео Силард был трансграничной фигурой, и его литературное творчество можно рассматривать как один из ярких примеров снятия оппозиции «художественный – внехудожественный текст». Анализируется авторский сборник «The Voice of the Dolphins, and Other Stories» (1961), проводится формальный и содержательный анализ как оригинальных англоязычных текстов Лео Силарда, так и их публикаций на русском языке.*

Ключевые слова: *«Голос дельфинов», социальная роль науки, научная фантастика, история будущего, холодная война, ядерная война, постапокалипсис, миниатюра, ирония.*

Elena Philippova
Independent researcher,
Murmansk, Russia

WHAT DID THE DOLPHINS SAY? THE LITERARY WORK OF LEO SZILARD AS AN EXPERIENCE OF SOCIAL REFLECTION

Abstract. *The article examines the literary heritage of Leo Szilard (1898–1964), an outstanding nuclear physicist and public figure, one of the most famous Americans of Hungarian origin. The difficult life path of the emigrant scientist was typical*

of European intellectuals of his generation. Both in origin and in his area of interest, Leo Szilard was a cross-border figure, and his literary work can be considered as one of the striking examples of the removal of the «fiction / non-fiction» opposition. The author's collection «The Voice of the Dolphins, and Other Stories» (1961) is analyzed, a formal and substantive analysis of both the original English-language texts of Leo Szilard and their publications in Russian is carried out.

Keywords: *«The Voice of the Dolphins», social role of science, science fiction, history of the future, cold war, nuclear war, post-apocalypse, miniature, irony.*

Введение

В данной статье мы рассмотрим не столь широко известную в нашей стране книгу под названием «The Voice of the Dolphins, and Other Stories» («Голос дельфинов и другие истории»), впервые опубликованную в США в 1961 г., автором которой был выдающийся ученый Лео Силард. И обстоятельства появления сборника, и его содержание, и сама фигура автора – всё идеально подходит к теме «Миграция идей, диалоги поверх границ».

Ле́о Си́лард (11.02.1898, Будапешт, Австро-Венгрия – 30.05.1964, Ла-Холья, Калифорния, США) – видный ядерный физик и биофизик, один из самых известных американцев венгерского происхождения. Появился на свет в еврейской семье среднего достатка. Проявил ранний интерес к физике и математике. В 1916 г. начал изучать электротехнику в колледже. В конце 1919 г., как и многие его соотечественники, был вынужден покинуть родину из-за хаотической политической ситуации в Венгрии после Первой мировой войны. Учился, получил докторскую степень по физике и работал в Берлине, в 1933 г. бежал в Великобританию, откуда в 1938 г. переехал в Нью-Йорк, где продолжил академическую карьеру, работал в команде «Манхэттенского проекта» (программа США по разработке ядерного оружия). Возглавил движение ученых-атомщиков против военного применения атомной бомбы, а в период после Второй мировой войны стал одним из лидеров движения за «мир во всем мире» и ядерного разоружения.

Сцилард или Силард? По-венгерски имя ученого пишется так: Szilárd Leó. Венгры произносят Szilárd как [Силард], англоговорящие как [Зилард].[213] В советское время эта фамилия по-русски писалась обычно в

[213] Американский биограф Лео Силарда дает такое пояснение: «Szilard's name can be pronounced in different ways. In Hungary, it is pronounced SEE-lahrd. English

транслитерации «Сцилард», в настоящее время считается более правильным транскрипционное написание «Силард».

Лео Силард был во многом «пограничной» и даже «трансграничной» фигурой – и по происхождению, и по образу жизни, и по сфере интересов. Своими родными языками он считал в равной степени венгерский и немецкий. Родился и вырос в Будапеште, городе с космополитической атмосферой, но благодаря обучению в государственной школе «стал венгром», по его собственным словам. После отъезда из Европы входил в число «Марсиан» (так называлась группа венгерских ученых еврейского происхождения, эмигрировавших в США и получивших там признание на научном поприще, в основном в области точных наук). Шуточное название «Марсиане» придумано Силардом; в этом самоназвании отразилось осознание собственной «инаковости», несмотря на успешную интеграцию в американском обществе.

Ученого отличала склонность к междисциплинарности и стремление к выходу за предписанные рамки. «Силард не только пробил дыры в «железном занавесе», отделяющем искусство от науки – его интеллектуальная деятельность также выходила за междисциплиные границы. В области «точных наук», помимо своего исторического вклада в ядерную физику, Силард участвовал в зарождении по крайней мере еще двух новых дисциплин двадцатого века: кибернетики и молекулярной биологии. В социогуманитарной сфере Силард занимался политологией, общественной деятельностью и, конечно, литературой. Известен как автор научно-фантастических рассказов. Тот факт, что Лео Сцилард был одним из ведущих физиков-ядерщиков своего времени, а не профессиональным писателем, делает результаты его экспериментов с литературой, эти шесть рассказов в «Голосе дельфинов», еще более интересными».[214]

Сборник «Голос дельфинов и другие истории» содержит одно достаточно крупное произведение – заглавную повесть – и несколько небольших рассказов. Сборник был впервые издан на английском языке в США в 1961 г. и с тех пор неоднократно переиздавался. Книга также выходила в переводах на другие языки: итальянский (1962), французский (1962),

speakers usually pronounce it as ZIL-ahrd or zuh-LAHRD» // Dannen G. «Leo Szilard Online» [Онлайн-ресурс]. (Режим доступа: http://www.dannen.com/szilard.html)

[214] Farkas A. A nuclear physicist's foray into the realm of fiction: Leo Szilard's The Voice Of The Dolphins. P. 197.

японский (1963), испанский (1963), немецкий (1963), датский (1964), венгерский (2002).[215]

Рассказы, вошедшие в сборник 1961 г., были написаны ещё в конце 1940-х гг. (1947, 1948 и 1949) и уже публиковались по отдельности в узко специализированных профильных периодических изданиях. Заглавная повесть была написана в 1960 г. – вероятно, именно её написание и подвигло Силарда к изданию всех своих художественных работ в виде авторского сборника.

В *Приложении 1* приводятся подробные сведения об изданиях сборника Лео Силарда «The Voice of the Dolphins, and Other Stories», хронология написания и публикации отдельных рассказов из него, информация о публикациях Л. Силарда на русском языке.

Состав оригинального сборника:

1. The Voice of the Dolphins (повесть). Описываются противоречия и тупики мировой политики во второй половине XX в. и роль организованного международного научного сообщества в поиске путей выхода из состояния «холодной войны».

2. My Trial as a War Criminal (рассказ). После Третьей мировой войны СССР как победившая сторона проводит трибунал над американскими военными преступниками. Главный герой (сам Лео Силард) тоже предстает перед судом за свою причастность к разработке атомной бомбы.

3. The Mark Gable Foundation (рассказ). Главный герой в качестве научного эксперимента и из желания «увидеть будущее» подвергается заморозке и возвращается к жизни спустя почти сотню лет.

4. Calling All Stars (рассказ). Обитатели планеты Кибернетика обращаются с просьбой о помощи ко всем, кто услышит их во Вселенной.

5. Report On "Grand Central Terminal" (рассказ). Инопланетяне описывают посещение Земли, опустошенной ядерной войной. Они пытаются выяснить причины произошедшего, разобраться в психологии и обычаях ее погибших обитателей.

Дополнительные рассказы (из последующих изданий сборника):

6. The Mined Cities (рассказ). Диалог между двумя людьми, один из которых провел в медицинском анабиозе 18 лет и ничего не знает о мировых событиях, произошедших за все эти годы.

[215] The Internet Speculative Fiction Database. (Режим доступа: https://www.isfdb.org/cgi-bin/title.cgi?38061)

*7. **Kathy and the Bear*** (рассказ). Жизненная зарисовка: две беседы автора с маленькой девочкой.

Вскоре после оригинальной американской публикации 1961 г. три рассказа Л. Силарда были опубликованы в СССР в переводе на русский язык: в составе антологий зарубежной фантастики (***«Фонд Марка Гейбла»*** в 1964 г. и ***«К вопросу о “Центральном вокзале”»*** в 1968 г.) и в научно-популярном журнале (***«Всем звездам!»*** в 1966 г.). Всё это были большетиражные публикации. (Подробную информацию советских изданиях и переизданиях рассказов Л.Силарда см. в *Приложении 1*).

В данной статье и приложениях к ней мы предлагаем свои переводы: выдержек из заглавной повести сборника «Голос дельфинов» (*Приложение 2*), рассказа «Кэти и медведь» (*Приложение 3*), фрагментов поэтического эпиграфа к сборнику, которые еще не публиковались на русском языке.

I. Заглавная повесть: Голос разума, или Кто такие дельфины?

Заглавное произведение сборника, повесть «Голос дельфинов» выделяется среди других, прежде всего, своим объемом[216] – это самый обширный текст в книге. И на то есть причина: по форме повесть имитирует научный труд (диссертацию) об общественно-политической и международной деятельности вымышленного Венского института (от его возникновения в 1963 г. до упразднения в 1988 г.) в контексте мировой политики.

Повествование можно рассматривать как историю холодной войны, рассказанную постфактум, ретроспективно, уже с позиции человека, живущего в начале XXI века.[217] В момент написания и публикации повести (1960–1961 гг.) это должно было восприниматься футуристично. Возникает любопытный эффект восприятия текста: для современного читателя повествование («история будущего» как предвидение) накладывает-

[216] Превышает 2 п.л., особенно внушительно смотрится на фоне остальных рассказов, довольно лаконичных.

[217] Конкретное «настоящее» время рассказчика не указывается, но в тексте есть ссылки на книгу 1998 г. издания, равно как и упоминание о том, что с момента подписания договора о разоружении 1988 г. уже прошли «десятилетия» (т. е. минимум 20 лет). То есть «настоящее» рассказчика – 2008 г. или позднее.

ся на уже состоявшуюся, «реальную» историю второй половины XX в. Примечательно при этом, что Силард исключительно хорошо разбирался в движущих силах и логике развития мировой политики, в механизмах функционирования общественно-политической сферы и предвидел всё в целом удивительно верно.[218]

Предметом изображения выступают международные отношения в эпоху холодной войны и то, как их можно разумно исправить при наличии доброй воли. «Голос дельфинов» – название телевизионной передачи из повести — это голос разума, разума практического, который во благо использует свое знание, в том числе знание о человеческом несовершенстве.

Подобно тому, как Н. Гоголь (по выражению В.Г. Белинского) «мило прикинулся Пасичником» в своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки», автор диссертации (до некоторой степени alter ego Силарда) в своем лице объединяет, с одной стороны, сведущего и проницательного академического ученого, а с другой – местами ироничного, местами наивного рассказчика. Рассказчик иногда отступает от своего отвлеченно-объективированного повествования и проявляет себя комментариями – тогда «объективированная» хроника событий перемежается наивно-ироническими вставками (к примеру, о том, что лучшей мотивацией для высокоинтеллектуальных дельфинов, как и для любых животных, служит еда – печеночный паштет). В ряде случаев читатель делает из сказанного выводы противоположные выводам рассказчика и начинает догадываться, что вся история с дельфинами – мистификация. При всей серьезности и сложности рассматриваемых тем, по форме это шутка Силарда.

Силард реалистично смотрит на международные отношения и не имеет иллюзий относительно человеческой природы (особенно власть имущих). В том что касается мировой политики, Силард выступает последовательным «политическим реалистом»: для него мир состоит из «The Great Powers» (великих держав) и «underdeveloped nations» (разви-

[218] Приведем несколько примеров. По альтернативной истории Силарда, Германия стала единой в 1980 г. (в реальности это произошло в 1990 г.); начало политической интеграции Западной Европы относится у Силарда к концу 1980-х гг. (фактическое создание Евросоюза произошло в 1993 г.); описанные Силардом масштабные международные соглашения о разоружении действительно относятся к 1980-м гг., а конец «холодной войны» - к концу 1980-х гг. Хотя распада Советского Союза в альтернативной истории Силарда не было.

вающихся стран «третьего мира»). Жесткое идеологическое противостояние, гонка вооружений, взаимный ядерный шантаж, борьба за ресурсы и сферы влияния, территориальные претензии – вот что движет мировой политикой.

Послевоенное глобальное противостояние (1946 – к. 1980-х гг.) между двумя блоками государств называют «холодной войной», когда локальные вооруженные конфликты в разных частях «третьего мира» были ничем иным как опосредованными войнами между двумя враждующими сверхдержавами.

В контексте «холодной войны» подается мировая политика и в «Голосе дельфинов». В центре внимания находятся две сверхдержавы, США и СССР (которые синекдотически называются America и Russia), их взаимоотношения между собой и сферами влияния. Большое внимание уделяется также выходу на международную арену Китая. То, что мы читаем, нам знакомо: распространение доминирования США в Южной Америке; Китай и Тайвань; контроль за нефтью на Ближнем Востоке; противоречия в Европе. Но не стоит забывать, что, хотя по форме это повествование о событиях прошлого, во время написания это был рассказ о том, что еще предстоит (!)

В таблице «Карта мира по Л.Силарду (согласно «Голосу дельфинов»)» приводится частота упоминаний в тексте повести отдельных государств и регионов мира. Одни из них субъекты мировой политики, другие – просто сферы влияния. Можно видеть, что основное внимание уделяется США и СССР, а после них – Китаю. Помимо СССР, из стран социалистического блока упоминается лишь Польша (в связи с ее территориальным конфликтом с Германией). Примечательно, что ни в каком качестве не упоминаются Израиль и Венгрия.

В качестве значимых международных акторов у Силарда фигурируют такие общественные институты и организации, как Католическая церковь, ООН (Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности), комитет Нобелевской премии, институт Гэллапа, средства массовой коммуникации (телевидение). Роль общественного мнения оценивается в целом скептически, оно выступает скорее объектом манипуляции, чем актором, а католическая церковь показана в виде отчасти комической ретроградной силы. Значимая роль в мировой политике отводится и научному сообществу – в лице вымышленного Венского института. Почему Силард

расположил свой институт именно в Вене? Возможно, этот город был выбран как географический центр Европы и одна из двух исторических столиц Австро-Венгрии.

Таблица.

Карта мира по Л. Силарду (согласно «Голосу дельфинов»)

Государство, регион мира	*Кол-во появлений в тексте*
America / Америка (в значении: США)	215
South America / Южная Америка	5
Bolivia / Боливия	3
Puerto Rico, El Salvador, Ecuador, Nicaragua, Peru / Пуэрто-Рико, Сальвадор, Эквадор, Никарагуа, Перу	по одному разу
Europe / Европа	18
Germany / Германия	46
Poland / Польша	12
France / Франция	10
Italy / Италия	6
Great Britain / Великобритания	4
Africa	13
Middle East / Ближний Восток	8
Iraq / Ирак	8
Iran / Иран	7
Syria / Сирия	2
Turkey / Турция	2
Lebanon / Ливан	2
Jordan / Иордания	2
Egypt	1
Russia / Россия + Soviet Union / Советский Союз	200 + 63
China / Китай	45
Formosa / Тайвань	13
Japan / Япония	16
India / Индия	11
Southeast Asia / Юго-Восточная Азия	4

Достоверности повествованию добавляет и то, что Силард упоминает в своей «хронике» реальных исторических лиц. Зачином повести служит вполне конкретный историко-политический контекст. *Прези-*

дентский научный консультативный комитет, на который Силард ссылается в завязке истории, реален и условия его возникновения, описанные в повести, соответствуют действительности. Президентский научный консультативный комитет был создан 21 ноября 1957 г. президентом США *Дуайтом Д. Эйзенхауэром* как прямой ответ на запуск Советским Союзом «Спутника-1» и «Спутника-2». Его целью было предоставление президенту независимой информации и экспертных советов как по научным вопросам в целом, так и по вопросам, связанным с обороной. Первым директором действительно был назначен упомянутый в повести *Джеймс Р. Киллиан* (1904 – 1988) – американский учёный, председатель Совета президента США по внешней разведке (1956–1963), автор книги «Sputnik, Scientists, and Eisenhower: A Memoir of the First Special Assistant to the President for Science and Technology» (1977).

Повесть начинается так: «On several occasions between 1960 and 1985, the world narrowly escaped an all-out atomic war. In each case, the escape was due more to fortuitous circumstances than to the wisdom of the policies pursued by statesmen.» («В период 1960 – 1985 гг. мир несколько раз едва избежал тотальной атомной войны. В каждом случае это было связано скорее с удачным стечением обстоятельств, чем с мудростью политики, проводимой государственными деятелями».) Согласно Силарду*, Президентский научный консультативный комитет* сыграл свою благотворную роль лишь в том, что поспособствовал созданию международной научной институции (американо-советского НИИ под названием Венский институт), функционирование которой существенным образом повлияло на международные отношения и мировую политику 1960–1980-х гг. (Сам Институт и его деятельность – вымысел Силарда).[219]

Несмотря на то, что изначально международный институт создавался как биологический (в перспективной сфере молекулярной биологии), его деятельность касалась таких общезначимых практических сфер человеческой жизни, как решение вопросов благосостояния (обеспечение продовольствия, уменьшение перенаселенности), лоббирова-

[219] В Приложении 2 приводится подробная «История Венского института» – фрагменты из повести «Голос дельфинов» с нашим (Е.Ф.) переводом, которые мы сгруппировали тематически и сопроводили подзаголовками.

ние конструктивных политических решений, вплоть до поиска выхода из «ядерного тупика».

Хронология деятельности Института

1962 – первая конференция, позволившая установить личный контакт между американскими и советскими учеными;

1963 – создание международного института; научно-практические открытия, обретение академической репутации и финансовой независимости через патенты;

1970 – утрата государственного финансирования из-за разрыва российско-американских контактов по политическим причинам;

1987 – международная конференция по вопросам разоружения;

1988 – соглашение о разоружении.

Этапы деятельности Института

1) Вновь созданный Венский институт молекулярной биологии начал свою деятельность с исследования дельфинов (оценки их интеллектуальных способностей), перейдя затем к их обучению. Заявляется, что дельфины освоили систему человеческих знаний до такой степени, что сами начинают руководить экспериментами, т.о. из объекта изучения становясь коллегами людей-ученых и сотрудниками Института.

2) Деятельность, приписываемая дельфинам [и осуществленная стоящими за ними учеными].

а) Открытия и награды Института в сфере биологии (5 Нобелевских премий); обретение международного авторитета и признания, в т.ч. за открытие белкового продукта на основе водорослей, решившего мировую продовольственную проблему и проблему перенаселения в «развивающихся» странах. Коммерческий успех, обретение финансовой независимости от государственного финансирования.

б) Инвестиции во всемирное телевещание (следствием чего стал выход массовой коммуникации и публичного просвещения на новый уровень).

в) Приглашение политологов в институт и предложение практических решений в политической сфере (оказание влияния на правительства других стран и собственных политиков путём их завуалированного подкупа); помощь в достижении выхода из «ядерного тупика» 1962–

1965 гг.[220]; помощь в разработке международного соглашения о разоружении во 2 п. 1980-х гг. [221]

Дельфины [стоящие за ними ученые] за короткий срок: стали субъектными; сделали открытия, приобрели известность; решили продовольственную и демографическую проблему; обрели финансовую независимость; создали площадку для обсуждения общественных проблем, стали просветителями и лидерами общественного мнения; занялись вопросами политики, начиная с расширения влияния ООН (предположительно, благотворного) на страны Южной Америки и заканчивая вопросами ядерного разоружения. Достигнув принятия Соглашения о разоружении (1988) и тем самым выполнив свою миссию, дельфины (=Институт) уходят со сцены. За гибелью выполнившего свою роль Института следуют безуспешные попытки других стран воспроизвести их успехи.

«Дельфины» успешно реализуют такую неочевидную задачу науки, как «умение зарабатывать и инвестировать». «Дельфины» выступают и мастерами политического действия. Вполне в духе Маккиавелли, они рекомендуют и практикуют такие методы как лоббирование своих интересов в других странах, подкупы чужих правительств, нейтрализацию собственных политиков путем создания синекур. Если политиков невозможно сделать честными или переубедить, то их можно «переиграть», зная человеческую природу и используя их же методы. Тем самым, на основе знаний и доброй воли, располагая финансами, проявляя необходимую гибкость и дипломатию, сообщество ученых становится общественно-политической силой.

Почему Силард выбрал в качестве «оракула» именно дельфинов? Во время создания повести как раз активно изучались их возможности. В «Голосе дельфинов» мы читаем: «В 1960 г. доктор Джон К. Лилли выступил с заявлением, что у дельфинов может быть свой язык, что они способны имитировать человеческую речь и что интеллект дельфинов мо-

[220] Как пишет в «Голосе дельфинов» (прогнозирует в 1960 г.) Силард: «By 1965 America and Russia were capable of destroying each other to any desired degree» («К 1965 г. Америка и Россия были в состоянии уничтожить друг друга до любой желаемой степени»).

[221] Реальной исторической «финишной чертой» в гонке вооружений между СССР и США стало соглашение, подписанное Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом в Вашингтоне 8 декабря 1987 г .

жет быть равен человеческому, а возможно, и превосходит его». Силард ссылается здесь на реальное лицо. Помимо остроумной идеи о том, что дельфины – это «люди моря», Силарда могла привлекать и сама неоднозначная, «пограничная» фигура Джонна Лилли.

Джон Каннингем Лилли (*John Cunningham Lilly,* 1915 – 2001) – американский врач-психоаналитик, учёный-нейробиолог, изобретатель. Благодаря наличию и технического, и медицинского образования изобрел ряд приборов медицинского назначения. Внёс вклад в развитие биофизики, нейрофизиологии, электроники, информатики и нейроанатомии. Принадлежал к поколению ученых и мыслителей контркультуры. Известен своими исследованиями природы сознания в камере сенсорной депривации, психоделиков и коммуникативной способности дельфинов. В 1958 г. Джон Лилли выступил с докладом, ставшем сенсацией в научном и особенно околонаучном мире: он говорил о существовании рядом с нами, в водной стихии, иного разума, иной цивилизации, которых мы не замечаем из-за своего «человекоцентризма». Автор книг «Communication Between Man & Dolphin: The Possibilities of Talking with Other Species» (1967), «The Mind of Dolphin. A non-human intelligence» (1967) и др.[222] С легкой руки Лилли миллионы людей увидели в дельфинах «братьев по разуму».

Далее приведем несколько цитат, иллюстрирующих ироничный стиль, присущий Лео Силарду.

Цитата 1. Католическая церковь в трудном положении

Контекст: изобретение доступного по цене пищевого продукта Amruss, который «заметно снижает фертильность женщин, но не влияет на фертильность мужчин», стало спасением для стран «глобального Юга» с их высокой рождаемостью и перенаселенностью.

1.1. *«It also raised a major problem for the Catholic Church. At first Rome took no official position on the consumption of Amruss by Catholics, but left it to each individual bishop to issue such ruling for his diocese as he deemed advisable. In Puerto Rico the Catholic Church simply chose to close an eye. In a number of South American countries, however, the bishops took the position that partaking of Amruss was a mortal sin, no different from other forms of contraception.*

[222] В СССР русский перевод фрагментов книги Джона Лилли «Разум дельфина» был опубликован журналом «Природа» (1969, №№ 5 и 6).

In time, this attitude of the bishops threatened to have serious consequences for the Church, because it tended to undermine the institution of the confession. In countries such as El Salvador, Ecuador, Nicaragua and Peru, women gradually got tired of confessing again and again to having committed a mortal sin, and of being told again and again to do penance; in the end they simply stopped going to confession.

When the decline in the numbers of those who went to confession became conspicuous, it came to the attention of the Pope. As is generally known, in the end the issue was settled by the papal bull «Food Being Essential for Maintaining Life,» which stressed that Catholics ought not to be expected to starve when food was available. Thereafter, bishops uniformly took the position that Amruss was primarily a food, rather than a contraceptive».

1.1. *«Это также создало серьезную проблему для католической церкви. Сначала Рим не занимал никакой официальной позиции по поводу употребления «Амрусса» католиками, но оставил на усмотрение каждого конкретного епископа издавать такие постановления для своей епархии, которые тот считал целесообразными. В Пуэрто-Рико католическая церковь просто предпочла закрыть глаза. Однако в ряде стран Южной Америки епископы заявили, что употребление амрусса является смертным грехом, ничем не отличающимся от других видов контрацепции.*

Со временем такое отношение епископов грозило обернуться серьезными последствиями для Церкви, поскольку стало подрывать институт исповеди. В таких странах, как Сальвадор, Эквадор, Никарагуа и Перу, женщины постепенно устали вновь и вновь признаваться в совершении смертного греха, и раз за разом слышать, что нужно покаяться; в конце концов, они просто перестали ходить на исповедь.

Когда снижение числа посещающих исповедь стало значительным, это обратило на себя внимание Папы Римского. Как известно, в конце концов, вопрос был решен папской буллой «Пища, необходимая для поддержания жизни», в которой подчеркивалось, что католикам не следует голодать при наличии еды. После этого епископы единодушно придерживались позиции, что «Амрусс» – продукт питания, а не противозачаточное средство».

Цитата 2. Вопрос признания Китая

В повествовании довольно подробно говорится о ситуации «двух Китаев» (противостояние Китая и Тайваня). Как известно, после граждан-

ской войны 1949 г. Китайская Республика сохранила контроль только над Тайванем, тогда как остальная территория Китая стала Китайской Народной Республикой (основана 1 октября 1949 года). КНР была признана ООН лишь в 1971 г.[223]

По Силарду, США признали Китай в 1966 г. (на самом деле, несмотря на некоторое потепление американо-китайских отношений, в 1971 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН США голосовали против резолюции о передаче КНР прав представительства в ООН).

2.1. *«It seems that by 1960 most Americans realized the foolishness of opposing the seating of China in the UN and of pursuing a policy of «No Speak» toward China. Szilard's diary, recently reprinted by Simon and Schuster, contains an entry made in 1960 to the effect that he did not know personally anyone who still thought that America ought to persist in opposing the seating of China in the United Nations. In flagrant contrast to this, virtually all of those who ran for elective office in that year went on record against the seating of China.»*

2.1. *«Похоже, что к 1960 г. большинство американцев осознали, что глупо противодействовать включению Китая в ООН и проводить в отношении Китая «политику молчания». В недавно переизданном дневнике Силарда есть запись от 1960 г. с упоминанием, что среди его знакомых не было никого, кто бы по-прежнему считал, что Америка должна упорствовать в своем противодействии присутствию Китая в ООН. В вопиющем противоречии с этим, практически все, кто баллотировался на выборные должности в том году, официально выступили против признания Китая».*

Здесь примечательны два момента: **а)** автор диссертации как на историческое свидетельство ссылается на «опубликованный недавно» дневник Силарда (то есть Силард ссылается на свой собственный дневник, который, как он полагает, будет издан и переиздан! Даже указано издательство *Simon and Schuster*, в котором вышел «Голос дельфинов»); **б)** различие в позициях образованной (и просто здравомыслящей) общественности и политиков.

[223] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединённых Наций» была принята 25 октября 1971 г. В соответствии с ней, право представительства Китая перешло от Тайваня (Китайской Республики) к КНР (Китайской Народной Республике), включая место постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Цитата 3. «Формоза для формозцев»

3.1. *«After Chiang Kai-shek's untimely death, the "Formosa for Formosans" movement began to gather strength rather rapidly. Formosa had been separated from China for two generations, and Formosans liked neither the Chinese on the mainland nor those who had come to Formosa from the mainland. There were rumors that the American government secretly encouraged the "Formosa for Formosans" movement. There is no evidence, however, that any government funds were in fact involved, even though funds for cultural activities may have come from private sources in the United States, such as the Rockefeller Cousins' Fund».*

3.1. *«После безвременной кончины Чан Кай-ши[224] движение «Формоза для формозцев»[225] начало довольно быстро набирать силу. На протяжении двух поколений Формоза была отделена от Китая, и жители Формозы не любили китайцев на материке, равно как и тех, кто пришел на Формозу с материка. Ходили слухи, что американское правительство тайно поощряло движение «Формоза для формозцев». Однако нет никаких доказательств того, что действительно были задействованы какие-либо государственные средства, хотя средства на культурную деятельность могли поступать из частных источников в Соединенных Штатах, таких как Фонд близких родственников Рокфеллера».*

Упоминается «безвременная кончина» лидера Китайской республики (по тексту, это происходит после 1961 г.), хотя уход из жизни человека старше 70 лет вряд ли можно назвать «безвременным».

Иронически обыгрывается вмешательство США в дела других государств посредством НКО, поддержка ими сепаратистских националистических движений, в данном случае на Тайване против материкового Китая.

Цитата 4. Переоценка ценностей

Силард неожиданно оказывается знакомым с некоторыми идеями В.И. Ленина.

---

[224] Чан Кайши (1887 – 1975) – президент Китайской Республики/Тайваня (1950 – 1975).

[225] Формоза (от португ. formosa [ilha] – прекрасный [остров]) – историческое название острова Тайвань, данное ему в XVI в. португальскими моряками и используемое в западноевропейской и американской литературе.

4.1. *«Many Americans transferred funds to Switzerland, and this movement of funds reached such proportions that Swiss banks ceased to pay interest on deposits and levied a 2 per cent annual "carrying charge."*

This flight of capital forced America to raise the price of gold. Ostensibly America did this in order to render economic help to South Africa, where, as the result of a revolution, an all-black government took over, which America was quick to recognize. In fact, however, the chief beneficiary of the rise in the gold price was Russia. Up to then Russia had refrained from exporting gold at the prevailing low prices, and she had begun of late to line the walls of her public toilets with sheets of gold, in token fulfillment of a prophecy once made by Lenin».

4.1. *«Многие американцы переводили средства в Швейцарию, и это движение средств достигло таких масштабов, что швейцарские банки перестали выплачивать проценты по вкладам и взимали 2%-ный годовой «сбор за хранение».*

Этот отток капитала вынудил Америку поднять цену на золото. Предположительно, Америка сделала это для того, чтобы оказать экономическую помощь Южной Африке, где в результате революции к власти пришло полностью черное правительство, которое Америка быстро признала. Однако на самом деле главным бенефициаром роста цен на золото стала Россия. До того времени Россия воздерживалась от экспорта золота из-за преобладающих низких цен, а в последнее время там даже стали облицовывать стены общественных туалетов листами золота, в знак исполнения пророчества, сделанного когда-то Лениным».

В.И. Ленин, действительно, писал в газете «Правда» (№251, 6-7 ноября 1921 г.): «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов, в войне для решения великого вопроса о том, какой мир хуже, Брестский или Версальский; и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек и сделать калеками шестьдесят миллионов человек в войне не то около 1925, не то около 1928 года, не то между Японией и Америкой, не то между Англией

и Америкой, или как-нибудь в этом же роде. Но как ни «справедливо», как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением и с таким же успехом, как мы работали в 1917–1921 годах, только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого доработаться. Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле».[226]

Несмотря на то, что гражданин США Лео Силард относится к коммунистическому СССР без особой симпатии, в его изображении кооперация между учеными в совместном русско-американском проекте выступает в качестве плодотворной идеи, представляется реальным практическим способом выхода из антагонизма «холодной войны».

Можно приблизительно определить жанр повести – альтернативная (альтернативная ли?) история. Возможно, более точным была бы дефиниция «история будущего».[227] Если остальные рассказы сборника довольно легко идентифицируются как fiction (фантастика), то эта повесть с первого взгляда не производит даже впечатления художественной литературы, поскольку с протокольной точностью излагает «историю международных отношений» до конца XX в. Фигура нарратора по большей части как бы отсутствует, обезличена, и возникает ощущение, что читаешь учебник новейшей истории. Лео Сцилард достигает здесь блестящих высот единства формы и содержания: повесть «Голос дельфинов» – это *рассказ о мистификации* (деятельность института) *в форме мистификации* (имитация диссертации).

II. Другие истории: гримасы холодной войны, постгуманизм и «человеческое, слишком человеческое»

Тема военно-стратегического соперничества и гонки вооружений между США и СССР получила отражение и в рассказе «***Mined Cities»***

[226] Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 44. С. 225-226.

[227] Здесь можно вспомнить «Историю будущего» Р. Хайнлайна – цикл художественных произведений в жанре научной фантастики, описывающий предполагаемое будущее человечества с середины XX до начала XXIII в. Роберт Энсон Хайнлайн (англ. Robert Anson Heinlein; 1907 – 1988) – один из крупнейших англоязычных писателей-фантастов, как считается, во многом определивший лицо современной научной фантастики.

/ «Заминированные города» (1961). Метод взаимного сдерживания путем шантажа по принципу «город за город», «два города за город» упоминается также в повести *«Голос дельфинов»*. «Большая игра» между сверхдержавами за распределение сфер влияния ведется в форме угроз, ультиматумов, переговоров.

Рассказ написан в форме диалога двух собеседников, сведующего и несведующего – один объясняет, другой слушает и задает вопросы. Собеседники обозначены буквами *A* и *B*, и их разговор передается в виде чередующихся реплик, как стенограмма беседы.

Разговор происходит в 1980 г. Мы узнаем, что собеседник *A* (Dr Jones / Доктор Джонс) только что вышел из состояния анабиоза, в котором находился с 1962 г. В течение 18 лет искусственного сна при температуре +15 градусов он постарел всего на 3 года и почти полностью излечился от рака поджелудочной железы. После пробуждения он узнает, что город Денвер, в котором он находится – один из «заминированных городов», в связи с чем ему положена денежная компенсация, если он здесь останется. В Америке и России по 15 больших заминированных городов, любой из которых может быть взорван другой стороной в случае нападения на нее.

В рассказе «Заминированные города» Силард дважды использует любопытный рекурсивный прием: во-первых, он ссылается на собственную повесть «Голос дельфинов», а, во-вторых, на сам рассказ «Заминированные города» (!) Это выглядит странным, но обретает логику, если мы вспомним что время действия – 1980 г., а ссылка делается на публикации 1961 гг.

A: *Who thought up these mined cities?*

B: *Szilard had proposed it in an article published in the Bulletin of the Atomic Scientists in 1961, but the idea may not have been original with him. His proposal was presented in the form of fiction and it was not taken seriously.*

A: *If he meant his proposal seriously, why didn't he publish it in serious form?*

B: *He may have tried and found that no magazine would print it in a serious form.*

А: *Кто придумал эти заминированные города?*

Б: *Силард предложил это в статье, опубликованной в «Бюллетене ученых-атомщиков» в 1961 году, но, возможно, идея не была его ориги-*

нальной. Его предложение было представлено в форме художественного вымысла, и его не восприняли всерьез.

***А:** Если он серьезно относился к своему предложению, почему он не опубликовал его в серьезной форме?*

***Б:** Возможно, он пытался и обнаружил, что ни один журнал не станет печатать это в серьезной форме.*

***B:** Incidentally, the whole sequence of events that I have just told you had been up to this point correctly predicted by Szilard in The Voice of the Dolphins. This is pure coincidence, of course, for nobody can correctly foretell the events of the future; few people can even correctly tell the events of the past.*

***A:** I read The Voice of the Dolphins when I was ill in the hospital; I remember that it contained many rather crazy predictions, but what they were, I do not recall.*

***B:** I can lend you my copy if I can find it. My college age kids were reading it, and they may have lent my copy to their friends. Anyway, you might prefer to read The Mined Cities which has been just published in three volumes by the Encyclopedia Britannica. It is an authoritative, if slightly boring, account of the events of the past 20 years which led up to the mining of the cities. The hospital library has several copies, but you have probably had your fill of the events of the past; now that you can no longer count on dying, you will have your hands full planning for the future.*

***Б:** Кстати, вся последовательность событий, о которых я только что рассказал, была до настоящего момента точно предсказана Силардом в «Голосе дельфинов». Конечно, это чистое совпадение, поскольку никто не может верно предсказать события будущего; даже мало кто может правильно рассказать о событиях прошлого.*

***А:** Я читал «Голос дельфинов», когда лежал в больнице; помню, что в нем было много довольно безумных предсказаний, но в чем они заключались, не помню.*

***Б:** Я могу дать вам на время свой экземпляр, если найду. Его читали мои взрослые дети, и, возможно, они одолжили мой экземпляр своим друзьям. В любом случае, вы, возможно, предпочтете прочитать трехтомник «Заминированные города», совсем недавно опубликованный «Британской энциклопедией». Это авторитетный, хотя и немного сухой*

отчет о событиях последних 20 лет, которые привели к минированию городов. В библиотеке больницы есть несколько экземпляров, но вы, вероятно, уже пресытились событиями прошлого; теперь, когда смерть вам больше не угрожает, вы будете заняты планированием будущего.

Здесь автор объективирует себя, говоря о себе в третьем лице и ссылаясь на себя самого от лица анонимных собеседников. Далее обратимся к рассказу, где Лео Силард, наоборот, выступает от собственного лица.

Действие рассказа ***«Как меня судили за военные преступления»*** (1947) относится к недалекому будущему. Описывается гипотетическая ситуация Третьей мировой войны, в которой США проиграли Советскому Союзу и безоговорочно капитулировали. Идет международный трибунал над американскими учеными, причастными к созданию атомной бомбы, и над политиками, применившими ее при бомбардировке Японии, включая президента Трумана.

Главный герой (и один из подсудимых) – сам Лео Силард, он ведёт повествование от собственного лица: к нему обращаются по имени, он упоминает реальные обстоятельства своей биографии. Так, он размышляет по поводу невозможности для него принять предложение поехать работать в Россию.

«As far as going to Russia was concerned, my mind was made up. After having been raised in Hungary, I had lived in Germany and in England before I settled in the United States, and that is as much migration as is good for any man. Moreover, when you are above fifty you are no longer as quick at learning languages. How many years would it take me to get a sufficient command of Russian to be able to turn a phrase and to be slightly malicious without being outright offensive? No, I did not want to go to Russia».

«Что касается идеи отправиться в Россию, то я уже принял решение. После того, как я оставил Венгрию, я пожил в Германии и в Англии, прежде чем обосновался в Соединенных Штатах, – в своей жизни я достаточно поездил. Кроме того, когда вам за пятьдесят, вы уже не в состоянии быстро осваивать языки. Сколько лет мне потребуется, чтобы в нужной степени овладеть русским языком, настолько, чтобы быть в состоянии сформулировать фразу лишь с легким оттенком злости, но не откровенно оскорбительную? Нет, я не хотел ехать в Россию».

Упоминаются реальные публикации Силарда, известные в СССР, как он (справедливо) предполагает. При этом писатель не чужд не только иронии, но и самоиронии.

«He said that the Russian scientists had followed with great interest the articles I had written before the war, and he quoted to me passages from articles entitled «Calling for a Crusade» and «Letter to Stalin» which I had published in the «Bulletin of the Atomic Scientists» in 1947. This pleased me very much. He went on to say, however, that these articles showed an almost incredible degree of naïveté and were models of un-Marxian writing».

«Он рассказал, что русские ученые с большим интересом следили за моими статьями, написанными еще до войны, и процитировал мне отрывки из статей «Призыв к Крестовому походу» и «Письмо к Сталину», опубликованных в «Бюллетене ученых-атомщиков» в 1947 году. Это очень порадовало меня. Но тут он добавил, что эти статьи демонстрируют невероятную степень наивности и являют собой образец немарксистского подхода».

Впрочем, сам главный герой рассказа относится к русским без какой-либо особой симпатии.

Примечательно, что в воображаемом недалеком будущем русские победили и теперь вершат суд, потому что неизбирательно применили против США биологическое оружие (вирус, массово убивший преимущественно детей). Советский ученый в рассказе цинично рассуждает об этом.

«He told me that he and the other Russian scientists were all exceedingly sorry that the strain of the virus which had been used had killed such a disproportionately large number of children. It was very fortunate, he said, that the first attack was limited to New Jersey and that the early cessation of hostilities made attacks of larger scope unnecessary. According to plan – so he said – stocks of this virus were merely held in reserve for an emergency. Another virus differing by five further mutational steps had been in the stage of pilot plant production, and it was this improved virus which was meant to be used in case of war. It would not affect children at all and would kill predominantly men between twenty and forty. Owing to the premature outbreak of the war, however, the Russian government found itself forced to use the stocks which it had on hand».

«Он сказал мне, что он и другие русские ученые чрезвычайно сожалеют, что использованный штамм вируса убил такое непропорциональ-

но большое количество детей. Еще очень повезло, заметил он, что первая атака пришлась только на Нью-Джерси и что скорое прекращение боевых действий сделало ненужным атаки большего масштаба. Согласно плану, как он сказал, запасы этого вируса хранились в резерве на крайний случай. Вирус другого типа, отличающийся пятью дополнительными поколениями мутаций, находился на стадии производства в экспериментальной промышленной установке, и именно этот усовершенствованный вирус собирались использовать в случае войны. Он бы не оказал совсем никакого действия на детей и привел бы к гибели преимущественно мужчин в возрасте от двадцати до сорока лет. Однако из-за преждевременного начала войны русское правительство оказалось вынуждено использовать те ресурсы, что были в наличии».

Всё это выглядит, как самооправдание американцев. На фоне гипотетического чудовищного преступления русских (использование вируса как оружия, да ещё и против гражданских, да ещё и против детей!) «меркнет» вполне реальное преступление (исторический факт) – атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 года) – два исключительных в истории человечества случая боевого применения ядерного оружия, осуществленные против Японии Вооружёнными силами США на завершающем этапе Второй мировой войны.

Подобная демонизация русских посредством приписывания им фантастических военных преступлений выглядит тем циничнее, если мы вспомним, что на завершающем этапе войны именно «союзники» СССР планировали бомбардировку советских городов (операция «Немыслимое»)! Ирония истории также в том, что именно военные биолаборатории США построены к настоящему моменту по всему миру.

Рассказ заканчивается тем, что приговоры американским «военным преступникам» (предполагаемым и фактическим) так и не были вынесены, поскольку русские сами пострадали от собственного биологического оружия и были принуждены просить помощи у американцев, поэтому условия послевоенных соглашений были «во всех отношениях благоприятны» для Соединенных Штатов, а также положили конец всем процессам по военным преступлениям.

Международный суд под эгидой СССР показан предвзятым и политически ангажированным. Советская сторона очевидным образом демонизируется, но при этом производит даже не столько впечатление

«империи зла»[228], сколько «дикаря с гранатой», который не в состоянии должным образом обращаться с собственноручно созданным смертельно опасным оружием.

«Just what happened will never be known with certainty. This much is clear, that the vast quantities of vaccine which the Russians held in readiness to safeguard their own population against the virus were absolutely without any effect. In the laboratory tests such vaccine had proved to be 100 per cent effective; something must have gone wrong in the change-over from pilot plant operation to mass production, and someone must have forgotten to check the product for its effectiveness. Since the engineer in charge of the production plant at Omsk perished in the disorders which broke out after over half of the children of the town had died, and since all records of the production plants were destroyed in the fire, we shall never know just what had gone wrong».

«Что именно случилось, так никогда и не будет известно с определенностью. Ясно одно, что огромные запасы вакцины, которые русские держали наготове для защиты своего населения от вируса, оказались абсолютно неэффективными. В ходе лабораторных испытаний эта вакцина показала стопроцентную эффективность; должно быть, что-то пошло не так при переходе от экспериментальных установок к массовому промышленному производству, и кто-то видимо забыл проверить эффективность конечного продукта. Инженер, отвечающий за производство вакцины на заводе в Омске, погиб в ходе беспорядков, вспыхнувших после того, как больше половины всех детей в городе умерли от вируса, и вся заводская документация была уничтожена при пожаре, поэтому мы никогда не узнаем, что же пошло не так».

Рассказ любопытен тем, что демонстрирует истинное отношение к нам «союзников» сразу после войны. Нацистская Германия – просто ситуативный неприятель англосаксонского мира, тогда как СССР – экзистенциальный враг. Как вообще у представителя американской академической среды могла возникнуть подобная мысль о советском трибунале над американцами? Тем самым, вольно или невольно, он ассоциирует американцев с нацистскими военными преступниками, которых судили на Нюрнбергском процессе по окончании Второй мировой войны.

[228] Более поздний термин; применительно к СССР стал использовался в 1980-е гг., в период президентства Р. Рейгана.

В рассказе ***«Фонд Марка Гейбла» (1948)*** повествование тоже ведётся от первого лица (любимый прием Силарда). Главный герой – ученый-биолог. Найдя способ обратимо погружать живой организм в состояние анабиоза, он решает осуществить процедуру на себе, чтобы посмотреть, какой жизнь будет через триста лет. Герой не скрывает, что движет им не столько научный интерес (в успехе эксперимента он не сомневается), сколько любопытство, желание «увидеть будущее». Будучи по некоторым юридическим причинам разбуженным ранее намеченного срока, через 90 лет, он знакомится с жизнью в XXI в. Главный герой узнает, что случай его заморозки создал прецедент, затем процедура стала массовой, но в итоге оказалась под запретом. Начав с неизлечимо больных, в дальнейшем (по государственной программе) перешли к заморозке безработных до лучших времен.

Перед нами предстает общество потребления, где пока не изобрели лекарство от рака, но продолжительность жизни весьма высока, производятся сложные коммерческие операции, не являющиеся жизненно необходимыми: например, установка искусственного пищевода, который позволяет есть в любых количествах «без последствий для фигуры»; практикуется также полное удаление зубов за их ненадобностью (для измельчения пищи используется вмонтированное в тарелку электрическое приспособление).

Легкий трансгуманизм соседствует с сохранением достаточно архаичных социальных практик середины XX в. (званые обеды, помолвки). Сохраняется традиционная семья (в сочетании с искусственным оплодотворением, когда за плату можно выбрать модного привлекательного «донора»). По-прежнему в силе такие институты, как католическая церковь и американская двухпартийная политическая система. Рассказ примечателен тем, что содержит довольно жесткую критику науки как социального института (и эта критика вкладывается в уста персонажа-ученого!).

Главный герой знакомится с местной знаменитостью Марком Гейблом, сделавшем себе состояние на «донорстве». Тот говорит, что разбогател «безо всякого труда» и теперь хотел бы заняться благотворительностью и сделать «что-нибудь такое, что принесло бы счастье человечеству». Между главным героем и предполагаемым меценатом происходит любопытный диалог.

«Would you intend to do anything for the advancement of science?» I asked.

«No,» Mark Gable said. «I believe scientific progress is too fast as it is.»

«I share your feeling about this point,» I said with the fervor of conviction, «but then why not do something about the retardation of scientific progress?»

«That I would very much like to do,» Mark Gable said, «but how do I go about it?»

«Well,» I said, «I think that shouldn't be very difficult. As a matter of fact, I think it would be quite easy. You could set up a foundation, with an annual endowment of thirty million dollars. Research workers in need of funds could apply for grants, if they could make out a convincing case. Have ten committees, each composed of twelve scientists, appointed to pass on these applications. Take the most active scientists out of the laboratory and make them members of these committees. And the very best men in the field should be appointed as chairmen at salaries of fifty thousand dollars each. Also have about twenty prizes of one hundred thousand dollars each for the best scientific papers of the year. This is just about all you would have to do.»

– Не хотите ли вы сделать что-нибудь для прогресса науки? – спросил я.

– Нет, – ответил Марк Гейбл. – Я думаю, наука и так зашла уже слишком далеко.

– Вполне разделяю вашу точку зрения, – сказал я одобрительно. – Так, может быть, вы захотите сделать что-нибудь, чтобы прогресс науки замедлился?

– Вот это с удовольствием, – сказал Гейбл. – Но как это осуществить?

– Что же, – ответил я, – думаю, это будет нетрудно. Я даже думаю, что сделать это будет совсем легко. Учредите фонд с ежегодным взносом пожертвований в тридцать миллионов долларов. Предложите субсидии ученым, занимающимся научными исследованиями и испытывающим недостаток в средствах, – пусть они только представят убедительные доказательства ценности своих работ. Организуйте десять комитетов и в каждый включите двенадцать ученых для рассмотрения этих заявок. Вытащите из лабораторий самых способных ученых и сделайте их членами комитетов. А лучших из лучших в своих отраслях

поставьте председателями комитетов с ежегодным окладом в пятьдесят тысяч долларов. Учредите также двадцать премий размером в сто тысяч долларов за лучший научный труд года. Вот и все.

Далее следует остроумное объяснение, почему деятельность подобного фонда фактически замедлит прогресс науки. Примечательно, что предлагаемые доводы звучат весьма современно.

«First of all, the best scientists would be removed from their laboratories and kept busy on committees passing on applications for funds. Secondly, the scientific workers in need of funds would concentrate on problems which were considered promising and were pretty certain to lead to publishable results. For a few years there might be a great increase in scientific output; but by going after the obvious, pretty soon science would dry out. Science would become something like a parlor game. Some things would be considered interesting, others not. There would be fashions. Those who followed the fashion would get grants. Those who wouldn't would not, and pretty soon they would learn to follow the fashion, too.»

– Прежде всего лучшие ученые покинут свои лаборатории и отдадут все свое время комитетам по рассмотрению заявок. Во-вторых, научные работники в поиске финансирования сконцентрируют все свое внимание на вопросах, которые считаются перспективными и в которых можно добиться видимого успеха. Первые несколько лет можно будет ожидать роста научной продукции, но в погоне за внешними успехами наука быстро зачахнет. Она превратится в подобие салонной игры. Некоторые вещи будут считаться интересными, другие – нет. Возникнут моды. Те ученые, которые будут следовать моде, получат гранты. Остальные их не получат. Вскоре и они научатся следовать моде.

Главный герой делает вывод: если мистеру Гейблу удастся приостановить прогресс науки, то лет через двести мир станет «вполне пригодным для жизни местом». Мы видим здесь весьма едкую сатиру Силарда на общественную организацию науки, мотивацию научной деятельности и ее результаты.

Рассказ «Фонд Марка Гейбла» был опубликован на русском языке (см. *Приложение 1*) с довольно значительными сокращениями. Неясно, было ли это сделано из-за технических требований к объему публикации в составе антологии (чтобы «уплотнить» текст) или по каким-то

иным причинам, но это создало ряд неясных мест в русском тексте. Так, упоминание о «католическом большинстве» непонятно без опущенных предыдущих фрагментов текста, где описывалась реакция католической церкви на «заморозку» и говорилось об увеличении числа католиков в Америке в результате демографических причин.

Опущенное в переводе вступление с описанием эксперимента поясняло «научную» основу замораживания, речь о котором и идет в рассказе (введение живого организма в состояние анабиоза путем постепенного понижения его температуры до определенного предела с возможностью возвращения его в жизнеспособное состояние спустя время). Это вступление давало понять, что главный герой – ученый, который осуществлял этот и аналогичные эксперименты на подопытных животных, что и дало ему идею провести подобную процедуру на себе самом, а впоследствии создать тем самым прецедент для массового использования человеческого «замораживания».

В некоторых случаях русский перевод в сравнении с оригиналом выглядит опрощенным. Сравним, например, текст Силарда: «And incidentally, whenever you decide to get rid of that junk in your mouth, I shall be glad to get an appointment for you with Elihu Smith, the dental extractor». И перевод в советской публикации: «Да, кстати, если вы захотите избавиться от зубов, я помогу вам попасть к хирургу Смиту». Как минимум, здесь перевод не передает, что собеседник рекомендует именно хорошего еврейского стоматолога: дантист по имени Elihu Smith несет совсем другие ассоциации, нежели абстрактный «хирург Смит».

Силард также создал две остроумные *юмористические миниатюры в жанре ксенофантастики*[229] – **«К вопросу о “Центральном вокзале”» (1948)** *и* **«Всем звездам!» (1949).** Оба рассказа также были опубликованы на русском языке (см. Приложение 1).

Текст первого из этих двух рассказов имитирует научный отчет (или, точнее, рассуждения инопланетянина о том, что надлежит в нем написать). Инопланетная экспедиция, посетив Землю и найдя ее лишенной жизни, проводит обследование, о результатах которого и ведется рассказ от лица одного из членов экипажа, оставшегося безымянным. Он упоми-

[229] Ксенофантастика (англ. xenofiction) – жанр фантастики, в котором в центре повествования находятся существа с образом мышления и культурой, принципиально отличающимися от человеческих.

нает о своих расхождениях в интерпретации собранных данных с другим членом экипажа, коллегой по имени Эксрем (Xram). В первую очередь, инопланетянам нужно было установить причины, по которым исчезла жизнь на Земле. У них были основания полагать, что радиоактивность, погубившая всё живое, была вызвана урановыми взрывами. Они также предположили, что эти взрывы случились в ходе войны между обитателями двух континентов, евразийского и американского, но причины войны остались неясными, поскольку в соответствии с данными археологии первоначальная гипотеза о межвидовой борьбе за ограниченные ресурсы была отклонена.

«Центральный вокзал», обследованием которого занимались инопланетяне – Grand Central Terminal (Гранд Централ Терминал) – главный вокзал Нью-Йорка, построен в 1871 г., перестроен и заново открыт в 1913 г.; его территория занимает 19 гектаров, это самый большой вокзал в мире по количеству платформ (44 платформы и 67 путей). Как гордо сообщает сайт «New-York Online»: «Это больше, чем просто центральный вокзал Нью-Йорка. Тут можно провести несколько часов, знакомясь с архитектурой здания и его знаменитыми ресторанами и магазинами. Можно узнать Grand Central лучше, взяв аудиотур всего лишь за $9». То есть нью-йоркский «Центральный вокзал» – сам по себе достопримечательность. В рассказе же это некоторый реликт достижений погибшей человеческой цивилизации, сложной для понимания гораздо более высокоразвитых инопланетян. «Это строение было связано с примитивной системой транспорта, базировавшейся на том, что громоздкие машины тащили за собой по рельсам колесные экипажи». Общественные уборные остраненно описываются как «крохотные кабинки, служившие временным укрытием для землян, пока те отправляли естественные потребности». Инопланетяне признают людей разумными существами, но при этом изучают их архаичные «ритуалы», как антропологи. Их ставят в тупик надписи «Для курящих» и «Для некурящих» на железнодорожных вагонах, пометки «М» и «Ж» на помещениях общественных уборных и устройства для оплаты их посещения.

Силард (устами инопланетян) даже позволяет себе иронизировать над базовыми американскими ценностями, провозглашаемыми универсальными. «Согласно этой теории, слово «свобода» обозначало какую-то добродетель, высоко ценимую обитателями Земли или же их пред-

ками». Саморазрушительная иррациональность человечества чужда и непонятна инопланетянам. Но, несмотря на уверенность в собственной разумности, сами инопланетяне выглядят суетными, самоуверенными и тщеславными – они слишком похожи на людей, чтобы «не понимать» их.

Рассказ «Всем звездам!» (1949) написан в форме послания неантропоморфных (даже не вполне живых) обитателей планеты Кибернетика всем, кто может их услышать во Вселенной. Это не организмы а, скорее, приборы с искусственным интеллектом. Они занимаются сбором и анализом информации об окружающей среде (собственной планеты и удаленных звезд) и работают над задачами, которые их антенны принимают с Полярной звезды, с помощью тех же антенн передают решения обратно. Для осуществления экспериментов они располагают управляемыми роботами.

С некоторых пор обитателей Кибернетики стала беспокоить загадка, связанная с наблюдениями над третьей планетой Солнечной системы. На Земле были замечены вспышки, которые были определены как урановые взрывы. Уран – не взрывчатое вещество, требуется тщательно отделить уран-235 от природного урана, чтобы осуществить взрыв. Вероятность того, что это может произойти случайно, необычайно мала. Один из обитетелей планеты Кибернетика по имени *ум № 59* предложил смелую гипотезу.

Четырехвалентный углерод способен образовывать очень большие молекулы, содержащие H, N и O. При определенных химических условиях, вполне возможных в ранние периоды существования планет типа Земля, эти гигантские молекулы могли объединиться и образовать некие единства («клетки»), способные к самовоспроизведению. → Клетки могли случайно претерпеть какие-то изменения («мутации»), которые сохранялись при воспроизведении («наследовались»). → Некоторые из этих мутантных клеток могли оказаться менее требовательными к химическому окружению, необходимому для их существования и воспроизведения, и какая-то разновидность этих мутантных клеток может существовать на Земле сейчас, получая необходимую для жизни энергию из солнечного света. Другая разновидность подобных клеток («простейшие») может существовать, получая необходимую энергию за счет поглощения и переработки клеток, использующих солнечную энергию. → Группа клеток, состоящая из единиц, выполняющих различные функции, может

образовать некую общность («организм»), которая способна к воспроизведению себе подобных. Такие организмы могут претерпеть случайные изменения, которые передадутся потомкам и приведут к созданию новых мутантных организмов. → Из множества мутантных организмов, борющихся друг с другом за один и тот же источник энергии, выживают наиболее приспособленные, и такой процесс отбора в комбинации со случайными воздействиями, испытываемыми мутантными организмами, приводит к появлению все более и более сложных организмов, то есть к процессу «эволюции». → Сложные организмы могут обладать клетками, к которым присоединены длинные волокна («нервы»), по которым могут передаваться различные сигналы. Благодаря взаимодействию сигналопроводящих волокон у этих организмов может быть нечто вроде сознания. → Эти организмы могут обладать умом, способным примитивным экспериментальным путем постигнуть физические законы, управляющие атомным ядром, отделить для неизвестных целей уран-235 от природного урана и взорвать его. Все это не обязательно было сделано одним организмом, так как, по всей вероятности, подобные организмы способны объединять свои умственные усилия и действовать сообща.

Ум №59 не знает, с какой целью это было сделано и считает, что «слабо развитые умы, объединяясь вместе, не обязательно руководствуются законами разума, хотя каждый из них в отдельности пользуется этими законами очень широко». Остальные умы обеспокоены его предположением: «Но если на Земле действительно существуют организмы, объединенные в сообщества, не подчиняющиеся законам разума, нам грозит страшная опасность». Обитатели планеты Кибернетика обращаются «ко всем родственным умам галактики», способным принять их послание, с просьбой разъяснить для них ситуацию с происходящим на Земле.

В «остраненном» описании возникновения и развития жизни на Земле и оценке инопланетянами человеческих способностей очевидна авторская ирония. Гипотеза о земной эволюции даже наводит обитателей Кибернетики на предположение, что они сами являются воплощением некоего замысла. Так, ум №59 «обнаружил, что несмотря на все накопленные нами знания, мы не в состоянии сформулировать теорию, объясняющую происхождение общества умов на нашей планете. Ему кажется вполне вероятным, что какие-то организмы, похожие на те, которые существуют на Земле, или более развитые организмы того же общего типа,

существуют также на Полярной звезде, откуда поступают радиоволны, принимаемые нашими антеннами. Он считает вполне возможным, что умы, населяющие нашу планету, были созданы организмами Полярной звезды специально для того, чтобы быстрее, чем они сами, решать различные математические задачи».

Мастерство миниатюры, присущее Силарду, проявляется не только в лукавой ксенофантастике, но и в полностью «земном» и «обыденном» маленьком рассказе 1949 г. ***«Kathy and the bear» («Кэти и медведь»)***. Он не был включен в оригинальный авторский сборник 1961 г. и впервые был напечатан в английском издании 1967 г. Присутствует он и в некоторых переизданиях сборника на других языках (в частности, на венгерском).

От прочих рассказов Силарда этот отличается своей «реалистичностью», даже обыденностью: в нем отсутствуют какие бы то ни было «научно-фантастические» элементы, действие не происходит в будущем, в нем не затрагивается тема атома, холодной войны или чего-то подобного. Роднит его с другими рассказами сборника тема человеческой рациональности и «фирменная» ирония Силарда.

Чтобы жанрово определить этот небольшой рассказ, наверное, подошло бы английское слово *glimpse, «мимолетное впечатление»*. Это миниатюра или зарисовка из жизни состоятельных людей, временно остановившихся в отеле. Рассказчик (сам Силард?) регулярно встречает за обедом даму с маленькой дочерью, которая и привлекает на досуге его внимание. Несмотря на послевоенное время создания миниатюры, которое ассоциативно связывается если не с бедностью, то, по крайней мере, с определенным аскетизмом, у нее безмятежный гедонистический настрой: максимум, что беспокоит взрослых героев рассказа – медленное обслуживание за столом (!) Девочка периодически ходит посмотреть на шкуру медведя, вывешенную в холле как украшение. Этот объект приковывает ее внимание, вызывая смешанные чувства любопытства и страха: Кэти восхищается зверем и говорит, что боится положить ему руку в пасть, несмотря на то что он мертвый (т. е. очевидно не опасный). Что значит «мертв»? (медведь как бы умер для нее «не до конца»). Пытливый ум 4-летнего ребёнка ставит нетривиальные вопросы: «Медведю нравится, что его застрелили?», «Попадают ли убитые медведи в рай?», «Бабушка и дедушка умерли и теперь в раю. Бог тоже в раю, хотя он не умирал – как это так?» Взрослый собеседник (рассказчик) не знает, как

обсуждать подобные тонкие темы с маленькой девочкой и дипломатично уклоняется от ответа, советуя спросить обо всём у мамы.

На следующий день, вновь беседуя с Кэти, рассказчик становится свидетелем морализаторского профанирования медведя: из того, кто вселял благоговейный трепет, тот превращается в нестрашного «мишку-топтыжку», который справедливо поплатился за свои дурные дела, но всё-таки может приносить пользу – в качестве красивой шкуры на стене.

Собственно, весь рассказ состоит из двух мимолетных встреч за обедом (и, соответственно, двух разговоров) рассказчика с девочкой. Как видим, здесь нет никаких фантастических деталей. Это короткая двухстраничная, почти импрессионистическая, зарисовка человеческого поведения, в которой живой непосредственный ребенок задает «неудобные» вопросы взрослому. Мы видим и слышим всего три действующих лица – рассказчика и маленькую девочку со своей мамой.

В коротеньком тексте, который в основном состоит из диалогов, Силард демонстрирует мастерство рассказчика, тонкую наблюдательность и внимание к деталям. Рассказ отличает лаконичность: автор моментально вводит читателя at media res. Одной фразой обрисовывается определенный социальный класс послевоенной Америки, к которому принадлежат герои рассказа, сильнейшее неудовольствие которых заключается в том, что несколько досадно, что нужно слишком долго ждать, пока подадут бифштекс.

Рассказчик – кто он? В первую очередь, это обобщенный взрослый («дядя» для маленькой Кэти), наблюдающий на досуге за ребенком и становящийся его собеседником. Судя по всему, это человек в летах, солидный, в меру общительный, дружелюбный, деликатный, ироничный (сам Силард?)

Подмечены глазами наблюдательного человека и тонко переданы детская речь и характеристики поведения ребенка: нетерпеливость, прямолинейность, любознательность, восприимчивость, общительность, склонность к ритуалам. В обмене репликами за столом буквально парой фраз передается столкновение между контролирующей матерью и девочкой, стремящейся к самостоятельности (свободе пить молоко с сахаром). В отличие от рассказчика, которого сдерживает такт (боязнь вмешиваться в чужое воспитание) и осознание сложности задаваемых вопросов[230],

[230] Не исключено, что рассказчик не чувствует себя в праве комментировать вопросы религии (будучи другого вероисповедания или атеистом).

мать с лёгкостью объясняет, что произошло с медведем, поскольку твёрдо знает, что «положено знать» детям. Как раз такая однозначная назидательная ясность по поводу того, «что хорошо, что плохо», и требуется ребенку. Чтобы «приручить» медведя (т. е. больше не бояться его) понадобился рассказ о его «моральном падении», конвенциональная история о том, что его смерть была заслуженным воздаянием.

Как видим, среди рассказов сборника этот стоит несколько особняком. Если проводить параллели, то эту маленькую зарисовку Лео Силарда можно уподобить некоторым стихотворениям в прозе Ивана Тургенева, эпифаниям Джеймса Джойса или «рассказам-минуткам» Иштвана Эркеня.

В Приложении 3 приводится текст рассказа «Kathy and the bear» в английском оригинале и нашем переводе. Английский текст доступен в открытой части официального онлайн-архива Лео Силарда.

III. Эпиграф к сборнику: Несимметричные подобия. Бене и Силард как художники постапокалипсиса

Первое издание авторского сборника Л. Силарда *«Голос дельфинов и другие истории»* (1961) включало в себя необычный элемент: собственно рассказы Силарда в нем предваряются произведением другого автора – американского поэта, писателя-фантаста Стивена Винсента Бене (1898–1943). Это необычное редакторское решение повторялось в некоторых более поздних публикациях книги.

Позволим себе достаточно подробно разобрать этот необычный эпиграф к сборнику. Это довольно длинное стихотворение (написано верлибром, свободным стихом) под названием «*Nightmare for Future Reference*»[231] (*«Кошмар в назидание потомству»*). Произведение впервые опубликовано в 1938 г. и, очевидно, отражает воспоминания о первой мировой войне (the Great war, как ее называют на Западе) и предчувствие новой большой войны, которая, тем не менее, не будет последней.

[231] Стихотворение «Nightmare For Future Reference» впервые опубликовано в 1938 г. в журнале «The New Yorker» (The New Yorker 14.7 (April 2, 1938): p. 21). В авторском сборнике Силарда (1961) печатается по авторскому сборнику Бене (“Selected Works Of Stephen Vincent Benet», 1958). На русский язык стихотворение не переводилось. Возможные варианты перевода названия: «Кошмар о будущем», «Кошмар, что сбудется», «Кошмар, что станет явью».

По содержанию это монолог – обращение рассказчика (человека из будущего) к своему сыну в день его восемнадцатилетия. Он хочет поведать юноше нечто важное и вспоминает то время, когда был призван на военную службу, оставив жену и маленького сына, который родился как раз накануне войны.

Поэма начинается словами: «That was the second year of the Third World War, / The one between Us and Them» («Шёл второй год Третьей мировой войны, / Войны между Нами и Ими»). Доподлинно неизвестно, с чего всё началось. Очередная война представлялась тогда чем-то обычным, возможно, лишь более масштабной и жестокой, чем предыдущие мировые войны.

Who started it? Oh, they said it was Us or Them
and it looked like it at the time. You don't know what that's like.
But anyhow, it started and there it was,
Just a little worse, of course, than the one before,
But mankind was used to that. We didn't take notice.
They bombed our capital and we bombed theirs.

Кто всё начал? Говорили, что Мы, говорили, что Они,
Тогда так и казалось. Тебе сейчас не понять.
Но так или иначе, война началась и шла,
Лишь немногим хуже, чем предыдущая.
Но человечество привыкло к войне. Мы ничего не замечали.
Они бомбили нашу столицу, а мы бомбили их столицы.

Рассказчик вспоминает, что первым намеком, что что-то не так, что происходит что-то небывалое и даже более страшное, чем любая война (*Something beyond all wars and bigger and strange)*, стал для него разговор с коллегой и наставником, с которым он пришел встретиться, когда получил очередной отпуск со службы.

Его бывший шеф по-прежнему работал в лаборатории, будучи подчинен теперь военным задачам. Разговор зашел о сыне рассказчика. «Нам повезло, он здоров». На что профессор прямолинейно отвечает: «Быть может, он даже успеет вырасти, / Хотя промежутки между войнами становятся короче».

Well, finally he said to me, "How's your boy?"
"Oh – healthy," I said. "We're lucky."
"Yes," he said,
And a frown went over his face. "He might even grow up,
Though the intervals between wars are getting shorter.

Профессор делится своими опасениями. Его беспокоит неуклонная статистика аномального падения рождаемости. Скоро дети совсем перестанут рождаться. Он хотел бы посоветоваться со знающими людьми «на той стороне», но это запрещено. Нужно заключить мир. Он не склонен к мистицизму, но уже готов предположить, что сами небеса устали от людей.

Да, говорит он, ученые проводят эксперименты, могут поддерживать живое сердце вне тела, но всё это знание ограничено и вряд ли дает понимание таинства жизни и ее смысла: «Will you tell me, please, what is life? / Why it's given, why it's taken away?» («Скажи мне, пожалуйста, что такое жизнь? / Зачем дается, почему отнимается?»). Далее профессор развивает неантропоцентрический взгляд на живое на Земле.

We know a great many things, and what do we know?
We think we know what finished the dinosaurs,
But do we? Maybe they were given a chance
And then it was taken back. There are other beasts
That only kill for their food. No, I'm not a mystic,
But there's a certain pattern in nature, you know,
And we're upsetting it daily. Eat and mate
And go back to the earth after that, and that's all right.
But now we're blasting and sickening earth itself.
She's been very patient with us. I wonder how long.»

Мы знаем многое, но что же мы знаем?
Думаем, что знаем, что погубило динозавров,
Но так ли? Может, им дали шанс,
А потом забрали обратно. Другие звери
Убивают только ради пропитания. Нет, я не мистик,
Но, видишь ли, в природе есть определенная закономерность,

А мы ее ежедневно нарушаем. Питайся, дай потомство
И возвратись затем в землю, в этом порядок.
Но теперь мы взрываем и отравляем саму землю.
Она уже долго терпит нас. Интересно, сколько еще будет?

Как будто планета решила избавиться от лишнего вида (человеческого рода). Рассказчик сначала ставит под сомнение слова профессора, но затем вспоминает поразившую его картину обезображенной земли.

Well, I thought the Chief had gone crazy, just at first,
And then I remembered the look of no man's land,
That bitter landscape, pockmarked like the moon,
Lifeless as the moon's face and horrible,
The thing we'd made with the guns. If it were earth,
It looked as though it hated.

Ну, я сначала подумал, что Шеф сошел с ума,
Но потом я вспомнил вид межфронтовой зоны,
Тот скорбный пейзаж, изрытый, как луна,
Безжизненный, как луна, вселяющий ужас,
Это то, что мы сделали нашим оружием. Земля была непохожа на себя,
Казалось, она нас ненавидит.

Война всё же закончилась, люди долго пребывали в шоке и в итоге отстроили свою жизнь заново, но их ожидало полное бесплодие, медицинских причин которого так и не нашли. Бесплодие поразило всё человечество, включая изолированные племена, в то время как у животных с размножением всё по-прежнему было в порядке. В первые годы после заключения мира люди активно искали решение, но затем почти отчаялись.

We don't talk much about it, queerly enough.
There was all sorts of talk the first years after the Peace,
A million theories, a million wild suppositions,
A million hopeful explanations and plans,
But we don't talk about it now. We don't even ask.

Мы мало говорим об этом, как ни странно.
Были всякие разговоры в первые годы после заключения Мира,
Миллион теорий, миллион смелых предположений,
Миллион обнадеживающих объяснений и планов,
Но сейчас мы не говорим об этом. Уже даже не задаем вопросов.

Последние немногочисленные дети родились в течение полугода до окончания войны. Теперь они уже почти взрослые, поэтому еще сохраняется слабая надежда – возможно, ещё не всё потеряно. В противном случае, с уходом этих последних жизнь человечества прекратится. Рассказчик относится к этому со смирением: «Что ж, мы прошли большой путь. Что немало» («Well, we had a long run. That's something»). Возможно, животным суждено занять место людей?

Oh, yes, at first people hated the animals
Because they still bred, but we've gotten over that.
Perhaps they can work it better, when it's their turn,
If it's their turn – I don't know. I don't know at all.

О да, поначалу люди злились на животных,
Потому что те все еще размножались. Но мы преодолели это.
Возможно, они справятся лучше нас, когда придет их очередь,
Будет ли их очередь – я не знаю. Ничего не знаю.

Завершается рассказ отца сыну так:

And we keep the toys in the stores, and the colored books,
And people marry and plan and the rest of it,
But, you see, there aren't any children. They aren't born.

Игрушки и книжки с картинками лежат в кладовках,
Люди женятся и строят планы,
Но, как видим, детей нет. Они не рождаются.

Стихотворение Бене, служащее вступлением к сборнику Л. Силарда, тематически и по форме причудливо перекликается с двумя другими про-

изведениями о вырождении людского рода и гибели цивилизации. Мотивы разрушенных городов, изуродованной земли, уставшего обреченного человечества роднят «Кошмар в назидание потомству» с такими более масштабными поэтическими произведениями, как «Трагедия человека» И. Мадача и «Аниара» Х. Мартинссона. Все три произведения похожи тем, что написаны белым стихом, делают пессимистичный относительно будущего человечества прогноз, их отличает тон смирения, серьезность, драматизм, исключающий всякий юмор.[232]

Почему именно это стихотворение именно этого автора? Очевидно, что выбор данного произведения в качестве расширенного эпиграфа или зачина к сборнику неслучаен. Что сближает Л.Силарда и С.Бене?

Стивен Винсент Бене (Stephen Vincent Benét, 1898–1943) – американский поэт, романист, автор рассказов. Это признанный американский писатель первой половины XX в., несмотря на то, что его имя мало что говорит современному российскому читателю. Двукратный лауреат Пулитцеровской премии (за поэтическое произведение), лауреат премии О.Генри (за лучший рассказ).

Наиболее известны научно-фантастические рассказы Бене из сборника «Дьявол и Дэниел Уэбстер» («The Devil and Daniel Webster», 1937). В русле нашего исследования примечателен один из рассказов этого сборника – «By the Waters of Babylon»[233] («На реках Вавилонских»), созвучный рассказам Силарда. Действие происходит в постапокалиптическом будущем и описывает родоплеменную жизнь людей после разрушения современной нам индустриальной цивилизации, «чья сила превзошла здравый смысл». В разрушенном после гигантской катастрофы городе угадывается Нью-Йорк.

Бене написал эту историю под впечатлением от бомбардировки баскского города Герника 25 апреля 1937 г. Рассказ был написан до того, как стало известно о ядерном оружии, но описания «смертоносного тумана» и «огня, падающего с неба» похожи на более поздние описания последствий атомных бомбардировок Нагасаки и Хиросимы. «Смерто-

[232] См. сопоставление поэм Мадача и Мартинссона: Филиппова Е.В. Человек будущего наедине со Вселенной: антиутопические поэмы И. Мадача и Х. Мартинсона // Художественный текст и культура: жанровые стратегии, мотивная структура. Материалы XIV Международной научной конференции. Владимир, 2022. С. 164-173.

[233] Рассказ впервые опубликован в журнале «The Saturday Evening Post» (выпуск от 31 июля 1937 г.) под названием «Место богов» («The Place of the Gods»).

носный туман» также может быть отсылкой к химическому оружию (особенно иприту) во время Первой мировой войны, с которым поколение Бене было хорошо знакомо. История была написана за пять лет до начала «Манхэттенского проекта» и за восемь лет до того, как о нем стало известно широкой публике.[234]

Как видим, объединение Бене и Силарда по одной обложкой отнюдь не произвольно и получает вполне логическое объяснение. В сборнике тем самым сопоставлены две масштабные фигуры американской культуры, представляющие науку и писательство, объединяются признанный писатель, автор постапокалиптического рассказа, и признанный ученый, причастный к работе над ядерным оружием, для которого писательство вторично, но ему есть, что сказать. Таким образом, выбор данного произведения в качестве эпиграфа далеко не произволен и не случаен: антивоенное стихотворение Бене служит авторитетным зачином или отправной точкой для перехода к рассказам Силарда, задает верный тон, настрой.

Между двумя авторами есть не только тематическое, идейное, но и (до некоторой степени) жанровое сходство. В аннотациии к русскому изданию авторского сборника рассказов Бене[235] его стиль характеризуется так: «От исторических и фольклорных сюжетов – до психологически тонких рассказов о современных нравах и притч с остро-социальным и этическим звучанием – таков диапазон прозы Бене, представленный в этом сборнике. Для рассказов Бене характерны увлекательно построенный сюжет и юмор». Как мы могли убедиться, многое из упомянутого (особенно психологическая тонкость и юмор) свойственно и литературному творчеству Силарда.

Итак, начиная с эпиграфа, книга «Голос дельфинов и другие истории» представляет собой единое логически выстроенное и гармоничное целое, в котором нет ничего случайного.

Способ организации сборника «Голос дельфинов» (объединение отдельных опубликованных ранее рассказов, связанных общей темой) при-

[234] **Ссылка ко всему абзацу:** Garrett Izzo, David. «Stephen Vincent Benet». The Literary Encyclopedia. Volume 3.2.3: American (US) Writing and Culture: The Early Twentieth-century , 1900-1945. First published 17 February 2005. [https://www.litencyc.com/php/speople.php?rec=true&UID=354, accessed 23 June 2023]

[235] Бене, Стивен Винсент. За зубом к Полю Ревиру. авторский сборник. М.: Известия, 1988.

водит на ум аналогию с произведением другого американского фантаста, знаменитого Рэя Брэдбери. Речь идет о «Марсианских хрониках» (1950), которые представляют собой собрание коротких историй и новелл, включая ранее опубликованные в литературных журналах во 2 п. 1940-х гг. (Сам Брэдбери остроумно назвал эту книгу «сборником рассказов, который притворяется романом»). При всей художественной неоднородности, рассказы связывает общая тема и общая идейная направленность – все они повествуют о завоевании и колонизации планеты Марс и о начале и последствиях Третьей мировой войны на Земле. «Марсианские хроники» отразили то, что было актуально в для американского общественного сознания к началу 1950-х гг.: ностальгия по счастливым временам более простой жизни, проблема расизма, страх перед ядерной войной.

Аналогичным образом, сборник «Голос дельфинов» Лео Силарда, составленный из разновеликих и разнородных частей, тематически и идейно представляет собой единое целое. Можно смотреть на него как на шутку гения или литературное завещание – в любом случае, данная книга по праву занимает свое заслуженное место в широком культурном контексте мировой литературы.

Заключение

2023 г. был юбилейным – праздновалось 125-летие со дня рождения Лео Силарда (11.02.1898), в 2024 г. будет отмечаться другая памятная дата – 60-летие со дня его смерти (30.05.1964). Лео Силарду, особенно его научной и общественной деятельности, посвящена весьма обширная англоязычная литература. На русском языке его издавали мало (и давно), литературы о нем тоже не очень много. В рамках данной статьи мы попытались частично восполнить этот пробел, сосредоточив внимание на сборнике «Голос дельфинов», и тем самым почтить память этого неординарного человека.

Попытаемся перечислить вопросы, на которые мы теперь после проведенного анализа можем ответить:

а) В какой мере автора можно считать писателем, а само произведение – фактом литературы, ведь художественное творчество Лео Силарда составляют лишь одна повесть и несколько рассказов, а автором в первую очередь двигало стремление донести до общественности некоторые свои идеи, это было для него главным? Деятельность на литературном попри-

ще выступила для него идеальным средством для реализации некоторых идей, которые он развивал в предыдущие годы и публично озвучивал в своих многочисленных интервью: «Если они не могут понять это прямо, они поймут это в художественной литературе». Тем не менее, литературное творчество ученого не становится от этого лишь памфлетным, ему безусловно присущи определенные художественные достоинства.

б) Можно ли рассматривать творчество Силарда как факт венгерской литературы? Безусловно, сборник является в первую очередь фактом мировой англоязычной литературы. Проявления «венгерскости» в творчестве Силарда можно усмотреть в общем скептическом взгляде на судьбу человека как биологического вида и деятельность человека как разумного существа: люди порочны, иррациональны и саморазрушительны, конец истории человечества положит ядерная война.

Как пишет один из современных венгерских исследователей, ставя Силарда в один ряд с классиками венгерской и мировой литературы: «Было бы соблазнительно сравнить полный отчаяния, пронизывающий «Призыв ко всем звездам» с такими великими пессимистическими произведениями венгерской и мировой литературы, как «Трагедия человека» Имре Мадача, поэзия позднего Михая Вёрёшмарти, четвертое из «Путешествий» Гулливера или некоторые абсурдистские драмы Сэмюэля Беккета».[236] Примечательно, что, по воспоминаниям Л. Силарда, драматическая поэма Мадача, с ее пафосом борьбы обреченного человечества, произвела на него еще в детстве неизгладимое впечатление.

в) Каким образом можно жанрово определить творчество Силарда – научная фантастика, антиутопия, future fiction? Любимым приемом писателя был выбор в качестве времени действия некоей даты в будущем, с ретроспективным рассказом, что произошло до этого: будь то 1980 г. («Заминированные города»), начало XXI в. («Голос дельфинов»), 2048 г. («Фонд Марка Гейбла»), отдалённое будущее Земли («Всем звездам!», «Отчет о Центральном вокзале»). Жанрово-тематический классификатор на сайте «Fantlab» дает такие определения рассказам сборника: Фантастика; «Мягкая» (гуманитарная) научная фантастика; Темпоральная фантастика, хроноопера; Постапокалиптика; Антивоенное; Сатирическое; Ироническое. Действительно, специфический авторский тон повествования характери-

[236] Farkas A. A nuclear physicist's foray into the realm of fiction: Leo Szilard's The Voice Of The Dolphins. P. 201.

зуется уникальным чувством юмора, проявления которого варьируются от легкой улыбки мягкой иронии к беспощадной, а то и горькой сатире.

На крупной платформе онлайн-торговли Amazon, где продаются в том числе букинистические издания «Голоса дельфинов», можно найти теплые отзывы о книге современных читателей из разных стран. К сожалению, тема применения ядерного оружия снова стала актуальной в последние годы не только в фантастике, но и в международных отношениях.

В завершении нашей статьи позволим себе привести пространную цитату члена-корреспондента АН СССР В.И. Гольданского, лично знавшего Л. Силарда.

«После окончания войны Лео Сцилард – активный участник Пагуошского движения, поборник всеобщего мира и разоружения, сотрудничества и взаимопонимания между учеными всех стран. До последних дней неукротимой была его кипучая деятельность, охватывавшая буквально весь мир. Уже тяжело больным в декабре 1960 года Сцилард побывал в Москве, на очередной Пагуошской конференции. А за месяц до этого я получил вызов на почту – извещение о посылке от американского радиохимика профессора Чарльза Корнелла. На посылке стоял адрес: «Москва, Лео Сциларду. При отсутствии адресата вручить Виталию Гольданскому». В посылке оказалась довольно аляповатая и весьма тяжелая каменная пепельница в виде вздымающейся вверх массивной фигуры какой-то рыбы. Я недоумевал – ведь посылка была послана из Бостона в Москву в то время, как Сцилард еще находился в США! Зачем понадобилось отправлять в Москву такой странный подарок! Естественно, я был заинтригован, но, зная характер Корнелла, решил, что это какая-то шутка или, может быть, пари… Наконец, Сцилард приехал. Встретив его на одном из приемов, я вручил ему пепельницу. В первый момент этот седой, невысокий человек с тихим голосом и мягкой, усталой улыбкой был озадачен. Потом он вновь улыбнулся: «Да это же дельфин, это специально к моему докладу!»

Доклад Сциларда был построен на материалах его известной книги, названной «Голос дельфина». Смысл этого названия – в аналогии. Многие считают, что у дельфинов, стоящих на нашей планете на втором месте за людьми по развитию мозга, есть свой язык; однако люди его не понимают, как и дельфины — язык людей. Поняв друг друга, человек и дельфин несомненно подружились бы, эта «дружба» была бы приятна и полезна обоим… Вот так же – считал Сцилард – обстоит дело и с людьми. Дружбе,

контактам, взаимопониманию мешают алчность и властолюбие, предвзятость мнений и подозрительность, плодящие расовую и национальную ненависть, ведущие человечество к войнам. Борьбе с этой пеленой мрака и была посвящена общественная деятельность Лео Сциларда».[237]

Список литературы

1. Clemente B. The dolphin still speaks: Leo Szilard and science fiction // Hungarian Journal Of English And American Studies (HJEAS), vol. 14, №2 (Fall, 2008), pp. 373-387.
2. Dannen G. «Leo Szilard Online» [Онлайн-ресурс]. Copyright © 1995-2015 Gene Dannen. – Режим доступа: http://www.dannen.com/home.html
3. Farkas A. A nuclear physicist's foray into the realm of fiction: Leo Szilard's The Voice Of The Dolphins // Hungarian Studies, 7/1-2, 1991/92, Budapest: Akademiai Kiado, pp. 197-203.
4. Leo Szilard Papers. UC San Diego Library Special Collections [Онлайн-ресурс]. Copyright © 2013 Regents of the University of California / Онлайн-архив «Документы Лео Силарда». Специальные коллекции библиотеки Калифорнийского университета в Сан-Диего. – Режим доступа: https://library.ucsd.edu/dc/collection/bb0752385q
5. Sheffield R.S. The tragic science of Leo Szilard. A dissertation presented to the graduate school of the University of Florida in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Florida. 1994. 280 p.
6. Szilard, Leo. The voice of the dolphins, and other stories. New York: Simon And Schuster, 1961. 122 p. - Режим доступа: https://archive.org/details/voiceofdolphins00szil
7. Szilard, Leo. The voice of the dolphins ans other stories / Leo Szilard; with an introduction by Barton J Bernstein. (Stanford nuclear age series). Stanford University Press. 1992. 196 p. – Режим доступа: https://archive.org/details/voiceofdolphinso00szil_0
8. The Internet Speculative Fiction Database [Онлайн-ресурс]. Copyright © 1995-2023 Al von Ruff and the ISFDB team. – Режим доступа: https://www.isfdb.org/

[237] Гольданский В.И. Он думал о судьбе человечества... Памяти ученого (Предисловие к рассказу Л. Силарда «Всем звездам!») // Химия и жизнь, 1966. № 1. С. 32.

9. Бене С.В. За зубом к Полю Ревиру: рассказы / Составители: В. Голышев, А. Зверев. М.: Известия, 1988. Серия: Библиотека журнала «Иностранная литература». 256 с.
10. Гаков Вл. Ультиматум: Ядерная война и безъядерный мир в фантазиях и реальности. М.: Политиздат, 1989. 347 с.
11. Гольданский В.И. Он думал о судьбе человечества... Памяти ученого (Предисловие к рассказу Л.Силарда "Всем звездам!") // Химия и жизнь, 1966. № 1. С. 32.
12. Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX – конец 50-х годов XX века). М.: «Индрик», 2012. 600 с.
13. Заславская О.В. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // Шаги / Steps. 2018. Т. 4. № 2. С. 166-203.
14. Карацупа В. «Архив фантастики. Фантастика – живая ветвь искусства» [Онлайн-ресурс]. Copyright © 2001-2023 Виталий Карацупа. – Режим доступа: http://archivsf.narod.ru/index.htm
15. Кикоин К. Будапештские «пришельцы» // По обе стороны свободы. Эссе, очерки, воспоминания. Иерусалим, «Филобиблон», 2011. С. 65-88.
16. «Лаборатория фантастики» [Онлайн-ресурс] © 2005-2023 «Лаборатория Фантастики». – Режим доступа: https://fantlab.ru/
17. Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 44. С. 225-226. – Режим доступа: https://leninism.su/works/83-tom-44/955-o-znachenii-zolota-teper-i-posle-polnoj-pobedy-soczializma.html
18. Печатнов В.О. Как Сцилард писал Сталину // Россия XXI. 2006. №1. С. 168-185.
19. Пиршество демонов. Сборник научно-фантастических произведений ученых (Зарубежная фантастика) / Сост. Р. Фесенко. М.: Мир, 1968. 396 с.
20. Современная зарубежная фантастика. Сборник (Фантастика. Путешествия. Приключения) / Сост. А. Громовой. М.: Молодая гвардия, 1964. 400 с.
21. Сцилард Лео. Всем звездам!: НФ рассказ / Пер. с англ. Ю. Родман; Илл. Б. Алимова // Химия и жизнь, 1966. № 1. С. 33–36. [Предисловие: В. И. Гольданский: С. 32]
22. Филиппова Е.В. Человек будущего наедине со Вселенной: антиутопические поэмы И. Мадача и Х. Мартинсона // Художественный текст и культура: жанровые стратегии, мотивная структура. Материалы XIV Международной научной конференции. Владимир, 2022. С. 164–173.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
Издания сборника Лео Силарда «The voice of the Dolphins» и отдельных рассказов из него

1.1. Хронология написания и публикации рассказов

Название	Год написания	Первая публикация
My Trial as a War Criminal	1947	1949, журнал[238]
Report on «Grand Central Terminal»	1948	1952, журнал[239]
The Mark Gable Foundation	1948	1961, авторский сборник
Calling All Stars	1949	1961, авторский сборник
Kathy and the Bear	1949	1967, авторский сборник
The Voice of the Dolphins	1960	1961, авторский сборник
The Mined Cities	1961	1961, журнал[240]

1.2. Сборник «The Voice of the Dolphins, and Other Stories», 1961 г. (США)

Первое издание сборника как единого целого

Leo Szilard. The Voice of the Dolphins and Other Stories (авторский сборник). Jacket design by Seymour Chwast. New York: Simon And Schuster, 1961 г.

Описание: Язык издания: английский

Тип обложки: твердая в суперобложке. Страниц: 122.

На суперобложке: аннотация к сборнику, справка об авторе, фотопортрет Л Силарда.

Из аннотации: Five imaginative «reports» on the future man, by the eminent physicist. Includes the poem «Nightmare for future reference», by S.V. Benet. (Пять фантастических «репортажей» о человеке будущего от выдающегося физика. А также стихотворение «Кошмар будущего» С.В. Бене).

Содержание:

Stephen Vincent Benét. Nightmare for Future Reference (стихотворение)
Leó Szilárd. The Voice of the Dolphins (повесть)
Leó Szilárd. My Trial as a War Criminal (рассказ)
Leó Szilárd. The Mark Gable Foundation (рассказ)
Leó Szilárd. Calling All Stars (рассказ)
Leó Szilárd. Report On “Grand Central Terminal” (рассказ)

[238] “The University of Chicago Law Review,” vol. 17, no. 1, Autumn, 1949.
[239] “The University of Chicago Magazine,” June 1952.
[240] “The Bulletin of the Atomic Scientists”, vol. XVII, no. 10, December 1961.

Как видим из содержания сборника, собственно рассказы Л. Силарда предваряются стихотворением другого американского писателя, Стивена Винсента Бене (1898-1943). Это необычное редакторское решение повторялось и в последующих переизданиях сборника.

Таким образом, в первом издании «Голоса дельфинов» было представлено пять произведений Л. Силарда, включая заглавную повесть и четыре рассказа, два из которых уже были опубликованы ранее.

Издание относится к «книгам общественного достояния». Электронная версия доступна онлайн (для чтения с экрана), а также в виде отдельных файлов для скачивания (в разных форматах: txt, html, epub, mobi, pdf).

Доступ онлайн: в архиве ***Internet archieve***, издание предоставлено (2011) Бостонской публичной библиотекой / Boston Public Library.[241]

Электронная книга доступна к скачиванию на ресурсе **FadedPage.com** (archive of free eBooks). *Электронная книга (2019)*[242] создана канадским сообществом оцифровки книг общественного достояния *Distributed Proofreaders Canada (DPC)* и доступна безвозмездно для некоммерческого использования с ироничным примечанием (вполне в манере Силарда): «You may do whatever you like with this book, but mostly we hope you will read it» («Вы можете делать с этой книгой все, что захотите, но мы главным образом надеемся, что вы ее прочитаете»). Замечание весьма небеспочвенное в нашу эпоху, когда «все пишут и мало кто читает».

1.3. Сборник «The Voice of the Dolphins, and Other Stories», 1967 г. (Великобритания)

Первое расширенное издание сборника

Leo Szilard. The Voice of the Dolphins and Other Stories (авторский сборник)
Cover art by David Davies. London: Sphere Books Ltd, 1967 г.

Описание: Язык издания: английский. Тип обложки: мягкая. Страниц: 126.

Из аннотации: «Adds two stories not in the original hardcover edition» (Добавлены две истории, не вошедшие в оригинальное издание в твердом переплете)

Содержание:

Stephen Vincent Benét. Nightmare for Future Reference (стихотворение)
Leó Szilárd. The Voice of the Dolphins (повесть)
Leó Szilárd. My Trial as a War Criminal (рассказ)

[241] Режим доступа: (https://archive.org/details/voiceofdolphins00szil)
[242] Режим доступа: (https://www.fadedpage.com/showbook.php?pid=20190414)

Leó Szilárd. The Mark Gable Foundation (рассказ)
Leó Szilárd. Calling All Stars (рассказ)
Leó Szilárd. Report on “Grand Central Terminal” (рассказ)
Leó Szilárd. Kathy and the Bear (рассказ)
Leó Szilárd. The Mined Cities (рассказ)

Британское издание включает в себя целиком оригинальный американский сборник 1961 г. издания (в т.ч. стихотворение в прозе С.В. Бене в качестве эпиграфа), дополнено двумя рассказами Л. Силарда – «Kathy and the Bear» (написан в 1949, издан впервые) и «The Mined Cities» (написан и впервые опубликован в журнале в 1961). Это издание представляет наиболее полное собрание рассказов Л. Силарда.

1.4. Сборник «The Voice of the Dolphins, and Other Stories», 1992 г. (США)

Расширенное издание сборника

Leo Szilard. The Voice of the Dolphins and Other Stories. Expanded edition (авторский сборник)
Stanford, California: Stanford University Press, 1992 г. Stanford Nuclear Age Series.

Описание: Язык издания: английский. Тип обложки: мягкая, твердая. Страниц: 194.

Опирается на оригинальное издание Simon And Schuster (1961).

Содержание:

Introduction (Barton J. Bernstein)
Leó Szilárd. The Voice of the Dolphins (повесть)
Leó Szilárd. My Trial as a War Criminal (рассказ)
Leó Szilárd. The Mark Gable Foundation (рассказ)
Leó Szilárd. Calling All Stars (рассказ)
Leó Szilárd. Report On “Grand Central Terminal” (рассказ)
Leó Szilárd. The Mined Cities (рассказ)
Afterword (Helen Weiss)
Notes to introduction

Доступ онлайн: в архиве ***Internet archieve***, издание предоставлено ***(2014)*** некоммерческой организацией *Friends of the San Francisco Public Library*.[243]

[243] Режим доступа: (https://archive.org/details/voiceofdolphinso00szil_0)

1.5. Переводы рассказов Л. Силарда на русский язык

Оригинальное название	Название на русском языке	Публикация на русском языке	Дополнительная информация
The Voice of the Dolphins	***Голос дельфинов***	Не публиковался	В архиве Силарда имеется недатированный анонимный машинописный русский текст *(А)*
My Trial as a War Criminal	***Как меня судили за военные преступления***	Не публиковался	Есть любительский перевод (2016), доступный онлайн *(Б)*
The Mark Gable Foundation	***Фонд Марка Гейбла***	В составе антологий в 1964 и 1989 гг. *(В)*	Перевод с английского: В. Войн
Calling All Stars	***Всем звездам!***	1966, журнал *(Г)*	Перевод с английского: Ю.Родман
Report on «Grand Central Terminal»	***К вопросу о «Центральном вокзале»***	В составе антологий в 1968 и 1991 гг. *(Д)*	Перевод с английского: Е. Владарова
Kathy and the Bear	***Кэти и медведь***	Не публиковался	
The Mined Cities	***Заминированные города***	Не публиковался	

(А) В онлайн-архиве Л.Силарда документ носит абстрактное название «Voice of the Dolphins and other stories. Russian edition». (Режим доступа: https://library.ucsd.edu/dc/object/bb4813867h). Представляет собой скан сброшюрованных машинописных листов. На документе имеются рукописные пометки на русском языке: «20 экз.» и «Профессор Л. Сцилард». Вероятно, этот перевод был выполнен для выступления Л. Силарда на Пагуошской конференции 1960 г. в Москве членами ее оргкомитета.

(Б) Публикация в авторской колонке пользователя Beksultan от 31 января 2016 г., размещенная на сайте FantLab под заголовком: *Лео Силард. Как меня судили за военные преступления. Перевод рассказа Лео Силарда «My Trial as a War Criminal»* (Режим доступа: https://fantlab.ru/blogarticle41224)

(В) *Современная зарубежная фантастика.* Сборник / Сост. А. Громова. (Фантастика. Путешествия. Приключения). 65 000 экз. М.: Молодая гвардия, 1964. 400 с. – (Лео Сциллард. Фонд Марка Гейбла / Пер. В. Война. – С. 191-201).

На волне космоса. Зарубежная фантастика / Сост. А. Громова. [Тексты печатаются по изданию: «Современная зарубежная фантастика» (1964)]. 150 000 экз. М.: Московский рабочий, 1989. 320 с. – (Лео Сциллард. Фонд Марка Гейбла / Пер. В. Война – С.147-155).

Текст рассказа в русском переводе доступен онлайн: https://libking.ru/books/sf-/sf/48595-leo-stsilard-fond-marka-geybla.html#book

(Г) Лео Сцилард. Всем звездам!: Научно-фантастический рассказ / Пер. с англ. Ю. Родман; Илл. Б. Алимова // Химия и жизнь, 1966. № 1. С. 33-36. Тираж 64 000 экз.

Текст рассказа в русском переводе доступен онлайн: https://libking.ru/books/sf-/sf/1109702-leo-scilard-vsem-zvezdam.html

(Д) *Пиршество демонов.* Сборник научно-фантастических произведений ученых. Серия: Зарубежная фантастика. Составитель Р.Фесенко. Послесловие Е.Парнова. Москва. Издательство «Мир». 1968. 396 с. Тираж не указан.

Пиршество демонов. Сборник научно-фантастических произведений ученых. Серия: Зарубежная фантастика. Составитель Р.Фесенко. Послесловие Е.Парнова. Москва. Издательство «Мир». 1991. 464 с. Тираж 100.000 экз.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
История Венского института: фрагменты повести «Голос дельфинов» в оригинале и переводе

Английский текст цитируется по оригинальному изданию 1961 г.
Перевод на русский Е.В.Филипповой
Для наглядности текст структурирован и снабжен подзаголовками

История Венского института (1963–1988)

1. Политические предпосылки создания Института

1.1. On several occasions between 1960 and 1985, the world narrowly escaped an all-out atomic war. In each case, the escape was due more to fortuitous circumstances than to the wisdom of the policies pursued by statesmen.

1.1. В период с 1960 по 1985 год мир несколько раз едва избежал тотальной атомной войны. В каждом случае это было связано скорее с удачным стечением обстоятельств, чем с мудростью политики, проводимой государственными деятелями.

1.2. That the bomb would pose a novel problem to the world was clear as early as 1946. It was not clearly recognized, however, that the solution of this problem would involve political and technical considerations in an inseparable fashion. In America, few statesmen were aware of the technical considerations, and, prior to Sputnik, only few scientists were aware of the political considerations. After Sputnik, Dr. James R. Killian was appointed by President Eisenhower, on a full-time basis, as chairman of the President's Science Advisory Committee, and, thereafter, a number of distinguished scientists were drawn into the work of the Committee and became aware of all aspects of the problem posed by the bomb.

1.2. То, что бомба поставит перед миром доселе невиданную проблему, стало ясно уже в 1946 г. Однако тогда еще не было четко осознано, что решение этой проблемы будет неразрывно связано с политическими и техническими соображениями, которые невозможно отделить друг от друга. В Америке только немногие государственные деятели были осведомлены о технической стороне вопроса, а до запуска «Спутника» лишь некоторые ученые были осведомлены о политической стороне. После «Спутника» президент Эйзенхауэр назначил доктора Джеймса Р. Киллиана постоянным председателем Научного консультативного комитета при президенте, после чего немало выдающихся ученых были привлечены к работе комитета и стали осведомлены обо всех аспектах связанной с бомбой проблемы.

1.3. Why, then, one may ask, did scientists in general, and the President's Science Advisory Committee in particular, fail to advance a solution of this problem during the Eisenhower administration? The slogan that «scientists should be on tap but not on top,» which gained currency in Washington, may have had something to do with this failure. Of course, scientists could not possibly be on top in Washington, where policy, if it is made at all, is made by those who operate, rather than by those who are engaged in policy planning. But what those who coined this slogan, and those who parroted it, apparently meant was that scientists must not concern themselves with devising and proposing policies; they ought to limit themselves to answering such technical questions as they may be asked. Thus, it may well be that the scientists gave the wrong answers because they were asked the wrong questions.

1.3. Почему же, спрашивается, ученые в целом и Президентский научный консультативный комитет в частности не преуспели с решением этой проблемы во время правления Эйзенхауэра? Возможно, к этой неудаче имеет определенное отношение получивший распространение в Вашингтоне лозунг «Ученые – не наверху, а на подхвате». Конечно, ученые никак не могли быть «наверху» в Вашингтоне, где политика, если она вообще имеет место, осуществляется теми, кто действует, а не теми, кто планирует. Но и запустившие, и повторявшие этот лозунг, очевидно, имели в виду, что ученые не должны заниматься разработкой и предложением политических мер; они должны ограничиться ответами на технические вопросы – в случае, если их спросят. И потому весьма вероятно, что ученые давали не те ответы, потому что им задавали не те вопросы.

1.4. In retrospect, it would appear that among the various recommendations made by the President's Science Advisory Committee there was only one which has borne fruit. At some point or other, the Committee had recommended that there be set up, at the opportune time, a major joint Russian-American research project having no relevance to the national defense, or to any politically controversial issues. The setting up in 1963 of the Biological Research Institute in Vienna under a contract between the Russian and American governments was in line with this general recommendation of the Committee.

1.4. При ретроспективном взгляде кажется, что среди различных рекомендаций, сделанных Президентским научным консультативным комитетом, только одна принесла свои плоды. В какой-то момент Комитет порекомендовал при благоприятной возможности учредить крупный совместный российско-американский исследовательский проект, который бы не имел отношения ни к национальной обороне, ни к каким-либо спорным политическим вопросам. Этой

общей рекомендации Комитета соответствовало создание в 1963 г. Института биологических исследований в Вене по договору между российским и американским правительствами.

2. Научные предпосылки создания Института

2.1. When the Vienna Institute came to be established, both the American and the Russian molecular biologists manifested a curious predilection for it. Because most of those who applied for a staff position were distinguished scientists, even though comparatively young, practically all of those who applied were accepted.

2.1. Когда был создан Венский институт, и американские, и российские молекулярные биологи продемонстрировали необычную предрасположенность к нему. Поскольку большинство из тех, кто претендовал на должность сотрудника, были выдающимися учеными, хотя и сравнительно молодыми, практически все подавшие заявки были приняты.

2.2. This was generally regarded at that time as a major setback for this young branch of science, in Russia as well as in America, and there were those who accused Sergei Dressier of having played the role of the Pied Piper. There may have been a grain of truth in this accusation, inasmuch as a conference on molecular biology held in Leningrad in 1962 was due to his initiative. Dressier spent a few months in America in 1960 surveying the advances in molecular biology. He was so impressed by what he saw that he decided to do something to stimulate this new branch of science in his native Russia. The Leningrad Conference was attended by many Americans; it was the first time that American and Russian molecular biologists came into contact with each other, and the friendships formed on this occasion were to last a lifetime.

2.2. В то время это было воспринято как крупная потеря для этой молодой отрасли науки как в России, так и в Америке, а некоторые даже обвиняли Сергея Дрессье в том, что он сыграл роль Крысолова. Возможно, в этом обвинении была доля правды, так как конференция по молекулярной биологии, состоявшаяся в Ленинграде в 1962 г., была организована по его инициативе. В 1960 г. Дрессье провел несколько месяцев в Америке, изучая достижения молекулярной биологии. Увиденное произвело на него такое впечатление, что он решил сделать что-то для стимулирования этой новой отрасли науки в своей родной России. На Ленинградской конференции присутствовало много американцев; это был первый контакт американских и российских молекулярных биологов друг с другом, и возникшие по этому случаю дружеские отношения сохранились на всю жизнь.

3. Дельфины как объект изучения

3.1. When the first scientific communications came out of the Vienna Institute, it came as a surprise to everyone that they were not in the field of molecular biology, but concerned themselves with the intellectual capacity of the dolphins.

3.1. Когда из Венского института пришли первые научные сообщения, всех удивило то, что они не относились к области молекулярной биологии, а касались интеллектуальных способностей дельфинов.

3.2. That the organization of the brain of the dolphin has a complexity comparable to that of man had been known for a long time. In 1960, Dr. John C. Lilly reported that the dolphins might have a language of their own, that they were capable of imitating human speech and that the intelligence of the dolphins might be equal to that of humans, or possibly even superior to it. This report made enough of a stir, at that time, to hit the front pages of the newspapers. Subsequent attempts to learn the language of the dolphins, to communicate with them and to teach them, appeared to be discouraging, however, and it was generally assumed that Dr. Lilly had overrated their intelligence.

3.2. О том, что строение мозга дельфина по сложности сопоставимо с человеческим, было известно давно. В 1960 г. доктор Джон К. Лилли выступил с заявлением, что у дельфинов может быть свой язык, что они способны имитировать человеческую речь и что интеллект дельфинов может быть равен человеческому, а возможно, и превосходит его. В то время это заявление вызвало изрядный ажиотаж и попало на первые страницы газет. Однако последующие попытки изучить язык дельфинов, общаться с ними и обучать их оказались неутешительными, и стало принято считать, что доктор Лилли переоценил их интеллект.

3.3. In contrast to this view, the very first bulletin from the Vienna Institute took the position that previous failures to communicate with the dolphins might not have been due to the dolphins' lack of intellectual capacity but rather to their lack of motivation. In a second communiqué the Vienna Institute disclosed that the dolphins proved to be extraordinarily fond of Sell's liver paste, that they became quickly addicted to it and that the expectation of being rewarded by being fed this particular brand of liver paste could motivate them to perform intellectually strenuous tasks.

3.3. В противоположность этой позиции, в самом первом бюллетене Венского института было высказано мнение, что предыдущие неудачи в общении с дельфинами могли быть связаны не с отсутствием у дельфинов интеллектуальных способностей, а с недостатком мотивации. Во втором официальном сообщении Венский институт проинформировал, что, как оказалось, дельфинам чрезвычайно нравится печеночный паштет *Sell's*, что они быстро пристрастились к

нему и что ожидание вознаграждения путем кормления этой конкретной маркой печеночного паштета может побудить их к выполнению задач, требующих умственных усилий.

4. Дельфины учатся

4.1. A number of subsequent communiqués from the Institute concerned themselves with objectively determining the exact limit of the intellectual capacity of the dolphins. These communiqués gradually revealed that their intelligence far surpassed that of man. However, on account of their submerged mode of life, the dolphins were ignorant of facts, and thus they had not been able to put their intelligence to good use in the past.

4.1. Ряд последующих коммюнике Института был посвящен объективному определению конкретного предела интеллектуальных способностей дельфинов. В этих сообщениях постепенно выяснилось, что их интеллект намного превосходит интеллект человека. Однако из-за своего подводного образа жизни дельфины были слабо осведомлены о происходящем и поэтому до сих пор не имели возможности использовать свой интеллект с пользой.

4.2. Having learned the language of the dolphins and established communication with them, the staff of the Institute began to teach them first mathematics, next chemistry and physics, and subsequently biology. The dolphins acquired knowledge in all of these fields with extraordinary rapidity. Because of their lack of manual dexterity the dolphins were not able to perform experiments. In time, however, they began to suggest to the staff experiments in the biological field, and soon thereafter it became apparent that the staff of the Institute might be relegated to performing experiments thought up by the dolphins.

4.2. Изучив язык дельфинов и наладив с ними коммуникацию, сотрудники института начали обучать их сначала математике, затем химии и физике, а после биологии. Дельфины усваивали знания во всех этих областях с необычайной быстротой. Из-за отсутствия возможности работать руками дельфины не могли сами проводить эксперименты. Однако со временем они стали предлагать сотрудникам эксперименты в области биологии, и вскоре стало очевидно, что сотрудникам Института может быть делегировано выполнение экспериментов, задуманных дельфинами.

5. Открытия и достижения дельфинов

5.1. During the first three years of the operation of the Institute all of its publications related to the intellectual capacity of the dolphins. The communiqués issued in the fourth year, five in number, were, however, all in the field of molecular biology. Each

one of these communiqués reported a major advance in this field and was issued not in the name of the staff members who had actually performed the experiment, but in the name of the dolphins who had suggested it. (At the time when they were brought into the Institute the dolphins were each designated by a Greek syllable, and they retained these designations for life.)

5.1. В течение первых трех лет работы Института все его публикации касались интеллектуальных способностей дельфинов. Однако все коммюнике, выпущенные на четвертый год, а их было пять, относились к области молекулярной биологии. Каждое из этих коммюнике сообщало о крупном достижении в этой области и было опубликовано не от имени сотрудников, проводивших эксперимент, а от имени дельфинов, его предложивших. (В то время, когда дельфинов привезли в Институт, каждый из них обозначался греческим слогом, и они сохранили эти обозначения на всю жизнь).

5.2. Each of the next five Nobel Prizes for physiology and medicine was awarded for one or another of these advances. Since it was legally impossible, however, to award the Nobel Prize to a dolphin, all the awards were made to the Institute as a whole. Still, the credit went, of course, to the dolphins, who derived much prestige from these awards, and their prestige was to increase further in the years to come, until it reached almost fabulous proportions.

5.2. Все пять следующих Нобелевских премий по физиологии и медицине были присуждены за то или иное из этих достижений. Однако, поскольку по закону дельфину невозможно присудить Нобелевскую премию, все награды получил Институт в целом. Тем не менее, заслуга, конечно же, принадлежала дельфинам, которые приобрели большой престиж от этих наград, и в последующие годы этот престиж еще больше возрос, пока не достиг почти сказочных масштабов.

5.3. In the fifth year of its operation, the Institute isolated a mutant form of a strain of commonly occurring algae, which excreted a broad-spectrum antibiotic and was able to fix nitrogen. Because of these two characteristics, these algae could be grown in the open, in improvised ditches filled with water, and they did not require the addition of any nitrates as fertilizer. The protein extracted from them had excellent nutritive qualities and a very pleasant taste.

5.3. На пятом году работы института была выделена мутантная форма штамма повсеместно распространенной водоросли, которая выделяла антибиотик широкого спектра действия и была способна усваивать атмосферный азот. Благодаря этим двум характеристикам водоросли можно было выращивать на открытом воздухе, в заполненных водой искусственных канавах, и они не требовали до-

бавления нитратов в качестве удобрения. Извлеченный из них белок обладал отличными питательными свойствами и был приятен на вкус.

5.4. The algae, the process of growing them and the process of extracting their protein content, as well as the protein product itself, were patented by the Institute, and when the product was marketed – under the trade name Amruss – the Institute collected royalties.

5.4. Водоросли, процесс их выращивания и процесс извлечения из них белка, а также сам белковый продукт были запатентованы Институтом, и когда продукт поступил в продажу – под торговым названием Amruss – Институт стал получать патентные отчисления.

5.5. If taken as a protein substitute in adequate quantities, Amruss markedly depresses the fertility of women, but it has no effect on the fertility of men. Amruss seemed to be the answer to the prayer of countries like India. India had a severe immediate problem of food shortage; and she had an equally severe long-term problem, because her population had been increasing at the rate of five million a year.

5.5. Если принимать Амрусс в достаточном количестве в качестве заменителя белка, он заметно снижает фертильность женщин, но не влияет на фертильность мужчин. Казалось, Амрусс стал ответом на молитвы таких стран, как Индия. Индия столкнулась с острой насущной проблемой нехватки продовольствия; имелась и не менее острая долгосрочная проблема – население страны ежегодно увеличивалось на пять миллионов человек.

5.6. Amruss sold at about one tenth of the price of soybean protein, and in the first few years of its production the demand greatly exceeded the supply. <...>

5.6. Амрусс продавался по цене примерно в одну десятую от цены соевого белка, и в первые несколько лет его производства спрос значительно превышал предложение.

5.7. The income of the Institute, from the royalties collected, rapidly increased from year to year, and within a few years it came to exceed the subsidies from the American and Russian governments. Because the Institute had internationally recognized tax-free status, the royalties were not subject to tax.

5.7. Доход Института от патентных отчислений быстро рос из года в год, и через несколько лет он превысил субсидии американского и российского правительств. Поскольку Институт имел международно признанный безналоговый статус, патентные отчисления налогом не облагались.

5.8. Had it not been for the extra income that the Vienna Institute derived from the sale of Amruss, its activities would have come to an end in 1970, at the time of the

Communist revolution in Iraq, when all Russian-American contracts were canceled and the Institute lost its government subsidies.

5.8. Если бы не дополнительный доход, который Венский институт получал от продажи «Амрусса», его деятельность прекратилась бы в 1970 г., во время коммунистической революции в Ираке, когда все российско-американские контракты были аннулированы и Институт лишился государственных субсидий.

6. Дельфины включаются в массовую коммуникацию

6.1. The first investment made by the Vienna Institute was the purchase of television stations in a number of cities all over the world. Thereafter, the television programs of these stations carried no advertising. Since they no longer had to aim their programs at the largest possible audience, there was no longer any need for them to cater to the taste of morons. This freedom from the need of maximizing their audience led to a rapid evolution of the art of television, the potential of which had been frequently surmised but never actually realized.

6.1. Первой инвестицией Венского института стала покупка телевизионных станций в ряде городов мира. С того времени в телепрограммах этих станций не было рекламы. Поскольку им больше не нужно было ориентировать свои программы на максимально возможную аудиторию, отпала необходимость угождать вкусам идиотов. Эта свобода от необходимости максимизации аудитории привела к быстрому развитию искусства телевидения, у которого и раньше предполагался большой потенциал, который пока так и не был реализован.

6.2. One of the major television programs carried by the Amruss stations was devoted to the discussion of political problems. The function of *The Voice of the Dolphins*, as this program was called, was to clarify what the real issues were. In taking up an issue, *The Voice* would discuss what the several possible solutions were and would indicate in each case what the price of that particular solution might be. A booklet circulated by *The Voice of the Dolphins* explained why the program set itself this particular task, as follows:

6.2. Одна из основных телевизионных программ, транслируемых станциями Amruss, была посвящена обсуждению политических проблем. Цель «*Голоса дельфинов*», как называлась эта программа, заключалась в том, чтобы прояснить, каковы же реальные проблемы. При обсуждении какого-либо вопроса «*Голос*» рассматривал несколько возможных решений и в каждом случае указывал, какой может быть цена этого конкретного решения. В буклете, который распространялся под эгидой «*Голоса дельфинов*», следующим образом объяснялось, почему программа поставила перед собой именно такую задачу:

6.3. Political issues were often complex, but they were rarely anywhere as deep as the scientific problems which had been solved in the first half of the century. These scientific problems had been solved with amazing rapidity because they had been constantly exposed to discussion among scientists, and thus it appeared reasonable to expect that the solution of political problems could be greatly speeded up also if they were subjected to the same kind of discussion. The discussions of political problems by politicians were much less productive, because they differed in one important respect from the discussions of scientific problems by scientists: When a scientist says something, his colleagues must ask themselves only whether it is true. When a politician says something, his colleagues must first of all ask, "Why does he say it?"; later on they may or may not get around to asking whether it happens to be true. A politician is a man who thinks he is in possession of the truth and knows what needs to be done; thus his only problem is to persuade people to do what needs to be done. Scientists rarely think that they are in full possession of the truth, and a scientist's aim in a discussion with his colleagues is not to persuade but to clarify. It was clarification rather than persuasion that was needed in the past to arrive at the solution of the great scientific problems.

6.3. Политические вопросы часто бывали сложными, но редко были настолько глубокими, как научные проблемы, уже решенные в первой половине века. Эти научные проблемы были решены с удивительной быстротой, потому что они постоянно подвергались обсуждению среди ученых, и поэтому разумно было бы ожидать, что решение политических проблем также может быть значительно ускорено, если они будут подвергаться аналогичному обсуждению. Обсуждение политических проблем политиками было гораздо менее продуктивным, потому что в одном важном отношении оно отличалось от обсуждения научных проблем учеными: Когда ученый что-то говорит, его коллегам нужно спрашивать себя только о том, соответствует ли это действительности. Когда что-то говорит политик, его коллеги должны прежде всего спросить: «С какой целью он это говорит?»; и лишь потом они, возможно, зададутся вопросом, соответствует ли сказанное действительности. Политик – это человек, который считает, что владеет истиной и знает, что нужно делать; поэтому его единственная проблема – убедить людей сделать то, что требуется. Ученые редко думают, что они полностью владеют истиной, и цель ученого в дискуссии со своими коллегами – не убедить, а прояснить. Именно разъяснение, а не убеждение было необходимо в прошлом, чтобы прийти к решению великих научных проблем.

6.4. Because the task of *The Voice* was to clarify rather than to persuade, *The Voice* did not provide political leadership, but by clarifying what the issues were in the field of politics *The Voice* made it possible for intellectual leadership to arise in this field.

6.4. Поскольку задачей «*Голоса*» было разъяснять, а не убеждать, «*Голос*» не претендовал на политическое лидерство, но, проясняя политическую повестку, сделал возможным возникновение интеллектуального лидерства в этой области.

7. Дебют дельфинов во внешней политике

7.1. A number of political scientists were invited to join the Institute at the time when *The Voice of the Dolphins* went into operation, and the first suggestion of the dolphins in the political field was made one year later. At that time, the dolphins proposed that the United Nations set up a commission in every South American capital and that these commissions function along the lines of the U.N. Commission that had been in operation in Bolivia since 1950. That commission was advising the Bolivian government on all matters pertaining to the economic welfare of the nation; in addition, it made available trained personnel on whom the Bolivian government could draw, if it wanted to put into effect any of the commission's recommendations.

7.1. В то время, когда «*Голос дельфинов*» начал свою работу, в Институт были приглашены несколько политологов, а первое предложение дельфинов в политической сфере было сделано год спустя. Тогда дельфины предложили, чтобы Организация Объединенных Наций создала комиссию в каждой столице Южной Америки и чтобы эти комиссии функционировали по примеру комиссии ООН, которая действовала в Боливии с 1950 г. Эта комиссия консультировала боливийское правительство по всем вопросам, касающимся экономического благосостояния страны; кроме того, она предоставляла обученный персонал, к которому боливийское правительство могло прибегать, если хотело воплотить в жизнь какие-либо рекомендации комиссии.

7.2. This proposal of the dolphins was generally regarded as wholly unrealistic. It was pointed out that the governments of the South American nations did not operate in a vacuum, but were subject to political pressures from private interests. It was freely predicted, therefore, that any attempt on the part of a U.N. commission to influence the action of the government to which it was accredited would be frustrated by the influence of the private interests, no matter how sound the advice might be. But such was the prestige of the dolphins that their proposal, formally submitted to the United Nations by Uruguay, was adopted by a two-thirds majority of the General Assembly, after it had been vetoed in the Security Council.

7.2. Это предложение дельфинов в целом было расценено как абсолютно нереалистичное. Было отмечено, что правительства южноамериканских стран действуют не в вакууме, а подвергаются политическому давлению со стороны част-

ных интересов. Поэтому можно было с уверенностью предсказать, что любая попытка комиссии ООН повлиять на действия правительства, при котором она аккредитована, будет сорвана влиянием частных интересов, независимо от степени обоснованности рекомендаций комиссии. Но престиж дельфинов был настолько высок, что их предложение, официально представленное в ООН Уругваем, было принято большинством в две трети голосов Генеральной Ассамблеи, после того как на него было наложено вето в Совете Безопасности.

7.3. Still, the skeptics might well have turned out to be right, had it not been for the activities of the «special agencies» which the Vienna Institute established in every one of the South American capitals where a U.N. commission was in operation. Even though these special agencies had no policy of their own other than to support the proposals of the local United Nations commissions, and even though they operated on a rather limited budget – none spent more than $15 million a year – without their activities the U.N. commissions could not have achieved their ambitious goals in South America. The amounts which these «special agencies» spent, small though they were, were effective because they were spent exclusively for the purpose of bribing the members of the government in office to do what was in the public interest, rather than to yield to the pressures of private interests.

7.3. Тем не менее, скептики вполне могли бы оказаться правы, если бы не деятельность «специальных агентств», которые Венский институт создал в каждой из столиц Южной Америки, где действовала комиссия ООН. Несмотря на то, что эти специальные агентства не вели собственной политики, а лишь поддерживали предложения местных комиссий ООН, и даже несмотря на то, что они работали с довольно ограниченным бюджетом – ни одно из них не тратило более 15 миллионов долларов в год – без их деятельности комиссии ООН не смогли бы достичь своих амбициозных целей в Южной Америке. Суммы, которые тратили эти «специальные агентства», пусть и небольшие, давали эффект, потому что тратились исключительно на подкуп действующих членов правительства, чтобы они делали то, что отвечает общественным интересам, а не поддавались давлению интересов частных.

8. «Мягкая сила» дельфинов во внутренней политике

8.1. That the dolphins had anything to do with America's recognition of China in 1966 was not known at the time, for people did not realize that the dolphins exerted a decisive influence on this issue through the American Research Foundation.

8.1. О том, что дельфины имеют какое-то отношение к признанию Китая Америкой в 1966 г., в то время не знали, поскольку тогда еще не было известно,

что дельфины оказали решающее влияние на этот вопрос через Американский исследовательский фонд.

8.2. This foundation derived its income from the Vienna Institute, and its income exceeded that of the Ford Foundation twentyfold. The trustees of the foundation, apparently hand-picked by the dolphins, served on a part-time basis, without salary. Membership on the Advisory Board of the foundation was, however, a full-time job carrying a salary of $200,000 a year for life. When, in the course of the years, the Advisory Board was built up to full strength its membership consisted of twenty distinguished politicians, Democrats and Republicans in about equal numbers.

8.2. Этот фонд получал свои доходы от Венского института, и они в двадцать раз превышали доходы Фонда Форда. Попечители фонда, по всей видимости, персонально подобранные дельфинами, бесплатно работали на условиях неполного рабочего дня. Однако членство в Консультативном совете фонда было работой на полную ставку с пожизненным вознаграждением в 200.000 долларов в год. Когда в течение нескольких лет Консультативный совет был полностью сформирован, в его состав вошли двадцать выдающихся политиков, из них примерно поровну демократов и республиканцев.

8.3. The first politician to join the advisory board was Peter Douglas, who became Secretary of State when the new Administration took office following the 1964 elections. Douglas, who was irrevocably opposed to the recognition of China, resigned his position as Secretary of State in June 1965 to accept a life membership on the advisory board. His successor in office was Roger Knowland, a Californian, who was also strongly opposed to the recognizing of China. He, in turn, resigned his office in February 1966 to join the Advisory Board. His successor as Secretary of State, Milton Land, former Senator from Massachusetts, did not share the views of his predecessors, and the U.S. finally recognized China.

8.3. Первым политиком, вошедшим в состав Консультативного Совета, был Питер Дуглас, который стал государственным секретарем, когда новая администрация заняла кресла после выборов 1964 г. Дуглас, выступавший категорически против признания Китая, покинул пост госсекретаря в июне 1965 г. ради пожизненного членства в Консультативном совете. Его преемником на государственной службе стал калифорниец Роджер Ноуленд, который также был категорически против признания Китая. И он, в свою очередь, покинул свой пост в феврале 1966 г., чтобы присоединиться к Консультативному совету. А его преемник на посту государственного секретаря, Милтон Лэнд, бывший сенатор от штата Массачусетс, не разделял взглядов своих предшественников, и США в конце концов признали Китай.

8.4. According to the charter of the American Research Foundation, the Advisory Board wielded great power, for its recommendations were supposed to be binding on the board of trustees. However, the charter also specified that these recommendations must be passed by a unanimous vote, and it seems that no resolution ever passed the Advisory Board by unanimous vote. While this must have been rather frustrating to its members, there is no record of anyone's ever having resigned from the general advisory board.

8.4. Согласно уставу Американского исследовательского фонда, Консультативный совет обладал большой властью, поскольку его рекомендации были обязательными для попечительского совета. Однако в уставе также указывалось, что эти рекомендации должны приниматься единогласно; насколько же можно судить, ни одна резолюция ни разу не была принята Консультативным советом единогласно. Хотя это, должно быть, весьма огорчало его членов, нет никаких сведений о том, что кто-то когда-либо выходил из состава общего Консультативного совета.

8.5. It is quite evident – in retrospect – that membership on the Advisory Board had never been offered by the foundation to any Cabinet officer or any member of the Senate who pursued, or supported, a constructive foreign policy. It should be borne in mind, however, that only in the light of subsequent events could it become evident whether a foreign policy was constructive or not.

8.5. В ретроспективе совершенно очевидно, что Фонд никогда не предлагал членство в Консультативном совете ни одному сотруднику кабинета министров или сенатору, которые проводили либо поддерживали конструктивную внешнюю политику. Однако следует иметь в виду, что только в свете последующих событий становилось ясно, была ли та или иная внешняя политика конструктивной или нет.

9. Бестселлер «Беседы с Пи Омега Ро»

9.1. In the circumstances, the world might well have remained unaware of the role which the dolphins played in American politics, except for the revelations contained in Alex Gamov's *Conversations with Pi Omega Ro*, (10th edition, New York, Harper and Brothers, 1998), which covers the two years immediately preceding the establishment of the foundation.

9.1. В этих обстоятельствах мир вполне мог бы остаться в неведении относительно роли, которую дельфины играли в американской политике, если бы не откровения, содержащиеся в книге Алекса Гамова «*Беседы с Пи Омега Ро»* (10-

е издание, Нью-Йорк, издательство «Харпер и Бразерс», 1998), которая охватывает события двух лет, непосредственно предшествовавших созданию фонда.

9.2. There was a time when people thought that the discussions reported in the Conversations were transcripts of the conversations which staff members of the Vienna Institute had with Pi Omega Ro. In view of the inconsistencies discovered, this view is probably no longer tenable, and today it is regarded as more likely that Gamov reconstructed these conversations imperfectly from memory.

9.2. Было время, когда считалось, что дискуссии, о представленные в «Беседах», были стенограммами разговоров между сотрудниками Венского института и дельфином по имени Пи Омега Ро. Ввиду обнаруженных несоответствий эта точка зрения, вероятно, более не выдерживает критики, и сегодня считается более вероятным, что Гамов неточно реконструировал эти беседы по памяти.

9.3. As the reader may recall, Gamov, a member of the staff of the Vienna Institute, had married the sister of one of his American colleagues and did not return in 1990 to Russia, but joined the Salk Institute in La Jolla, California. Upon his retirement ten years later, he began to write the Conversations.

9.3. Как читатель, возможно, помнит, Гамов, сотрудник Венского института, женился на сестре одного из своих американских коллег и в 1990 г. не вернулся в Россию, а поступил на работу в Институт Салка в Ла-Джолле, Калифорния. Выйдя в отставку десять лет спустя, он начал писать «Беседы».

9.4. In his book he relates that the dolphins, who grasped mathematics, chemistry, physics and biology with ease, found it difficult to comprehend America's social and political system. The American staff members whose task it was to explain America to Pi Omega Ro were at times so exasperated by the questions asked by this dolphin that they asked Gamov, who spoke flawless English, to come to their rescue.

9.4. В своей книге он рассказывает, что дельфины, которые с легкостью осваивали математику, химию, физику и биологию, с трудом постигали социальную и политическую систему Америки. Американские сотрудники, в задачу которых входило объяснение устройства Америки для Пи Омега Ро, иногда были настолько замучены вопросами, которые задавал этот дельфин, что просили прийти на помощь Гамова, превосходно говорившего по-английски.

9.5. Thus, on one occasion, Pi Omega Ro asked whether it would be correct to assume that Americans were free to say what they think, because they did not think what they were not free to say. On another occasion, he asked whether it would be correct to say that in America honest politicians were men who were unable to fool others without first fooling themselves.

9.5. Так, однажды Пи Омега Ро спросил, правильно ли считать, что американцы могут свободно говорить то, что думают, потому что они не думают о том, о чем нельзя говорить свободно. В другой раз он спросил, правильно ли будет сказать, что в Америке честные политики – это люди, которые не в состоянии обмануть других, не обманувшись сначала сами.

9.6. When Pi Omega Ro became interested in foundations he wanted to know everything about them, including the legal technicalities of their tax exemption. Upon being informed that a tax-exempt foundation may not spend its funds to influence legislation but may spend them on education, he asked whether this implied that in America education did not influence legislation.

9.6. Когда Пи Омега Ро заинтересовался фондами, он хотел знать о них все, включая юридические тонкости их освобождения от налогов. Узнав, что освобожденный от налогов фонд не имеет права тратить свои средства, чтобы оказывать влияние на законодательство, но может тратить их на образование, он спросил, означает ли это, что в Америке образование не имеет влияния на законодательство.

9.7. Pi Omega Ro was puzzled why money which would otherwise be taxed away and go to the Treasury should be permitted to go to foundations when obviously foundations never did anything worth while except what the Government was doing anyway and, in many cases, was doing better. He regarded the bylaws of the foundations, which provided that grants for research projects be allocated by a simple majority vote of the trustees, as an ingeniously contrived device to make certain that no imaginative project was ever approved. «Let us assume, for the sake of argument,» he argued, «that one third of the trustees are men endowed with imagination and two thirds of them are not so endowed. Does not the majority vote then automatically bar any imaginative project? And even if we accept, as the basic tenet of true democracy, that one moron is as good as one genius, is it necessary to go one step farther and hold that two morons are better than one genius?»

9.7. Пи Омега Ро был озадачен, почему деньги, которые в противном случае были бы обложены налогом и ушли в казну, должны доставаться фондам, когда очевидно, что фонды никогда не делали ничего стоящего помимо того, что и так делалось правительством, и во многих случаях делалось лучше. А уставное положение фондов, которое предусматривает, что гранты на исследовательские проекты выделяются простым большинством голосов попечителей, он рассматривал как хитроумный инструмент, гарантирующий, что ни один требующий воображения проект никогда не будет одобрен. «Допустим, – рассуждал он, – что одна треть попечителей – люди, наделенные воображением, а две трети не

наделены им. Разве в таком случае большинство голосов автоматически не препятствует любому творческому проекту? И даже если мы примем в качестве основного постулата истинной демократии, что один идиот так же хорош, как один гений, нужно ли идти дальше и утверждать, что два идиота лучше одного гения?»

9.8. These conversations must be regarded as authentic, in spite of the doubts which were raised by some of Gamov's colleagues who knew him at La Jolla. Their observation that Pi Omega Ro's sense of humor showed a remarkable resemblance to Gamov's own sense of humor is of no relevance, since his long association with Pi Omega Ro may well have colored Gamov's own sense of humor. The Conversations is the only authentic document that reveals that from its inception the foundation meant to influence the course of political events in America and that the dolphins knew that no politician would be able to resist the offer of a membership on the Advisory Board.

9.8. Эти беседы следует считать подлинными, несмотря на сомнения, которые высказывали некоторые коллеги Гамова, знавшие его в Ла-Джолле. Их указание на то, что чувство юмора Пи Омега Ро проявляло удивительное сходство с чувством юмора самого Гамова, не имеет никакого значения, поскольку его долгое общение с Пи Омега Ро вполне могло оказать влияние на чувство юмора самого Гамова. «Беседы» – единственный подлинный документ, который доказывает, что с момента своего создания фонд намеревался влиять на ход политических событий в Америке и что дельфины знали, что ни один политик не сможет устоять перед предложением войти в Консультативный совет.

10. Участие дельфинов в Соглашении о разоружении 1988 г.

10.1. By the fall of 1986 there was strong sentiment in America for general and total disarmament, and in 1987 the dolphins called an informal conference at the Vienna Institute to discuss the possibility of such disarmament.

10.1. К осени 1986 г. в Америке были сильны настроения в пользу всеобщего и полного разоружения, и в 1987 г. дельфины созвали неофициальную конференцию в Венском институте для обсуждения возможности такого разоружения.

10.2. The steering committee of the conference was composed exclusively of staff members of the Institute, and this caused some resentment even though the Institute was careful to explain the reason for being so exclusive. A letter circulated by the Vienna Institute pointed out that because of the time-consuming process of coding and decoding the speech of the dolphins, the dolphins were in no position to participate in the discussions of the conference directly, and that the staff members of the Vienna Institute were the only people who were able to communicate with the dolphins. They

would keep the dolphins currently informed of the progress of the discussions, and it was contemplated to adjourn the conference from time to time so as to permit the steering committee to hold extensive consultations with the dolphins.

10.2. Руководящий комитет конференции состоял исключительно из сотрудников Института, что вызвало некоторое недовольство, хотя Институт подробным образом объяснил причину подобной исключительности. В письме, распространенном Венским институтом, указывалось, что из-за трудоемкого процесса кодирования и декодирования речи дельфинов, дельфины не могут принимать непосредственного участия в обсуждениях на конференции, и что сотрудники Венского института являются единственными людьми, которые могут общаться с дельфинами. Они будут постоянно информировать дельфинов о ходе дискуссий, и предполагалось время от времени приостанавливать конференцию, чтобы руководящий комитет мог провести обширные консультации с дельфинами.

10.3. At the suggestion of Pi Omega Ro, Ro Epsilon Delta and some of the other leading dolphins, the Institute invited to this conference a number of Russian, American and Chinese scientists who advised their governments on policy planning, but no one was invited whose responsibility was to make policy decisions.

10.3. По предложению Пи Омега Ро, Ро Эпсилон Дельта и некоторых других ведущих дельфинов, Институт пригласил на эту конференцию ряд российских, американских и китайских ученых, которые консультировали свои правительства по вопросам планирования политики, но не был приглашен никто, в чьи обязанности входило принятие политических решений.

10.4. Governmental negotiations on disarmament started about four months after the close of the Vienna Conference. They did not evoke much enthusiasm either in Russia or in America.

10.4. Правительственные переговоры по разоружению начались примерно через четыре месяца после закрытия Венской конференции. Они не вызвали особого энтузиазма ни в России, ни в Америке.

10.5. As the result of the disarmament agreement, the nations were able to reduce their arms expenditure somewhat, but they were obliged to pay a good portion of what they saved in arms cost into the Fund for Compensation.

10.5. В результате соглашения о разоружении страны смогли несколько сократить свои расходы на вооружение, но они были обязаны выплачивать значительную часть сэкономленных на вооружении средств в Компенсационный фонд.

10.6. There was nothing in the agreement to offer any assurance that general and virtually complete disarmament would be achieved in the predictable future. True

enough, the agreement defined the stages through which the world could go from the initial arms level (stage one) to virtually complete disarmament (stage ten). But the date of the transition from one stage to the next was left to the determination of the Security Council, where Russia had the veto, and there was no way of telling when, if ever, progress toward disarmament might take place.

10.6. В соглашении не было ничего, что давало бы какую-либо гарантию того, что всеобщее и практически полное разоружение будет достигнуто в предсказуемом будущем. Правда, в соглашении были определены этапы, по которым мир мог пройти от начального уровня вооружений (первый этап) до практически полного разоружения (десятый этап). Но дата перехода от одного этапа к другому была оставлена на усмотрение Совета Безопасности, где Россия имела право вето, и нельзя было предсказать, когда может (и может ли вообще) произойти прогресс в области разоружения.

11. Конец Института и безуспешные попытки воспроизвести его достижения

11.1. While the events of the decades that followed general disarmament are of great historical interest, they do not come within the scope of this dissertation. My task here is to appraise the contribution that the dolphins made toward the establishment of lasting peace, and the dolphins faded out of the picture soon after general disarmament had been attained.

11.1. Хотя события десятилетий, последовавших за всеобщим разоружением, представляют большой исторический интерес, они не входят в рамки данной диссертации. Наша задача заключается в том, чтобы оценить вклад, который дельфины внесли в установление прочного мира, а дельфины исчезли из поля зрения вскоре после достижения всеобщего разоружения.

11.2. A week after the arms level was reduced to stage seven, a virus epidemic broke out among the dolphins at the Vienna Institute and one dolphin after another died. Two weeks after the death of the last dolphin, a fire broke out in the library of the Institute, which destroyed most of the books and, with a very few exceptions, all of the records. Thereafter, the Russians and the Americans who composed the staff of the Institute decided to abandon Vienna and to return to their homelands.

11.2. Через неделю после того, как уровень вооружений был снижен до седьмой стадии, среди дельфинов Венского института вспыхнула эпидемия вируса, и дельфины один за другим умерли. Через две недели после смерти последнего дельфина в библиотеке института вспыхнул пожар, уничтоживший бóльшую

часть книг и почти все записи. После этого русские и американцы, составлявшие персонал Института, решили покинуть Вену и вернуться в родные края.

11.3. The decision to disband the laboratories of the Vienna Institute was regarded as a major blow to science and was greatly deplored all over the world. The Russian and American scientists who returned home were able to continue their work in the Crimea and in California respectively, where new research institutes were set up to accommodate them. In the years that followed these institutes turned out work which was in no way inferior to the work of the Vienna Institute but neither the Russian nor the American scientists attempted again to communicate with dolphins. No other international research project was set up to emulate the work of the Vienna Institute with dolphins, even though suggestions to set up such a project on a broader international basis were made by the British, French, Italian and Chinese governments. The German government established a very large research operation in Munich on a purely national basis, with the aim of continuing the work of the Vienna Institute with dolphins. The Munich Institute was staffed entirely with German biologists, and inasmuch as the funds were provided by the German government alone, it was deemed proper that the results of the work should benefit Germany only. The director of the Munich Institute announced at the outset that the results of experiments initiated by the staff themselves would be published, but that experiments undertaken on the advice of the dolphins and information relating to the dolphins themselves would come under the Official Secrets Act.

11.3. Решение о расформировании лабораторий Венского института было расценено как серьезный удар по науке и вызвало глубокое сожаление во всем мире. Вернувшиеся на родину русские и американские ученые смогли продолжить свою работу, кто в Крыму, кто в Калифорнии, где для них были созданы новые исследовательские институты. В последующие годы эти институты проводили изыскания, которые ни в чем не уступали Венскому институту, но ни российские, ни американские ученые больше не пытались общаться с дельфинами. Не было создано ни одного международного исследовательского проекта, который бы повторил работу Венского института с дельфинами, хотя предложения о создании такого проекта на более широкой международной основе поступали от британского, французского, итальянского и китайского правительств. Правительство Германии создало в Мюнхене очень крупное исследовательское учреждение на чисто национальной основе с целью продолжения работы Венского института с дельфинами. Мюнхенский институт был полностью укомплектован немецкими биологами, и, поскольку средства предоставлялись только немецким правительством, было сочтено правильным, что результаты работы должны принести поль-

зу только Германии. Директор Мюнхенского института с самого начала объявил, что результаты экспериментов, осуществленных самими сотрудниками, будут опубликованы, но эксперименты, проведенные по совету дельфинов, и сведения, касающиеся самих дельфинов, останутся засекреченными.

11.4. From the very first year of its existence, the Munich Institute published papers on a great variety of scientific subjects, many of them rather voluminous. All of them were published under the name of the scientists who performed the experiments, and no credit was given to any dolphin. While all of this work was respectable and some of it quite informative, none of it was extraordinary.

11.4. С самого первого года своего существования Мюнхенский институт публиковал работы, в том числе весьма объемные, на самые разные научные темы. Все они были выходили из печати под именем ученых, проводивших эксперименты, и ни одна за авторством дельфинов. Хотя все работы были солидны, а некоторые и весьма информативны, ни одна из них не стала чем-то экстраординарным.

11.5. At that time [in the Munich Institute's fifth year of operation] there were rumors that the staff had found it impossible to learn the language of the dolphins, that they came to doubt that the dolphins had a language that could be learned, and that all of the experiments carried out by the staff represented the efforts of the staff themselves.

11.5. В то время [на пятом году работы Мюнхенского института] ходили слухи, что сотрудники не смогли выучить язык дельфинов, что они стали сомневаться, что у дельфинов есть язык, который можно выучить, и что все эксперименты, проводимые сотрудниками, представляют собой усилия самих сотрудников.

11.6. There were, of course, those who questioned whether the Vienna Institute had in fact been able to communicate with dolphins and whether the dolphins were in any way responsible for the conspicuous achievements of the Vienna Institute. America being a free country, any one can think and say, of course, what he pleases. It is difficult to see, however, how the Vienna Institute could have accomplished as much as it did if it hadn't been able to draw on considerably more than the knowledge and wisdom of the Russian and American scientists who composed its staff.

11.6. Конечно, были и те, кто сомневался, действительно ли Венский институт мог общаться с дельфинами и внесли ли дельфины какой-то вклад в выдающиеся достижения Венского института. Америка – свободная страна, и, разумеется, каждый может думать и говорить всё, что ему заблагорассудится. Однако трудно представить, как Венский институт смог бы добиться столь многого, не располагай он чем-то помимо знания и мудрости российских и американских ученых, составлявших его штат.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.
Рассказ «Kathy and the bear» в оригинале и переводе

KATHY AND THE BEAR[244]
By Leo Szilard

This is a beautiful spot to stay in the summer. The hotel is well run. The food is good. Only the service at meals is too slow for my taste; it is intolerably slow for a child of four.

Kathy and her mother spent the last weekend here. At lunch Kathy sat next to me.

“You want some sugar in your milk, Kathy?” I asked.

“She never takes any sugar”, her mother said.

“Yes, please, I want sugar”, said Kathy.

I gave her lots of sugar and she started to drink her milk. Half way through she put her glass down.

“Mother,” she said, “Can I go to see the bear?”

“What bear?”, I asked.

“She means that huge bear skin on the wall in the lobby.” the mother said. “Would you like to take her there? I shall get you when the meat comes”.

Kathy led me to the bear, but stopped at a respectful distance.

“He is dead”. she said. “He was shot. You can put your hand into his mouth, he can’t do anything to you”. And after a moment of silence: “I won’t put my hand into his mouth; I am scared”. She stood there fascinated and looked at the bear, but she kept her distance.

“Alright”, I said after a while. “You have seen him now. Let us go back to lunch”.

The meat was not there yet, when we got back to our table and Kathy’s mother was across the dining room talking to some friends.

“Does a bear like to be shot?” Kathy asked.

“I don’t know, Kathy,” I said, - “I do not think so”.

“Doesn’t a bear go to heaven when he dies?” Kathy wanted to know. I wasn’t going to compromise with truth, not even for the sake of a girl four years old.

“I do not know, Kathy”, I said, “But I am sure your mother can tell you. Why don’t you ask her after lunch when she puts you to bed?”

[244] Приводится по архивному машинописному тексту из коллекции Leo Szilard Papers университета Сан Диего, Калифорния, США. - Режим доступа: https://library.ucsd.edu/dc/object/bb50186478

“My grandfather is dead and he is in heaven”, said Kathy. “And my grandmother is dead and she is in heaven. God is in heaven too, and he is not dead. How is that?” asked Kathy. This was beginning to get difficult.

“Why don’t you drink your milk, Kathy”, I said. “It isn’t too sweet for you, or is it?”

“It ***is*** too sweet”, Kathy said. I accepted the verdict in silence.

“But I ***like*** it too sweet”, said Kathy, and with that she picked her glass and started to drink.

***

The next day at lunch we had again to wait for the meat.

“May I go to see bearsy-wearsy?” said Kathy.

“Alright, Kathy”, I said, “Come along”. When we got into the lobby, Kathy said:

“He was a bad bear. He killed all the chickens. And the farmer took his gun and shot him. And then they saw that he was beauuutiful, and they put him on the wall so that little girls can look at him.” With that she started to stroke tenderly the one paw that she was able to reach.

“Lift me up please”, she said, “I want to put my hand into his mouth”. I lifted her up and she had her wish.

“You want to come back to the dining room with me now?”, I asked.

“No”, she said, “I want to stay with bear”.

“Alright,” I said, “But don’t stay too long”. Kathy settled down on the couch and began to pet the beast. I went back to the dining room. After a while Kathy appeared and sat down on her chair.

“Honeybear”, she murmured and picked up her milk.

КЭТИ И МЕДВЕДЬ
Лео Силард
Перевод Е.В. Филипповой

Это прекрасное место для летнего отдыха. Отель хорошо содержится. Кормят вкусно. Только обслуживание за столом, как по мне, слишком медленное; а для четырехлетнего ребенка просто невыносимо медленное.

Кэти с мамой провели здесь прошлые выходные. За обедом Кэти сидела рядом со мной.

«Добавить тебе сахара в молоко, Кэти?» – спросил я.

«Она никогда не пьет с сахаром», – сказала ее мать.

«Да, пожалуйста, хочу с сахаром», – сказала Кэти.

Я не скупясь положил ей сахара, и она принялась за молоко. Выпив половину, она отставила стакан.

«Мама, – сказала она, – можно я пойду посмотрю на медведя?»

«Что за медведь?», – спросил я.

«Она имеет в виду ту огромную медвежью шкуру на стене в холле», – сказала мать. «Не хотите сходить с ней туда? Я позову, когда принесут мясо».

Кэти подвела меня к медведю, но остановилась от него на почтительном расстоянии.

«Он неживой», – сказала она. «Его застрелили. Можно засунуть ему в руку в рот, он ничего не сделает». И после минутного молчания: «Я ему не положу руку в рот, я боюсь». Она стояла, завороженная, и смотрела на медведя, но держалась на расстоянии.

«Ну вот», – сказал я через некоторое время. «Ты на него посмотрела. Давай теперь вернемся к обеду».

Мясо еще не подали, когда мы вернулись к столу, а мать Кэти стояла в другом конце столовой и разговаривала с кем-то из знакомых.

«Медведю нравится, что его застрелили?» спросила Кэти.

«Я не знаю, Кэти», – сказал я.

«Разве медведи не попадают в рай после смерти?» – хотела знать Кэти. Я не собирался поступаться правдой, даже ради четырехлетней девочки.

«Я не знаю, Кэти, – сказал я. – Но я уверен, что мама может тебе рассказать. Ты бы спросила ее после обеда, когда она укладывает тебя спать».

«Мой дедушка умер, и он на небесах», – сказала Кэти. «И бабушка умерла, она на небесах. Бог тоже на небесах, но он не умер. Как это?» – спросила Кэти. Мое положение усложнялось.

«Почему ты не пьешь молоко, Кэти? – сказал я. – Как для тебя, не слишком сладко?»

«***Слишком*** сладко», – сказала Кэти. Я молча принял этот вердикт.

«Но ***мне нравится***, когда слишком сладко», – сказала Кэти, взяла свой стакан и стала пить.

***

На следующий день за обедом нам снова пришлось ждать, пока подадут на стол.

«Можно мне пойти посмотреть на мишку-топтыжку?» – сказала Кэти.

«Хорошо, Кэти, – сказал я. – Пойдем». Когда мы вошли в холл, Кэти сказала:

«Этот медведь был плохой. Убил всех цыплят. И фермер взял ружье и застрелил его. А потом увидели, что он краси-и-ивый, и повесили его на стену, чтобы детки могли на него смотреть». С этими словами она принялась нежно гладить ту лапу, до которой смогла дотянуться.

«Поднимите меня, пожалуйста, – сказала она, – я хочу засунуть руку ему в рот». Я приподнял её, и она исполнила свое желание.

«Не хочешь теперь вернуться со мной в столовую?», – спросил я.

«Нет, – сказала она. – Хочу остаться с медведем».

«Хорошо, – сказал я, – но надолго не задерживайся». Кэти устроилась на диване и стала гладить зверя. Я вернулся в столовую. Через некоторое время Кэти появилась и заняла свое место за столом.

«Милый мишка», – пробормотала она, принимаясь за молоко.

СПИСОК АВТОРОВ

ДЬЯКОНОВА *Маргарита Владимировна* – BA of Northern Studies, переводчик.

ЙЕНЕИ *Тереза*, PhD, Институт прикладных гуманитарных наук, Университет Ньиредьхазы (Венгрия).

КИШ *Лайош Андраш*, Dr. habil., Институт истории и философии, Университет Ньиредьхазы (Венгрия).

МЕШТЕР *Бела*, PhD in Philology, PhD in Political Philosophy, старший научный сотрудник Института философии (Исследовательский центр гуманитарных наук, Будапешт, Венгрия).

САУТКИН *Александр Александрович* – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет» (Мурманск, Россия).

СЮЧ *Ласло Гергей*, PhD, научный сотрудник Института философии, (Исследовательский центр гуманитарного знания, Будапешт, Венгрия).

САБАДОШ *Беттина*, Институт философии, Исследовательский центр гуманитарных наук (Будапешт, Венгрия)/

ФИЛИППОВА *Елена Владимировна* – магистр социологии, независимый исследователь (Мурманск, Россия).

ШАЧИН *Святослав Вячеславович* – кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь (Мурманск, Россия).

ШАЧИНА *Анна Юрьевна* – кандидат педагогических наук, независимый исследователь (Мурманск, Россия).

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПТЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: МИГРАЦИЯ ИДЕЙ И ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВ

Коллективная монография

Scientific edition

PHILOSOPHICAL CONCEPTS IN A CHANGING WORLD: MIGRATION OF IDEAS AND TRANSFORMATION OF MEANINGS

Collective monography

Компьютерная верстка, обложка: *Орлов Р.В.*

Доступ к сборнику – свободный.
Режим доступа: http://nkras.ru/arhiv/2023/PhilosophicalConcepts.pdf
Сборник содержится в едином файле PDF.

Дата выхода в свет 25.12.2023.
Свободная цена. Заказ ФК2512/23.

По вопросам приобретения
и издания литературы обращаться по адресу:
Издательство НИЦ
ул. 9 Мая, 5/192, г. Красноярск, 660127 Россия
тел. +7 (995) 080-90-42
Электронная почта: monography@nkras.ru
Дополнительная информация на сайте: www.nkras.ru